Н.С. Цинцадзе

Г.Р. ДЕРЖАВИН: НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

ЧАСТЬ III

Государственная деятельность в царствование Александра I

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Г. Р. ДЕРЖАВИНА»

Посвящается 275-летию со дня рождения
Гавриила Романовича Державина

Н. С. Цинцадзе

Г. Р. ДЕРЖАВИН: НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

Монография
в трёх частях

ЧАСТЬ III

Государственная деятельность в царствование Александра I

2-е издание, исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ

Тамбов 2018

УДК 930(092)
ББК 63.3
Ц65

Научный редактор
Ю.А. Мизис,
доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории
(ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»)

Научный рецензент
В.В. Канищев,
доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории
(ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»)

Для дизайна обложки использованы фрагменты
изображения здания Министерства юстиции Российской империи (фото с сайта pastvu.com);
портрета Г.Р. Державина (В.Л. Боровиковский, 1811);
указа императора Александра I об отставке Г.Р. Державина с государственной службы (07.10.1803)
(РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 675. Л. 1–1 об.)

Цинцадзе, Н.С.

Ц65 Г.Р. Державин: на службе у трёх императоров : монография : в 3 ч. / Н.С. Цинцадзе ; науч. ред. Ю.А. Мизис ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018.

ISBN 978-5-00078-172-2

Ч. III : Государственная деятельность в царствование Александра I. — 2018. — 2-е изд., испр. — 304 с. : ил.

ISBN 978-5-00078-174-6

Данная книга завершает трилогию, посвящённую политической биографии Г.Р. Державина. В ней раскрываются основные её этапы в период правления императора Александра I. Центральным сюжетом монографии является административная деятельность Державина в должности первого министра юстиции Российской империи и генерал-прокурора Сената (сентябрь 1802 г. — октябрь 1803 г.). Исследование выполнено с использованием уникальных архивных материалов федеральных архивохранилищ г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, которые вводятся в научный оборот впервые.

В издании представлен подробный анализ результатов проведённой Державиным в 1802 г. сенатской ревизии Калужской губернии, содержания записок и предложений о реформировании государственного аппарата управления, суда, системы юстиции и армии. Рассмотрены многочисленные законодательные инициативы Державина, в том числе одобренные государем. Уделено внимание частной жизни Державина в отставке, взаимоотношениям с близкими и друзьями. В заключение делается вывод о весомом вкладе Державина-политика в развитие Российского государства и актуальности некоторых его предложений.

В приложении помещены ранее не публиковавшиеся документы к биографии Г.Р. Державина из коллекции ОР РНБ, фондов РГАДА и РГИА.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей России.

УДК 930(092)
ББК 63.3

ISBN 978-5-00078-174-6 (ч. III)
ISBN 978-5-00078-172-2

© Цинцадзе Н.С., 2016
© Цинцадзе Н.С., 2018, с изменениями
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2018

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
«TAMBOV STATE UNIVERSITY named after G. R. DERZHAVIN»

Dedicated to the 275th anniversary of the birth of Gavriil Romanovich Derzhavin

N. S. Tsintsadze

G. R. DERZHAVIN: ON SERVICE OF THREE EMPERORS

Monograph
In Three Parts

PART III
The State Activity in the Reign of Alexander I

Second Edition, corrected

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГУ

Tambov 2018

Science Editor
Yu. A. Mizis,
Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
(FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin»)

Scientific Reviewer
V. V. Kanishchev,
Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
(FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin»)

For the cover design were used fragments
of the image of the Russian Empire' Ministry of Justice building (photo from pastvu.com);
portrait of G. R. Derzhavin (V. L. Borovikovsky, 1811);
Emperor' Alexander I decree on the resignation of G. R. Derzhavin from the civil service (07.10.1803)
(RGIA. F. 796. Op. 84. D. 675. L. 1–1 ob.)

Tsintsadze, N. S.

G. R. Derzhavin: on Service of Three Emperors : Monograph : in 3 parts / N. S. Tsintsadze ; Science Editor Yu. A. Mizis ; Ministry of Education and Science of RF, FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin». — Tambov : the Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2018.

ISBN 978-5-00078-172-2

Part III : The State Activity in the Reign of Alexander I. — 2018. — 2nd Ed., cor. — 304 pp. : il.

ISBN 978-5-00078-174-6

This book finishes the trilogy dedicated to the political biography of G. R. Derzhavin. The book considers its basic stages during the reign of the Emperor Alexander I. Administration of Derzhavin as the first Minister of Justice of the Russian Empire and General Procurator of Senate (September 1802 — October 1803) is in the center of the monograph. Research is undertaken with the unique archive materials of the national archives of Moscow and St. Petersburg that are introduced for scientific use for the first time.

The issue contains the detailed analysis of results of the senate audit carried out by Derzhavin in 1802 of the Kaluga province, as well as the analysis of the content of notes and suggestions about government, court, justice system and army reforming. It considers lots of legislative initiatives of Derzhavin including the ones approved by the throne. Special attention is paid to Derzhavin's private life in retirement, to his relationships with relatives and friends. Strong contribution of Derzhavin politician into the development of the Russian state and topicality of some of his suggestions are presented in conclusion.

Appendix contains unpublished materials to biography of G. R. Derzhavin from the collection of Manuscript Department of National Library of Russia (MD NLR), funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA) and the Russian State Historical Archive (RSHA).

The issue is intended to research workers, professors, postgraduate students, students, as well as to everyone interested in History of Russia.

ISBN 978-5-00078-174-6 (part III)
ISBN 978-5-00078-172-2

© Tsintsadze N. S. First published, 2016
© Tsintsadze N. S., 2018, with changes
© FSBEI HE «Tambov State University named after G. R. Derzhavin», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
«Я не смотрел ни на что, — шёл прямою тропою законов...» 7

ГЛАВА I
Политическое положение при дворе Александра I
и деятельность в Сенате 15

ГЛАВА II
Во главе Министерства юстиции и Сената 71

ГЛАВА III
Жизнь в отставке.
Предложения об укреплении обороноспособности
Российской империи и переустройстве армии 147

ГЛАВА IV
Музы Державина-политика 165

ПОСЛЕСЛОВИЕ
«Льстить, а паче в государственном деле, не могу...» 179

Принятые сокращения 191

Источники и литература 192

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Документы к общей и служебной
биографии Г. Р. Державина (1801–1816 гг.) 201

Приложение 2
Г. Р. Державин в портретном интерьере
эпохи Александра I 290

CONTENTS

PREFACE
«I looked no further, – just followed the path of laws...» 7

CHAPTER I
Political status at the courtyard of Alexander I
and activities in Senate 15

CHAPTER II
At the head of Ministry of Justice and Senate 71

CHAPTER III
Life in retirement.
Suggestions on strengthening the defence capability
of the Russian Empire and on army reorganization 147

CHAPTER IV
Muses of Derzhavin-politician 165

AFTERWORD
«I can not feed vanity, especially in state affair...» 179

Authorized abbreviation 191

Sources and literature 192

APPENDIXES

Appendix 1
Papers to the general and official biography
of G. R. Derzhavin (1801–1816) 201

Appendix 2
G. R. Derzhavin in the portrait interior
of Alexander I epoch 290

Предисловие

«Я НЕ СМОТРЕЛ НИ НА ЧТО,— ШЁЛ ПРЯМОЮ ТРОПОЮ ЗАКОНОВ...»

Начало весны 1801 г. принесло Российской империи важные политические изменения: в результате дворцового переворота был убит Павел I и новым императором стал его сын Александр I. Открывалась новая страница в истории страны. Для России начинался новый виток модернизации. Серьёзные перемены произошли и в служебном статусе Гавриила Романовича Державина. Волей судьбы он был выведен из тени, где пребывал всё Павловское царствование, на авансцену политической истории страны. В период правления Александра I в карьере Державина был совершён яркий взлёт: он чуть более года занимал должности министра юстиции и генерал-прокурора Сената, возглавив ключевые государственные органы надзора и суда. На этом поприще он проявил себя блестяще: несмотря на неодобрение коллег-министров, единомышленников нового монарха, последовательно проводил принцип верховенства закона в деятельности вверенного ведомства и защищал его незыблемость как основу государственного аппарата в целом.

Державин вошёл в историю как первый министр юстиции Российской империи. Примечательно, что у истоков российской системы юстиции встал поэт, ярый обличитель чиновничьих пороков. Его назначение не было случайным: Гавриил Романович пользовался авторитетом честного и порядочного, ответственного и справедливого человека. Пожалуй, министерская деятельность в сфере правосудия была органична для Державина-законника, в должности министра юстиции он находился на своём месте, что немаловажно для эффективной работы управленческого аппарата. Его назначение оказалось, как говорится, попаданием в яблочко. Другой вопрос — почему Державину не удалось долго продержаться на этом месте? Ответ на этот вопрос — на страницах данной книги.

В Александровскую эпоху Державин отличился и тем, что составил оригинальный проект реформы Сената. Да так его подготовил, что он вызвал противоположные суждения и споры современников и потомков,

вплоть до того, что документ назвали «конституцией»! Помимо этого, Державин написал обширные проекты изменения третейского судопроизводства, переустройства армии и основ её хозяйственного обеспечения, законов по борьбе с коррупцией. Он по поручению императора в одиночку провёл большое расследование громкого коррупционного скандал в Калужской губернии. Следствие пришлось вести под давлением авторитета влиятельных царедворцев, вмешивавшихся в его ход и влиявших на результаты. В свои почти 60 лет он выдал на-гора весь накопленный за долгие десятилетия административный и судейский опыт. Запаса жизненной стойкости и прочности характера ему было не занимать. Гроза нечистых на руку чиновников и надутых сановников, он изрядно заставлял их нервничать.

Данная книга завершает трилогию о государственной деятельности Державина. Особенностью этой части трилогии стала глава о частной жизни Гавриила Романовича *(см. гл. 4)*. Специальный очерк быта и взаимоотношений с первой и второй жёнами сделал, как нам представляется, восприятие Державина-политика целостнее. Ведь образ государственного служащего неотделим от сущности его как обычного человека. Представление о его жизни «без галстука» и ближайшем окружении даёт понимание того, где черпал силы Державин, как справлялся с жизненными и служебными невзгодами, кого любил, кем был любим и т. д. Этот небольшой финальный очерк добавил красок к портрету Державина-государственника.

Базовыми источниками для создания книги послужили архивные материалы РГАДА, РГИА, ИРЛИ РАН, ОР РНБ, многочисленные опубликованные документы официального делопроизводства, а также личного происхождения (дневники, мемуары, письма). Большинство архивных материалов вводятся в научный оборот впервые. Копии некоторых из них представлены в приложении.

Особым видом источника стал библиографический ресурс ИРЛИ РАН — «Электронная копия картотеки Б. Л. Модзалевского», известного советского библиографа, историка литературы, члена-корреспондента РАН. Картотека Модзалевского является одним из крупнейших неопубликованных и изначально не предназначавшихся для печати справочно-библиографических собраний по истории русской культуры и общественно-политических движений XVIII–XX вв. Объём картотеки — около 169 тыс. карточек. Картотека никогда не публиковалась, существует в единственном экземпляре, хранящемся в ИРЛИ РАН. Она содержит в основном сведения о малоизвестных персоналиях русской истории, что делает её не только уникальной музейной ценностью, но и особо ценным биографическим и библиографическим источником. Практически ни одно серьёзное историко-литературное или историко-культурное исследование в русистике невозможно без обращения к картотеке Модзалевского.

Колоссальные научные возможности картотеки были востребованы и в нашем историческом исследовании. Записи делались Модзалевским на тонкой бумаге, иногда карандашом, в состав картотеки включены газетные вырезки. Состояние карточек, листов, газетных вырезок ухудшалось и от времени, и от частого использования, в связи с этим не все записи на карточках различимы. О Державине в картотеке содержится 74 карточки с записями с № 1504 по 1577 включительно. Меньше половины из них содержат библиографическую информацию о его служебной деятельности.

Центральным сюжетом в государственной деятельности Державина в царствование императора Александра I, безусловно, является министерская деятельность. Однако «стараниями» недавних потомков большая часть документов была уничтожена. По свидетельству главного специалиста РГИА Н. С. Крылова, в фонде Министерства юстиции за 1802 г. не сохранилось ни одного архивного дела, даже их описи, что делает невозможным установить приблизительные размеры потерь. За 1803 г. из 5578 дел того же фонда сохранилось лишь 432 дела, или всего 8%(!). Правда, в данном случае уместнее сказать — хотя бы 8%. Дел же, начатых при Державине, в фонде канцелярии генерал-прокурора Сената за последние четыре месяца 1802 г., когда Министерство юстиции ещё не имело собственной канцелярии и дела производились в генерал-прокурорской, сохранились единицы. Хотя, судя по масштабам делопроизводства в последующие годы, их должно было быть около тысячи.

Изученные нами материалы фонда Собственной Его Императорского Величества канцелярии (РГИА, фонд № 1409) существенно уточняют и дополняют общую картину министерской деятельности Державина. Так, в сохранившемся отчёте за 1802 г. Державин сообщал Сенату о том, что за сентябрь 1802 г.— январь 1803 г. в Министерство юстиции поступило 5645 входящих дел[1]. Тем самым получается, что за первые четыре месяца новое ведомство рассмотрело дел больше, чем в последующие годы его существования. Например, за 1804 г. по описи значится 5011 дел (в наличии — 384), за 1805 г.— 4819 (в наличии — 713), за 1806 г.— 4365 (в наличии — 732), за 1807 г.— 3432 (в наличии — 451), за 1808 г.— 4964 (в наличии — 1283), за 1809 г.— 4486 (в наличии — 1308), за 1810 г.— 4129 (в наличии — 999). После проведения завершающего этапа министерской реформы в 1810–1811 гг. объёмы поступавших в Министерство юстиции дел остались на уровне 1800-х гг. с тенденцией к их сокращению: по описи за 1811 г. значится 4396 (в наличии — 1378), за 1812-й — 3594 (в наличии — 863), за 1813-й — 2964 (в наличии — 380), за 1814 г.— 2910 (в наличии — 547), за 1815 г.— 3968 (в наличии — 917)[2].

---

[1] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 172. Л. 40 об.

[2] Там же. Аннотации описей № 2–13.

Ситуация с дошедшими до наших дней архивными материалами за эти годы та же, что и в начальный период работы ведомства.

Объяснение сохранившейся неполной коллекции дел по Министерству юстиции применительно к начальному этапу его работы под руководством Державина привёл архивист Н. С. Крылов, который установил, что в 1880–1900-е гг. в Сенате проходили «разборные» работы комиссии под председательством сенатора Г. К. Репинского, задачей которой было освобождение физического пространства в сенатском архиве Петербурга, где помещались генерал-прокурорский и юстиц-министерский архивы. К тому времени все полки трёх этажей и прилегавших коридоров учреждения были завалены различными бумагами. Не имея времени и дополнительного штата сотрудников на проведение экспертизы бумаг и возможности строительства для их хранения нового здания, члены комиссии приняли самое быстрое и лёгкое решение об уничтожении бумажного «хлама». Не помогло и то, что новый инспектор сенатского архива И. А. Блинов в 1908 г. пытался убедить руководство Сената построить новое здание для хранения материалов — денег на это попросту не нашлось[1].

Примечательно, что «прославленный» таким образом Г. К. Репинский был историком и архивистом, автором серии историко-юридических статей, редактором одиннадцати выпусков «Сенатского архива». Этот Герострат от Сената с 1894 г. даже был выбран почётным членом Рязанской учёной архивной комиссии[2]. Печально и то, что великий биограф Я. К. Грот при подготовке издания «Сочинений» Державина не использовал материалы ни архива канцелярии генерал-прокурора, ни Министерства юстиции, к тому времени, вероятно, ещё существовавшие. Не даёт ответа на этот вопрос и сохранившееся в личном фонде Г. К. Репинского в ОР РНБ письмо к нему Я. К. Грота от 5 ноября 1880 г., в котором он благодарил сенатора за предоставленную возможность использовать при подготовке своего издания о Державине материалы сенатского архива. Однако биограф сообщал о том, что ему удалось почерпнуть лишь немного материалов для 8-го и 9-го томов «Сочинений» Державина[3].

Чиновники, видимо, относились к текущим делопроизводственным бумагам центральных государственных учреждений с позиций разумной утилитарности, не видя в них особой ценности для истории. Да и в стране начала XX в. были вопросы посерьёзнее, чем консервация сенатской

---

[1] Крылов Н. С. Министерская служба Г. Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2014. Вып. 9. С. 44–46.

[2] Отчёт о деятельности Рязанской учёной архивной комиссии за 1899 г. Рязань, 1900. С. 33.

[3] ОР РНБ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

«макулатуры». Вообще, в архивной практике любых стран частичная или полная утрата, порча и периодическое разделение/перемещение архивных коллекций — дело обычное.

Так или иначе, возвращаясь к Державину, мы имеем фрагментарное представление о его деятельности в должности министра юстиции и генерал-прокурора Сената, складывающееся из его субъективных воспоминаний, записок коллег и современников, уцелевших обрывков архивных дел и пр. Их сопоставление позволяет создать более или менее целостную картину о предмете исследования. В связи с утратой ценнейших документов, относящихся к начальному этапу истории Министерства юстиции нашей страны, большую историческую ценность представляют сохранившиеся в различных архивных фондах делопроизводственные бумаги периода министерства Державина. К ним мы относим обнаруженные нами материалы из фондов статс-секретаря М. Н. Муравьёва (РГИА, фонд № 1486) и канцлера А. Р. Воронцова (РГАДА, фонд № 1261). Они представляют малые крупицы, однако всё же восполняют имеющуюся источниковую лакуну. Существенную информацию мы почерпнули из фонда РГИА № 1374 канцелярии генерал-прокурора Сената. По описи № 5 за 1802 г. в наличии значатся 228 дел. Определённую трудность составляет то, что в описи не указаны полные крайние даты начала и окончания дел, так что выявить, какие из них начаты при Державине, можно только посредством сплошного изучения документов или исходя из описания дел и сопоставления их с основными проблемными направлениями в деятельности Гавриила Романовича: наведением порядка в делопроизводстве, участием в работе Еврейского комитета, заботой о колодниках и пр. Такой комплексный контекстуальный анализ позволил нам обнаружить немало любопытных архивных дел, по-новому раскрывающих деятельность Державина-министра.

Материалы о подготовке проекта сенатской реформы содержатся в фондах РГИА № 1167 «Комитет 6 декабря 1826 г. при Государственном совете» и № 1400 «Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции (коллекция)». Они включают анонимные проекты устройства Сената начала XIX в., авторство которых, как мы убедились, принадлежит Державину *(см. подробнее об этом – гл. I, с. 29–31)*. Дополняют картину проведённой Державиным в 1802 г. ревизии Калужской губернии рукописные документы из коллекции ИРЛИ РАН фонда № 96 «Державин Г. Р.». Интересная находка — письмо императора Александра I своему советнику относительно командирования Державина в Калужскую губернию — обнаружена нами в РГИА, в фонде № 1101 «Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов».

Ряд указов, патентов на чины, дипломов и прочие документы, касающиеся биографии Державина, мы выявили в различных фондах РГИА,

ИРЛИ и ОРН РНБ. Так, черновик письма министра народного просвещения А. К. Разумовского, в котором он просил Державина временно возглавить Императорскую Российскую Академию наук, мы обнаружили в фонде РГИА № 733 «Департамент народного просвещения». Диплом об избрании Державина в августе 1812 г. почётным членом Санкт-Петербургской духовной академии хранится в ИРЛИ РАН, в державинском фонде.

Помимо этого, в фондах РГАДА мы обнаружили нигде ранее не упоминаемую и неизданную записку Державина о потенциально возможной войне с Наполеоном — «Поданное государю Державиным мнение вскоре после Тильзитского мира» (1807 г.)[1]. Записка обнаружена в коллекции документов (фонд № 345) известного московского книгоиздателя первой четверти XIX в. С. И. Селивановского (1772–1835 гг.). Она находится в папке с запиской сенатора Теплова о внутреннем положении России, адресованной императору Александру I. Записка написана писарским почерком. Полагаем, что Я. К. Гроту в период подготовки академического издания державинских «Сочинений» о её существовании не было известно. В противном случае он о ней упомянул бы в своём издании. Её текст и анализ в данном издании публикуются впервые.

Из опубликованных материалов очень информативным оказались «Журналы Комитета министров» периода царствования Александра I, напечатанные в конце XIX — начале XX в. и содержащие протоколы заседаний этого учреждения с момента его основания в 1802 г. и до 1825 г.[2] Это издание позволяет восполнить пробелы в истории первых лет существования министерств. Кроме этого, картину административных мероприятий Гавриила Романовича дополняют протоколы заседаний Государственного совета, также опубликованные ещё до революции. На основании изучения этих сборников документов мы проследили характер и содержание деятельности Державина на этом высоком государственном посту.

В данное издание под собирательным названием «Архив Государственного совета» вошли протоколы заседаний Совета при высочайшем дворе времён Екатерины II и Павла I, Государственного совета периода царствований Александра I и Николая I. Государственный совет по инициативе Д. П. Трощинского заменил учреждённый Екатериной в 1768 г. Совет при высочайшем дворе. На первом же его заседании 30 марта 1801 г. за ним законодательно закрепилось официальное название «Государственный совет». По утверждению Л. Ф. Писарьковой, Государственный совет образца 1810 г. разительно не отличался от Государственного совета начала 1801 г. ни по составу, ни по компетенции. Знаменитый манифест от 1 ян-

---

[1] РГАДА. Ф. 345. Д. 44. Л. 1–5.

[2] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1888. Т. 2. СПб., 1891.

варя 1810 г. декларировал не создание впервые данного государственного органа, а новую организацию уже существовавшего с 1801 г. учреждения. Таким образом, историк подчёркивает существовавшую преемственность в развитии государственного аппарата первой половины XIX в. Сумбур в наименование и описание компетенции данного органа власти внесла дореволюционная историко-правовая литература, не отличавшаяся единством мнений. Часть исследователей называли его «Непременным советом» (впервые этот термин применил историк В. Г. Щеглов), часть — Государственным советом. В советское время в результате многократного повторения в справочно-энциклопедических и ряде исторических работ утвердилось ошибочное представление о двух самостоятельных Советах: о Непременном совете, существовавшем с 1801 по 1809 г., и Государственном совете, который заменил первый в 1810 г.[1]

На самом же деле наряду с Государственным советом как официальным законосовещательным органом существовал неофициальный, также законосовещательный, Негласный комитет в составе ближайших советников Александра I: А. А. Новосильцева, П. В. Кочубея, А. А. Чарторыйского, П. А. Строганова. Именно с ними молодой император обсуждал масштабные преобразования страны. Ведь ему, 23-летнему молодому человеку и правителю, ближе был Негласный комитет, средний возраст членов которого составлял 30 лет, в то время как средний возраст членов Государственного совета — 50. К тому же оба Совета представляли две противоборствовавшие партии — Д. П. Трощинского и В. П. Кочубея соответственно, по-разному видевшие направления начатых реформ[2].

Весьма интересными оказались материалы губернских учёных архивных комиссий, в частности Оренбургской и Калужской. Эти полуофициальные архивные организации, являвшиеся местными историческими обществами, появились в 1884 г. по инициативе известного историка-архивиста, юриста, государственного деятеля Н. В. Калачова. Их задачами были отбор документов, намеченных различными учреждениями к уничтожению, и организация исторических архивов на местах. С этим они прекрасно справлялись: благодаря их усилиям были созданы крупные губернские архивы по всей стране. Состав комиссий формировался на началах добровольности из чиновников, интеллигенции, духовенства, купечества. Комиссии существовали на средства пожертвований городов, земств и частных лиц. Большинство из архивных комиссий публиковали

---

[1] Писарькова Л. Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801–1809 годах? (к вопросу об уточнении терминологии) // Отечественная история. 2008. № 5. С. 127–130.

[2] Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 36–38.

«Журналы», «Труды», «Известия», «Сборники» и пр., в которых помещали отчёты о своей деятельности, протоколы заседаний, статьи, исторические документы и пр. Комиссии были ликвидированы в 1918 г. в ходе начатой большевиками архивной реформы. В связи с утратой документов по истории министерской деятельности Державина материалы учёных архивных комиссий представляют большую историко-археографическую ценность. Действительно, в «Известиях» Калужской учёной архивной комиссии мы обнаружили материал, относящийся к периоду ревизии Державиным губернии, а в «Трудах» Оренбургской — его записку с протестом о закрытии местного медеплавильного завода. В этом же ряду находится «Сборник археологического института», издаваемый Н. В. Калачовым, из которого мы использовали материалы по обсуждению и подготовке сенатской реформы 1802 г. Востребован был также сборник «Сенатского архива», содержащий отчёт Державина по «калужскому делу».

По-прежнему неизменным источниковым подспорьем являлись для нас «Записки» Державина, академическое «Собрание сочинений Державина» (записки, деловые бумаги, письма), «Архив князя Воронцова», «Полное собрание законов Российской империи». К ним добавились воспоминания ряда современников: И. И. Дмитриева, С. П. Жихарева, В. И. Панаева, С. Т. Аксакова, Ф. Ф. Вигеля, Н. И. Греча, Е. Н. Львовой, П. Н. Львовой, С. В. Скалон и др. Из них мы почерпнули ценную информацию о частной жизни Державина, особенностях его взаимоотношений с родными и близкими.

Источниковая база нашего исследования министерской деятельности Державина не может носить исчерпывающий характер. Заметим и то, что большим источниковым потенциалом, на наш взгляд, обладают фонды министерств и ведомств, с которыми Державину по должности приходилось контактировать. Имея в виду содержавшееся в «Записках» Гавриила Романовича указание на то, что некоторые текущие дела, справки по ним, доклады пропадали из его канцелярии и он лично занимался рассылкой бумаг, можно предположить, что их экземпляры сохранились в фондах ведомств-адресатов. Сбрасывая со счетов эти «потерянные» документы (они могли и безвозвратно пропасть), необходимо учитывать фонды органов власти, принимавших искомые исходящие документы. Подобная комплексная поисковая работа с большой долей вероятности может стать результативной. Однако она требует тщательного изучения фондов, истории и порядка делопроизводства целого ряда высших, центральных и местных органов власти начала XIX в. Очевидно и то, что подобное широкое исследование с высокой эвристической ценностью предполагает объединение усилий группы специалистов-исследователей, инициированное историко-культурным и социополитическим заказом государственной власти.

ГЛАВА I

Политическое положение при дворе Александра I и деятельность в Сенате

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСАНДРА I И ПЕРЕМЕНЫ В СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ ДЕРЖАВИНА

Воцарение императора Александра I явилось для России, по словам одного из современников, «зарёй пробуждения»[1]. Дворянство, немало натерпевшись от произвола и непредсказуемости Павла I, радостно и с надеждой встретило нового монарха. Вследствие «крайней запутанности» государственных дел в первые же месяцы своего царствования молодой правитель начал стремительно менять структуру государственного аппарата и расстановку политических сил при дворе. По словам публициста и мемуариста Н. И. Греча, «природа одарила его добрым сердцем и светлым умом, но не дала ему самостоятельности характера, и слабость эта, по странному противоречию, превращалась в упрямство. Он был добр, но притом злопамятен; не казнил людей, а преследовал их медленно, со всеми наружными знаками благоволения и милости: о нём говорили, что он "употреблял кнут на вате"». Императору были присущи скрытность и притворство[2].

Несмотря на щедрый монарший подарок (бриллиантовый перстень стоимостью 5 тыс. руб.) за сочинённую оду в честь его восшествия на престол, служебный статус Державина пошатнулся. Во-первых, он был удалён с должности государственного казначея. Причём сделано это было в крайне обидной для Державина форме, когда на заседании Негласного совета 15 апреля 1801 г. члены совета высоко оценили деятельность его предшественника А. И. Васильева в «важной и трудной должности государственного казначея» в период с 1797 г. по ноябрь 1800 г., поставив ему в заслугу своевременную уплату внешних и внутренних государственных долгов, оперативный сбор налоговых недоимок, умение использовать выгодные биржевые курсы даже в сложные для торговой деятельности времена. Высказанные же Державиным, как уже бывшим государственным казначеем, замечания о недостатках

---

[1] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История — статистика: в 4 т. СПб., 1882. Т. 1. С. 64.

[2] Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 155.

и упущениях Васильева были признаны несущественными. О заслугах самого Державина-казначея не было сказано ни слова[1]. По мнению Н. И. Греча, «стихотворения Державина представляли любопытную картину поэтического флюгарства. Он хвалил и Екатерину, и Павла, и Александра!». При восхвалении восшествия на престол Александра Державин, как едко выразился журналист, «пал с вершины честей: он лишился места государственного казначея»[2].

Во-вторых, новый правитель, заменив 30 марта 1801 г. Совет при высочайшем дворе на Государственный совет с правами постоянно действующего законосовещательного органа при императоре, поменял его состав, куда первыми вошли граф Н. И. Салтыков, князь П. А. Зубов, граф В. А. Зубов, вице-канцлер князь А. Б. Куракин, вице-президент Военной коллегии И. В. Ламб, государственный казначей барон А. И. Васильев, генерал-прокурор А. А. Беклешов, петербургский военный губернатор П. А. фон дер Пален, князь П. В. Лопухин, министр коммерции Г. П. Гагарин, вице-президент Адмиралтейской коллегии граф Г. Г. Кушелёв и тайный советник Д. П. Трощинский. Главной задачей совета была подготовка новых законодательных актов. Державина в нём не было. Он возвращался в Сенат.

В подобном монаршем охлаждении к себе Державин винил своих неприятелей А. А. Беклешова, Д. П. Трощинского и графа А. Р. Воронцова, некогда ему покровительствовавшего. Однако, как сообщал Я. К. Грот, в стане его недоброжелателей единство вскоре было утрачено. Началось противостояние между Трощинским и Беклешовым. На стороне Трощинского, который в первое время был очень близок к императору, будучи секретарём нового Совета, выступил Воронцов, к ним присоединился и Державин. Гавриил Романович вступил в противоречие с генерал-прокурором Сената Беклешовым по вопросу прекращения действия государственного контракта о доставке крымской соли в Западный край[3], который был утверждён незадолго до смерти Павла I и отдан на откуп коммерции советнику А. И. Перетцу и херсонскому купцу Н. И. Штиглицу на восемь лет. Беклешов выступал за разрыв данного контракта, а Державин в подготовленной им записке настаи-

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 1. С. 613–614.

[2] Там же. С. 154.

[3] Западный край Российской империи — так называли западно- и южнорусские территории, вошедшие в состав империи в середине XVII – конце XVIII в. по трём разделам Речи Посполитой. В него входили Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилёвская, Витебская, Киевская, Волынская и Подольская губернии.

вал на дальнейшем его соблюдении[1]. В специально составленной им в апреле 1801 г. записке он указывал на необходимость для государства во что бы то ни стало следовать взятым обязательствам. Державин ссылался на указы императрицы Екатерины II от 18 ноября 1784 г. и 31 июля 1795 г., запрещавшие ввоз иностранной соли в страну и направленные на развитие отечественных соляных промыслов. Державин не усматривал в откупе на соль признаков монополии, стеснявшей разработку месторождений соли другими купцами и потребление её населением. К тому же обслуживание соляных озёр купцом Перетцем значительно экономило государственные деньги на доставку соли с юга в западные губернии. Державин полагал, что вместо закупки соли в Австрии, Молдавии, Валахии и Бессарабии необходимо вывозить иные продукты, получая в год большую сумму золотых и серебряных монет. По правилам гражданско-правового оборота, на которые постоянно ссылался Державин, досрочное одностороннее расторжение договоров не предусматривалось. Однако в том случае, если казне поступит более выгодное предложение, то, согласно общепринятой торговой практике, следовало предложить Перетцу добровольно отказаться от выполнения договорных обязательств с компенсацией его издержек. Зная, что таких предложений нет, Державин считал крайне нецелесообразным расторгать уже исполняемый договор[2].

В начале мая 1801 г. Державин составил возражения на мнение Беклешова, стремившегося разорвать контракт на поставку отечественной соли в Западный край. При этом он объяснял в сопроводительном письме императору, переданном через его секретаря Д. П. Трощинского, что он не защищал Перетца, а следовал логике и духу закона. Цель его записки, как следовало из письма, сводилась к тому, чтобы удержать молодого правителя от совершения ошибки путём пренебрежения законами, которая заметно снизила бы его авторитет в глазах подданных[3].

Несмотря на это мнение Державина-сенатора, по высочайшему повелению контракт всё же был расторгнут, и крымские соляные озёра были возвращены в ведение казны. В связи с этим Сенат летом 1802 г. поручил Державину составить проект правил об их государственном содержании. В начале августа обширный проект

---

[1] Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб, 1880. С. 777–778.

[2] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 7. Сочинения в прозе. СПб., 1872. С. 405–407.

[3] Там же. С. 407–408.

(он включал 68 статей) был готов. Он был разработан с опорой на данные государственного казначейства, а также на практические сведения, полученные Гавриилом Романовичем от местных откупщиков, содержавших откупа ещё при крымском хане. В проекте правил он предлагал поставить во главе крымских соляных озёр главного надзирателя — человека «честностию, расторопностию и усердием к благу общему известнаго». Он должен был подчиняться напрямую Сенату и не зависеть от Главной соляной конторы и губернатора, кроме проверки счетов казённой палатой. Под руководством надзирателя учреждались бы соляная контора и несколько соляных застав с центральными и подвозными магазинами. Контроль над их деятельностью должен был самолично осуществлять главный надзиратель, который постоянно не сидел бы на месте, а руководил бы процессом на местах.

Главной обязанностью надзирателя и его помощников было расширение свободной продажи соли и обеспечение прибыли казне на сумму не менее 405 тыс. руб. в год (такую сумму ранее предлагали откупщики). Они должны были инициировать вывоз соли из Крыма местными жителями в другие губернии через поощрение соляных промыслов, привлечение к выволочке и выломке соли из озёр татар и инородцев[1]. С целью привлечения покупателей с ними следовало быть обходительными и дозволять свободный доступ к надзирателю и помощникам. На работах не должно было допускаться простоя. Купцов, промышленников и фурщиков необходимо было защищать от притеснений и необоснованных поборов. Взвешивать и отпускать соль следовало по совести, без обмана, не допуская промедления. При возникновении споров — разбирать их устно на месте, при возникновении уголовного дела — отдавать его на рассмотрение в суд.

Державин предлагал учредить консульство в Турции для защиты отечественных торговых интересов при торговле солью; обустроить портовый г. Одессу; построить необходимой конструкции суда для вывоза соли за границу; прекратить завозить соль из заграницы, отдавая за неё наличные металлические деньги; используя свои географические преимущества, распространить завоз соли в Центральную Россию[2]. С тем, чтобы привлечь азиатских покупателей соли, необходимо было открывать пункты продажи соли в портах на Чёрном море, не удерживая турецкие суда в карантине и не взимая с них дополнительные пошлины. В центральных магазинах при соляных озёрах соль должна

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 423–425.

[2] Там же. С. 426–427.

была запасаться впрок. Назначение подвозных магазинов состояло в сближении товара и потребителя[1].

Державин планировал понизить цены на соль посредством допущения свободного рынка российской и заграничной соли, вовлечения в торговый оборот местного населения. Роль государства сводилась к надзору за данной торговлей и взиманию торговых пошлин. Местному населению (дворянам, мещанам, купцам и крестьянам) государство могло выдавать ссуды на приобретение фур для вывоза соли за пределы Крыма[2]. Державин предлагал вести учёт фур, прибывавших за солью, самих фурщиков напрямую не допускать до разработки соли — этим должны были заниматься специальные рабочие[3].

Накануне рассмотрения положения о содержании крымских соляных промыслов в Сенате Державин направил Н. Н. Новосильцеву письмо, в котором предусмотрительно и по-хозяйски советовал запросить у откупщиков данные о количестве добытой соли за предшествовавшие три года и текущий год. Благодаря этим данным, как считал Державин, во-первых, правительство смогло бы приблизительно рассчитать предполагаемый доход от государственной монополии на добычу и сбыт соли, а во-вторых, стали бы известны пункты хранения соли, в-третьих, по представленным документам можно было бы отследить, насколько верно выполнялись откупные контракты. Он просил вельможу направить специального курьера в Крым с тем, чтобы в хранившиеся откупщиками в г. Перекопе конторские книги не были бы внесены изменения для искажения запрошенных данных. Наряду с этим, необходимо было предупредить местного предводителя дворянства о том, чтобы он с той же целью присматривал за соответствующими книгами текущего года[4].

Из сохранившейся в фонде Воронцовых в РГАДА копии с журнала заседания Сената 9 августа 1802 г. следует, что А. Р. Воронцов положительно относился к этому проекту и в целом предлагаемые Державиным меры одобрял. Граф считал, что государству выгоднее отдать на время содержание соляных промыслов откупщикам, т. к. их обслуживание слишком затратно для государства. А. Р. Воронцов предлагал ввести переходный период, смысл которого сводился к постепенной передаче соляных промыслов в казну. Для этого не следовало продлевать истекшие сроки откупных контрактов, оставляя их

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 429–430.

[2] Там же. С. 431–432.

[3] Там же. С. 433–434.

[4] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 6. Переписка 1794–1816 гг. СПб., 1871. С. 137–138.

в государственном ведении. С подобным мнением солидарны были сенаторы А. И. Васильев и П. В. Завадовский[1].

После рассмотрения и утверждения Сенатом проект был подписан Александром I 23 сентября 1802 г.[2] 17 ноября 1803 г. последовал указ об учреждении соляных запасов в губерниях[3], сенатским указом от 16 апреля 1804 г. крымские соляные озёра были переданы в частное содержание городских обществ[4]. По предложению Державина, уже ставшего к тому времени во главе Министерства юстиции, главным надзирателем над государственными соляными озёрами в конце 1802 г. был назначен Д. Б. Мертваго, его земляк и протеже. Правда, при преемнике Державина П. В. Лопухине соляные озёра были переданы в ведение Министерства внутренних дел.

В ноябре-декабре 1802 г. по распоряжению императора в Новороссийскую губернию для осмотра соляных промыслов был направлен коллежский советник Сафонов. В подготовленном Державиным-министром юстиции рапорте, адресованном Сенату 22 декабря 1802 г., сообщались итоги ревизии и основные проблемы, требовавшие решения. Например, дорога в городке Бреславле, по которой фурщики везли соль, из-за сыпучих песков и горной местности была очень сложной, в результате чего на том участке маршрута фурщики часто теряли свои повозки. Местные же помещики, чьи имения примыкали к той дороге, брали с них «неумеренные платежи» за использование пастбищ и водопоев для лошадей, запряжённых в повозки с солью. Содержатель перевозок на р. Днепре также взимал с фурщиков разорительные поборы, сверх того неделями умышленно задерживая их у берегов.

Далее, как указывал Державин, в магазинах (т. е. на складах) в Крыму Сафоновым были обнаружены довольно обширные запасы старой соли, которая от откупщиков должна была поступить в казённое ведомство. Из-за их нерадивости соль содержалась ненадлежащим образом: крыши складов протекали, соль промокла и смешалась с грязью и песком, так что для употребления в пищу была уже не годна. Соль новой заготовки тоже содержалась в подобных условиях — откупщики о ней не заботились. В этом можно было убедиться, исследовав представленные Сенату пробы соли. Реализуемая промышленниками так называемая вольнопродажная соль намного превосходила по качеству соль, добытую

---

[1] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1431. Л. 29–31 об.

[2] Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. СПб., 1830. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 428.

[3] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 21 044.

[4] ПСЗ-1. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. № 21 267.

откупщиками, хотя по контракту откупщики должны были поставить государству чистую, без примесей соль, готовую к употреблению в пищу.

В связи с этим грубым нарушением Державин поручил Мертваго и Сафонову вместе с крымскими губернскими властями в присутствии откупщиков провести освидетельствование всей добытой соли. В случае подтверждения факта негодности соли к употреблению необходимо было взыскать с откупщиков убытки и обязать их пополнить запасы чистой соли за свой счёт в объёмах и пропорции, необходимой для снабжения населения до весны и прибытия в Крым промышленников. Параллельно Державин известил местные губернские власти о выявленной ситуации и обязал их выяснить пункты хранения чистой соли, о чём им следовало незамедлительно сообщить Мертваго. Управлению дорог и перевозов Державин поручил решить проблемы с незаконными поборами и действиями чиновников ведомства. В случае препятствий в этом министр обещал вмешаться лично[1].

Самоуправство Беклешова как руководителя Сената было установлено благодаря возмущению Державина и последовательному выявлению им самовластных решений генерал-прокурора. Это отчётливо видно в деле пересмотра института опек и попечительств, когда Гавриил Романович подготовил расширенный доклад Сенату об опеках и написал письмо императору. Об этом мы уже писали в предыдущей части данного издания[2]. По убеждению самого Державина, именно его смелые высказывания и принципиальная позиция в защиту петровских и екатерининских установлений о роли Сената как главного хранителя законности в стране сыграли роль в принятии решения Александром I о реформировании Сената и создании министерств.

Голос Державина громко звучал на заседании Сената в 1802 г. при рассмотрении дела об отмене монополии Куракиных на астраханские рыбные ловли, подаренные им в вечное владение Павлом I. Дело было инициировано князем Долгоруковым, владевшим имениями в Астраханской губернии. Он считал вредной ловлю рыбы учугами[3] и другими практиковавшимися там способами, указывая на возникавшие препятствия для продвижения «красной» рыбы в устье р. Волги. Вопреки

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 31. Л. 1–2 об.

[2] Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. II. Государственная деятельность в царствование Павла I / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. Тамбов, 2018. С. 124–127.

[3] Учуг — сплошные перегородки-сваи, вбиваемые поперёк течения реки с целью удержания и лова поднимающейся вверх по реке на нерест рыбы (главным образом осетровых пород). До революции это был основной способ промыслового лова рыбы.

стараниям А. Б. Куракина убедить сенаторов в обратном, 27 августа 1802 г. монополия была уничтожена и право пользования каспийскими рыбными ловлями стало общественным. Во многом этому способствовала подготовленная Державиным записка «Об астраханских рыбных ловлях». В ней он привлёк внимание к проблеме отсутствия в стране законов, регулировавших взаимоотношения владельцев земель и водных ресурсов, что порождало подобные юридические казусы. Гавриил Романович считал правильным уничтожение учуг и заколов на реке и разрешение свободного пользования ловлями местными жителями. Однако, руководствуясь государственной пользой, он предлагал разделить сумму оброчных денег (30 тыс. руб.) за пользование рыбными ловлями между жителями прибрежных Астраханской, Саратовской и Симбирской губерний пропорционально количеству произведённого ими рыбного улова[1].

На заседании Сената 2 сентября 1802 г. Гавриил Романович выразил своё несогласие с продажей в частные руки казённого Вознесенского медеплавильного завода в Оренбургской губернии. Подробное мнение и предложения по данному вопросу он подготовил 30 ноября, а уже 4 декабря того же года записка Державина была рассмотрена[2]. Обнаружил ранее неизвестную записку Державина оренбургский педагог и краевед конца XIX в. И. С. Шукшинцев. Обширная записка содержала обзор истории данного металлургического завода на Южном Урале, входившего в знаменитую систему Колываново-Вознесенских заводов, результатов его управления и осмотров состояния в XVIII–начале XIX в., обоснование невыгодности его продажи и предложения по восстановлению[3]. Вознесенский медеплавильный завод имел трудную историю: он был основан графом К. Е. Сиверсом в 1753 г. на казённых землях в Уфимском уезде Оренбургской губернии, введён в эксплуатацию в 1756 г., в 1765 г. за долги графа он был продан в казну. Всё последующее время завод содержался из рук вон плохо, управляющие обманывали Берг-коллегию, в ведении которой он находился. Уже в 1780-е гг. появилось намерение казны продать немало обветшавший без рачительного управления завод частным заводчикам и откупщикам. Однако по полученным в 1797 г. сведениям о богатых залежах руды и потенциально высокой прибыльности завода Сенат поручил

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 379–381.

[2] Из неизданных произведений Г. Р. Державина (сообщение И. С. Шукшинцева) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5. С. 49–52.

[3] Там же. С. 53–74.

Берг-коллегии провести на месте подробный осмотр состояния завода и дать своё заключение о его дальнейшей судьбе. К осени 1801 г. Берг-коллегия, проведя выездное исследование ситуации с данным заводом, пришла к выводу о необходимости его восстановления. Однако с подачи Уфимской казённой палаты и генерал-губернатора О. А. Игельстрома параллельно инициировала публичные торги завода[1].

Державин считал, что продавать казённый завод было нецелесообразно. Во-первых, истинное богатство уфимских рудных месторождений было неизвестно, так как там ни разу не проводились геологические разведки. Во-вторых, судя по сообщениям обер-бергмейстера[2] Фелькнера, место под заводом было богато рудниками (по первичному обследованию их насчитывалось 537 штук!). В-третьих, рост на треть предлагаемой частными заводчиками цены завода подтверждал эту информацию, иначе предприниматели не стали бы покупать убыточный объект. В качестве практических мер восстановления Вознесенского медеплавильного завода Державин предлагал вначале приостановить его продажу до получения сведений от Берг-коллегии об истинном его состоянии, потом создать специальную комиссию под руководством специалиста горного дела, которая провела бы разведку рудных месторождений и независимую их экспертизу, ревизию завода на месте. Для изыскания средств он предлагал полученные от реализации добытой меди деньги направить на восстановление предприятия. Решить проблему нехватки рабочей силы можно было путём свободного найма работников, а не посредством приписки к заводу крестьян, которые работали плохо. Жившие рядом башкирцы с радостью согласились бы там работать, так как от хлебопашества получали мало выгод. Удобное расположение завода в двух верстах от судоходной реки Белой также способствовало успешной работе по восстановлению предприятия. При хорошем хозяйствовании, заключал Державин, государство могло гарантированно получить большую прибыль от этого завода[3]. Предложения Державина, как ни странно, были восприняты: Сенат повелел приостановить продажу казённого Вознесенского медеплавильного завода. Так был спасён крупный металлургический завод от банкротства и приватизации, как бы мы сейчас это назвали.

---

[1] Из неизданных произведений Г. Р. Державина (сообщение И. С. Шукшинцева) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5. С. 53–69.

[2] Обер-бергмейстер — штаб-офицерский чин горного ведомства Российской империи, соответствовавший VII классу по «Табели о рангах».

[3] Из неизданных произведений Г. Р. Державина (сообщение И. С. Шукшинцева) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5. С. 70–74.

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СЕНАТСКОЙ РЕФОРМЫ 1802 г.

Преисполненный реформаторского воодушевления, поддерживаемого либерально настроенным дворянским окружением, прежде всего членами Негласного комитета, Александр 5 июня 1801 г. в именном указе дал поручение Сенату подготовить проект преобразований этого высшего административного и судебного органа власти. Император намеревался восстановить его прежнее высокое значение[1]. Было составлено много проектов реорганизации Сената. Имея разнообразный опыт работы в этом высшем государственном учреждении, неоднократно наблюдая сбои в его функционировании, Державин составил свой проект реформирования Сената. Известно, что проект Державина, к досаде членов Негласного комитета, понравился Александру: при коронации он наградил Гавриила Романовича орденом Александра Невского.

Однако, несмотря на столь высокое монаршее одобрение, этот вариант реформы Сената реализован не был. Для того чтобы лучше понять, почему в основу реформы не был положен державинский проект, или хотя бы определить его место в огромном количестве «прожектов» того времени, необходимо проанализировать события, предшествовавшие инициации процесса составления записок по этому поводу, а также сопутствующие им процессы в государственном управлении. Небезынтересно будет учитывать логику и общий реформаторский тренд начала XIX в. Одним словом, вырванный из исторического контекста проект Державина будет не понятен.

А. Н. Пыпин отмечал, что при воцарении молодого 23-летнего императора «все радовались потому, что от Александра именно ждали новаго правления, где на место произвола и насилия явился наконец закон и справедливость». Он строил свою деятельность на принципе законности, не ставя себя выше и вне закона. Его указы

[1] ПСЗ-1. Т. XXVI. 1800–1801 гг. № 19 908.

первых двух-трёх месяцев вносили в жизнь империи «небывалый элемент мягкой терпимости, справедливости, открытого признания недостатков правления и желания исправить их». Так, до 12 тыс. человек, ранее уволенных со службы, восстановили свои прежние права; были сняты запреты на вывоз и ввоз различных товаров; была объявлена амнистиям беглецам, скрывавшимся за границей; были освобождены лица, отбывавшие каторгу и состоявшие под полицейским надзором (например, А. Н. Радищев вернулся из ссылки); была уничтожена Тайная экспедиция (т. е. тайная полиция); были восстановлены дворянские выборы, основные положения «Жалованной грамоты дворянству» и «Жалованной грамоты городам» 1785 г. и пр.[1]

Публичное обращение к Сенату 5 июня 1801 г. с просьбой подготовить доклад о сущности и правах Сената, по воспоминаниям некоторых современников, было нетипичным для российского типа взаимоотношений общества в лице высшего чиновничества и власти. По свидетельству дореволюционного экономиста и историка А. К. Шторха, это говорило о стремлении нового монарха «испытать общественное мнение» и подготовить его к предстоявшим переменам. И образованная часть общества отреагировала на это адекватно задумке Александра: вместо того, чтобы подготовить исторический обзор статуса Сената, сенаторы составили «политические мнения о том, чем бы он мог быть в новом порядке вещей». Среди таких смельчаков оказалось много тех, кто высказывался довольно свободно о проблемах Сената и государственного аппарата управления в целом, вскрывая источники политических зол в стране.

Да и император понимал, что роль Сената снизилась до формального утверждения императорских указов. Александр посредством восстановления его прежнего значения хранителя законов, высшего центрального органа управления хотел превратить Сенат в главное связующее звено между властью и обществом. Это подтверждает и сам факт публичности и торжественности обращения к сенаторам. Будь он настроен консервативно, то запросил сведения и мнения «без шума», поручив их подготовку доверенным лицам[2]. Хотя известно, что в первоначальной редакции указа Александр намеревался дать поручение Сенату подготовить доклад, содержавший исторические

---

[1] Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3 т. / предисл. Н. А. Котляревского. Т. 3. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918. С. 64–67.

[2] Там же. С. 70–71.

сведения о Сенате, позже добавив к этому и поручение составить мнение о способах повышения его престижа[1].

Реформа Сената давно назрела. Ведь после разделения его на департаменты при Екатерине II его законодательные функции были умалены, а после губернской реформы 1775 г. многие его исполнительные функции были переданы на места, в губернии[2]. Павел I тоже не предоставил Сенату широкой правительственной власти, оставив за ним лишь высшие судебные полномочия, однако он ввёл практику сенаторских ревизий[3]. По решению императора Александра проект реформы Сената обсуждали параллельно в Государственном совете, Сенате и Негласном комитете.

---

[1] Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената в царствования императоров Александра I и Николая I // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: в 5 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 29.

[2] Левенсон М. Л. Правительствующий Сенат. СПб., 1912. С. 2.

[3] Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената... СПб., 1911. Т. 3. С. 5.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О РЕФОРМИРОВАНИИ СЕНАТА

Державинский проект представлен как минимум в трёх дошедших до нас версиях: в виде «Примечания к исполнению всемилостивейшего рескрипта о восстановлении силы и прав Сената» (далее — Примечание)[1], «Мнения о правах, преимуществах и существенной должности Сената» (далее — Мнение)[2], «Проекта устройству Сената» (далее — Проект)[3]. Наряду с ними, Державиным были составлены предложения о порядке замещения должностей в государственном аппарате империи (далее — Предложения), т. е. своеобразный законопроект о государственной службе[4]. Причём его авторство Примечания, Проекта и Предложений по причине отсутствия под ними подписи составителя устанавливается косвенно. В своих же «Записках» Державин весьма сбивчиво и неточно описывал основные положения проектируемой им сенатской реформы, что не позволяет в полной мере определить эволюцию его позиции. Однако в них присутствует резкая критика ликвидации исполнительных полномочий Сената и передачи их министерствам. Это, по его мнению, ослабило управление и привело страну накануне войны с Наполеоном в «бедственное состояние»[5].

Заметим, что в академическом издании «Сочинений» Державина Я. К. Грот поместил лишь Мнение, указав при этом на то, что это не единственный документ, содержавший державинский проект реформы Сената, что не исключало его авторства иных подготовленных интерпретаций[6]. Данный проект мы изучили в исходном варианте,

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 98–132 об.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 340–348.

[3] Проект устройству Сената // Сборник археологического института: в 2 т. / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 134–151.

[4] РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 66. Л. 3–4.

[5] Записки Г. Р. Державина 1743–1812 с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. М., 1860. С. 441–443.

[6] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 792.

хранящемся в РГИА[1]. Действительно, позже в «Сборнике археологического института» историком, архивистом Н. В. Калачовым был опубликован Проект, «по странному недоразумению приписанный М. М. Сперанскому, будто бы написавшему его для графа П. В. Завадовского»[2]. Однако из анализа содержания проекта явствует, что его автором был именно Державин. На это указывает полное сходство предлагаемых мер с теми, что были изложены в Мнении, указание самого Державина на составления им расширенного варианта Мнения. Относительно авторства Державина Примечания и Предложений отметим, что впервые на них обратил внимание историк и юрист В. А. Калягин в конце 1980-х гг.[3] Его выводы об авторстве этих проектов не подлежат нашему сомнению. Во-первых, содержание Примечаний полностью согласуется с общей концепцией реформирования Сената, позже представленной Державиным. А Предложения о способе замещения государственных должностей упоминались в журналах заседаний Негласного комитета. Так что авторство выявленной В. А. Калягиным в фонде «Комитета 6 декабря 1826 г.»[4] при Государственном совете копии с той записки, найденной в свою очередь статс-секретарём М. Н. Муравьёвым в кабинете императора Александра I (о чём он сообщал в письме к В. П. Кочубею 17 августа 1827 г.), несомненно, принадлежит Державину[5]. Наш тщательный текстовый анализ содержания данных бумаг о сенатской реформе показал, что папка документов, названная как «Проект устройству Правительствующего Сената, чинов его, должностей, прав, преимуществ и производства дел», содержит абсолютно идентичные положения Проекта Державина. Во введении к черновику Проекта обозначены Предложения Державина о системе выборов чиновников, которые схожи с мыслями Мнения и Проекта[6].

На основе нескольких вариантов сохранившихся державинских черновиков сенатской реформы мы реконструировали последовательность его размышления над ней. Итак, хронологически первыми были составлены Примечания, отразившие первоначальный подход

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 716. Л. 18–21.

[2] Коркунов Н. М. Проект устройству Сената Г. Р. Державина. СПб., 1896. С. 5.

[3] Калягин В. А. «Конституция» Г. Р. Державина // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 116–124.

[4] Комитет 6 декабря 1826 г. — это секретный комитет по подготовке реформ государственного управления, созданный императором Николаем I. Возглавлял его В. П. Кочубей, ведущую роль в нём играл М. М. Сперанский.

[5] РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 66. Л. 1, 7–23 об.

[6] Там же. Л. 3–4.

Державина к готовившейся реформе Сената. Затем по причине подготовки Завадовским базового проекта было подготовлено краткое Мнение, поданное царю. После его одобрения был составлен уже расширенный Проект и Предложения, логически взаимосвязанные.

«Примечания к исполнению всемилостивейшего рескрипта о восстановлении силы и прав Сената»

В документе, составленном Гавриилом Романовичем в июне 1801 г., содержится двенадцать пунктов, своеобразных столпов готовившейся реформы *(см. приложение 1, документ № 1)*[1]. Текст содержит правки на полях, сделанные Гавриилом Романовичем, уточнявшие или исключавшие некоторые положения. Вначале Державин писал о необходимости возвращения Сенату прежних прав (под ними он понимал первоначальные права, закреплённые в царских указах 1711, 1722 и 1730 гг.), а сенаторам — личного уважения. Последнее предполагало восстановление следующих прав и привилегий сенаторов: свободного доступа к императору, внесения предложений по усовершенствованию управления, информирования о ставших им известными государственных злоупотреблениях, участия в обсуждении бюджета наряду с узурпировавшим это право генерал-прокурором Сената, неприкосновенности личности и собственности, подсудности только Сенату в рамках действовавшего закона, сохранения служебных прав и преимуществ в отставке[2].

Для того чтобы распоряжаться данными правами, сенаторы, продолжал Державин, должны были обладать соответствующими их служебному рангу высокими человеческими качествами и служебными способностями. С тем, чтобы не допустить в составе сенаторов недостойных и случайных людей, а сенаторам «приобресть доверенность как народа, так и государя», Державин предлагал выбирать сенаторов так же, как и согласно указу 1722 г. генерал-прокурора, обер-прокуроров и президентов коллегий. В силу обширности страны он проектировал проводить выборы не во всех губернских городах, а хотя бы в нескольких и обязательно в двух столицах. Правом выбирать наделялись «чины, в классах состоявшие, знатнейшее духовенство

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 98–106.

[2] Там же. Л. 98–99 об.

и первой гильдии купечество». Выбранные таким способом кандидаты в сенаторы должны были проходить перебаллотировку в общем собрании Сената. Отобранные кандидатуры представлялись императору для рассмотрения и утверждения. Заметим, что на полях Державин зачеркнул всё, что касалось выборов по первой ступени, с пометкой «можно отставить», оставив лишь выборы в общем собрании Сената[1].

Для подкрепления народного доверия Державин предлагал, чтобы сенаторы при слушании важных государственных дел читали вслух присягу и только после этого ставили свои подписи в документах. А решения сенаторов «о тяжебных делах» необходимо было публиковать для общественного ознакомления[2]. Гавриил Романович настаивал на возвращении сенаторам права (в рамках соответствующих указов 1722 и 1763 гг.) рассматривать указы, принятые государем в чрезвычайном порядке и не прошедшие обсуждения в Сенате[3].

В случае разночтений и коллизий в законах, произошедших в губерниях или в коллегиях, предполагалось по инициативе законодательного министра и на основе подготовленной прокурором справки их обсуждение в законодательном департаменте всеми сенаторами в присутствии императора. В случае отсутствия императора и при необходимости в новом законе или постановлении его проект мог выноситься на общее собрание всех департаментов и сенаторов только четырьмя министрами (законодательным, исполнительным, судебным и оберегательным). В случае его утверждения сенаторами он должен был передаваться для единовременного применения в исполнительный департамент. В книгу законодательных актов принятый в таком порядке закон вносился после его утверждения царём[4].

Законодательный министр должен был иметь право уведомления обо всех подготовленных проектах международных и торговых договоров, таможенных тарифов, договоров на содержание откупов и подрядов внутри страны и пр. После ознакомления с этими документами в случае выявления нарушения государственных интересов, возможного причинения убытка и прочего он мог составить замечание, донести о том государю и направить его профильному министру[5].

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 100–100 об.

[2] Там же. Л. 100 об. – 101.

[3] Там же. Л. 101–102.

[4] Там же. Л. 102–102 об.

[5] Там же. Л. 102 об. – 103 об.

Созыв общего собрания сенаторов или всего состава законодательного департамента должен был происходить в случаях оглашения высочайших повелений, рассмотрения новых и исправления старых законов, выборов сенаторов, при чрезвычайных происшествиях. Именно под руководством законодательного департамента должна была работать специальная комиссия для составления проекта нового законодательного уложения. В состав комиссии должны были входить лица, хорошо знавшие русский и иностранные языки, имевшие глубокие познания в юриспруденции, представители коллегий. В законодательном департаменте должна была быть богатая библиотека по юриспруденции и государственному управлению страной. Законодательный министр в случае выявления юридических казусов в подготовленных другими министрами законоположениях имел право по согласованию с императором готовить замечания на них и предложения по их устранению[1].

В законодательном департаменте, по мысли Державина, не должно было быть сложного и многоуровневого канцелярского порядка — следовало вести только краткие журналы монарших повелений, книгу входящей-исходящей документации министра. Ежегодно этот министр должен был составлять и подносить государю краткую меморию-отчёт о проделанной работе вверенного ему департамента. Все определения и решения законодательного департамента, рассмотренные общим собранием и утверждённые монархом, необходимо было подшивать в две книги — постоянных и временных узаконений. Их следовало хранить «яко священные памятники царствования государя в которое они состоялись»[2].

Таким образом, Державин предлагал предоставить сенаторам права свободного доступа к императору, защитить их от произвола разного рода доверенных лиц монарха посредством закрепления нормы о предании суду сенаторов только после решения общего собрания Сената и личного распоряжения государя. Он проектировал расширение полномочий Сената с усилением в нём административно-надзорных функций путём предоставления ему прав назначения сенаторов, надзора за губерниями на правах генерал-губернатора, ежегодного рассмотрения состояния государственного бюджета, надзора за законодательной деятельностью императора в виде восстановления «права представления» на действовавшие и вновь выходившие законы.

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 103 об.–105.

[2] Там же. Л. 105–106.

Сенаторов полагалось выбирать путём двухступенчатых выборов. К участию в выборах допускались дворянство, духовенство и высший слой купечества. Избранные ими кандидаты проходили фильтр на общем собрании Сената, где окончательно определялись кандидаты на сенаторскую должность. Много внимания в этой записке было уделено Державиным восстановлению авторитета сенаторов и статусу законодательной власти.

«Мнение о правах и преимуществах и существенной должности Сената»

Сразу же после обнародования указа о намерении реформировать Сенат базовый, отправной для дискуссий проект по поручению монарха подготовил сенатор, глава Комиссии составления законов П. В. Завадовский. На заседании первого департамента 9 июля 1801 г. на него были поданы замечания сенаторов М. Н. Муравьёва, И. С. Захарова, А. С. Макарова, С. И. Салагова, П. А. Толстого, П. И. Пущина, И. А. Тейльса, Г. Р. Державина, А. Р. Воронцова, А. С. Строганова. Это следует из опубликованных Н. В. Калачовым материалов петербургского архива Сената: проекта П. В. Завадовского и подготовленных возражений на него, журналов заседаний Сената от 9, 19, 20 и 26 июля 1801 г., совместного окончательного проекта сенаторов[1].

Самую обстоятельную записку в июле 1801 г. составил Державин. Рассмотрим суть его позиции, опираясь на первоисточник, хранящийся в РГИА как бывшем сенатском архиве *(см. приложение 1, документ № 2)*[2]. Своё Мнение Державин построил как возражение на статьи «Положения о правах и преимуществах Сената», сочинённого Завадовским[3], дополненные своими предложениями и размышлениями о реформе Сената. Это обстоятельство важно учитывать при анализе его Мнения. Без сопоставления с проектом Завадовского не будет понятно, почему в своём проекте Державин акцентировал внимание на тех или иных вопросах устройства обновлённого Сената. Именно исторический контекст поможет в дальнейшем проследить

---

[1] Журналы Сената 9, 19 и 20 июля // Сборник археологического института: в 2 т. / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 70–118.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 716. Л. 18–21.

[3] Положение о правах и преимуществах Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 70–78.

эволюцию взглядов Державина на реформу этого высшего органа власти.

Вначале он написал с восторгом о том, что «нам позволено мыслить, и что мыслим объявить свободно», назвав такую ситуацию «редким примером в самодержавном государстве». По его мнению, со времён Петра Великого, по занятости своей не смогшего довести до конца начатое им дело учреждения Сената, сенаторы охладели к своим должностным обязанностям. Это вызвало потерю Сенатом его важности, поэтому Державин предлагал вернуть ему былое величие путём укрепления статуса и сопряжения Сената с губернскими органами власти. Таким способом он хотел выстроить некую вертикаль власти, вписав Сенат в логику административно-территориального управления империей. Для того чтобы достичь цели, Гавриил Романович проектировал осуществить определённые изменения.

Его проект отличался оригинальностью не только в этом. Державин предложил организовать Сенат по принципу разделения властей, во главе которых он поставил министров. При этом помимо традиционных трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) он предложил учредить так называемую оберегательную. Она была сродни деятельности надзорного прокурорского ведомства и имела преимущества над всеми остальными, хотя по мысли Державина все ветви были равны. Эти ветви должны были помогать императору управлять империей, обеспечивая слаженность и эффективность работы Сената. Помимо этого, он предлагал закрепить за каждым министром право беспрепятственного обращения к императору, прямой переписки с государственными ведомствами и учреждениями по вверенным ему делам. Далее Державин подготовил возражение на восемь из пятнадцати статей проекта Завадовского. Общие причины падения власти Сената Державин видел в запутанности должностных полномочий, которую не успел устранить Пётр I, а не как Завадовский — в пагубном влиянии временщиков.

На первую статью, закреплявшую за Сенатом право выносить смертные приговоры, дабы освободить от этой обязанности императора, который мог лишь помиловать, Державин предлагал, чтобы такие приговоры исполнялись только после их рассмотрения монархом, чтобы пресечь возможность безвиновного наказания. Если на приговоре не будет подписи государя, значит, его можно было приводить в действие.

Во второй статье Завадовский запрещал жаловаться на Сенат, ссылаясь на текущее законодательство. Однако Державин возражал,

отмечая, что в законах не содержится чёткого и ясного запрета подавать жалобы на Сенат. Он не одобрял ябедничества, которое, напоминал Державин, во времена Петра I каралось смертью. Он справедливо указывал на необходимость сокращения и облегчения гражданского судопроизводства, что избавило бы Сенат от претензий к нему. Державин допускал возможность приносить жалобы на Сенат, их во избежание конфликта интересов должны были рассматривать не сенаторы.

С третьим пунктом проекта Завадовского Державин соглашался: решение общего собрания Сената не должно исполняться по большинству голосов. Он предлагал публиковать в газетах единогласные решения общего собрания Сената для повышения общественного доверия к власти, правового просвещения — «научения юриспруденции молодых людей». Вместо того, чтобы они «гнили в архивах», законы должны быть доступны и полезны обществу. Сенат не должен был бояться пересудов и повышения уровня знаний общества о законах.

По четвёртому пункту, предусматривавшему Завадовским вступление в силу единогласного решения департаментов, Державин соглашался и дополнял: в случае несогласия обер-прокурора с общим мнением сенаторов оно по распоряжению генерал-прокурора поступало вновь на обсуждение на общее собрание сенаторов, а если генерал-прокурор был не согласен с единым мнением сенаторов, то оно поступало на рассмотрение монарху.

В пятой статье Завадовский учитывал случай, когда будет отсутствовать согласие в Сенате: если нет единства мнений в департаменте, то дело выносилось на общее собрание сенаторов. Если и там не было единства с позицией генерал-прокурора, то последнему следовало подготовить доклад по спорному делу и представить его на окончательное решение царю. При этом генерал-прокурора при объяснении сути спора государю должны были сопровождать по два сенатора, избранных сенаторами же от каждой спорящей стороны. Державин с этим соглашался, находя справедливым и разумным, чтобы при докладе императору противоборствовавшие стороны были представлены своими единомышленниками. Однако он дополнял это предложением: в случае если особое мнение сенатора, отличное от большинства, не будет выслушано монархом после трёх попыток представить его, то оно не принималось в расчёт. Так, ненужные мнения должны были отсекаться, а толковые предложения получали бы возможность реализоваться. Точно так же следовало поступать, если кто-либо из сенаторов подавал жалобу на общее мнение своих коллег. Державин полагал, что если отдельный сенатор имел право

отстаивать свою честь лично перед монархом, то статус Сената повышался. Отклонённые царём предложения надолго запомнятся их авторам, а вот одобренные, по мысли Державина, повысили бы дух соревновательности в среде сенаторов. А вообще Гавриил Романович задавал довольно смелый риторический вопрос: «И низко ли быть правительству для объяснения пред государем»?

В шестой статье Завадовский писал о том, что дела, решённые на общем собрании, пересмотру не подлежали. На это Державин замечал, что для того, чтобы Сенат принимал верные и законные решения, весь делопроизводственный порядок от слушания до вынесения решения по делу должен был быть ясным, открытым и чётким. Для этого каждый сенатор должен иметь право свободно знакомиться с реестром принятых к слушанию дел, получать от секретарей краткие выписки по ним с возможностью в любой момент ознакомиться с содержанием самого дела, следить за очерёдностью слушаний, чтобы дела рассматривались строго по очереди, как это зафиксировано в реестре входящих дел, а не в произвольном порядке.

В восьмой статье Завадовский отмечал, что члены Сената должны были назначаться монархом из числа лиц, обладавших чином не ниже тайного советника, высокообразованных, знавших законы, обладавших положительной репутацией. В тринадцатой статье Завадовский закреплял, что Сенат имел право представлять императору претендентов на должности президентов коллегий, кроме первых трёх, губернаторов и пр. На менее важные государственные должности Сенат мог назначать чиновников сам по предложению Герольдии. На это Державин писал, что стоило осмотрительнее относиться к претендентам на должность сенаторов. Для этого он предлагал, наряду с императорским выбором претендентов на должности президентов коллегий, губернаторов, судей и прочих, ввести выборы кандидатов в сенаторы из числа чиновников и «знатнейших особ» обеих столиц.

В окончательном сенатском проекте, помимо общих основ положения Сената как высшего административного и судебного органа власти империи, всё же закреплялся пункт, запрещавший жаловаться на Сенат, против чего возражал Державин. Однако в нём присутствовала статья, закреплявшая обязательный характер публикации в газетах «для всенародного ознакомления» единогласных постановлений Сената, что предлагал Гавриил Романович[1]. Остальные его инициативы не вошли в сводный сенатский проект реформы Сената.

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 112–118.

«Проект устройству Сената» и предложения о порядке замещения государственных должностей в Российской империи

Державин после одобрения Мнения Александром по его поручению от 13 августа 1801 г. уже к сентябрьскому заседанию Негласного комитета составил расширенную версию своего проекта реорганизации Сената. «Проект устройству Сената» состоит из введения, десяти глав, включающих 116 параграфов, в которых рассматривается структура Сената в целом, должностные обязанности сенаторов и порядок их выборов, круг полномочий законодательной, исполнительной, судебной и оберегательной властей, министров, канцелярии Сената, высшего совестного суда.

Во введении Державин обосновывал необходимость изменений в Сенате. Во-первых, он указывал на смешение компетенций ряда департаментов и несогласованность их с органами власти на местах. Во-вторых, в Сенате присутствовал хаос в распределении полномочий между сенаторами, зачастую занимавшихся неположенными делами. Происходило всё это из-за отсутствия разделения властей в Сенате на законодательную, исполнительную, судебную и оберегательную. Последняя должна была уравновешивать все ветви власти с тем, чтобы каждая из них занималась своими делами и не вмешивалась в дела других ветвей[1].

При этом каждая ветвь власти должна была быть организована так, чтобы «сопрягаться» с местными органами власти, образуя единую вертикаль. Все части государственного хозяйства надо было сосредоточить в департаменте исполнительной власти, в котором отдельные экспедиции возглавляли бы сенаторы. Во главе каждой из ветвей власти он ставил особого министра, ответственного за соблюдение законов в пределах своей компетенции и имевшего прямой доступ к императору. Предполагалось сократить делопроизводственный порядок, канцелярских служащих, вместо которых ввести должности народных присяжных стряпчих. На сэкономленные от оптимизации канцелярии средства прибавить жалования чиновникам. Державин

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 134–135.

проектировал создание независимого от Сената высшего совестного суда, эффективно решавшего судебные тяжбы[1].

В *первой главе* закреплялось то, что Сенат — это высшее учреждение империи, которое возглавлял император в должности его президента. Во главе ветвей власти стояли министры, или распорядители дел той или иной власти. При законодательной власти вследствие её важности для государства формировалось общее собрание. При ней находилась комиссия по законодательству под председательством министра законодательной власти. Судебная власть состояла из определённого количества сенаторов и министра. Судебный департамент делился на две судебные палаты — уголовную и гражданскую, имевшие аналогичные отделения в губерниях. Исполнительная власть, именуемая им Императорским верховным правлением, состояла из сенаторов и министра, подразделялась на три отделения согласно характеру управляемых вопросов: верховное исполнительное правление, верховная палата казённых дел и верховный приказ общественного призрения. Предполагалось, что исполнительная власть объединила бы дела, ранее входившие в круг компетенций коллегий. При ней были бы Герольдия, Экспедиция государственных доходов и пр. Императорское верховное правление контролировало деятельность губернских правлений, казённых палат и приказов общественного призрения на местах.

Оберегательную власть возглавлял министр или генерал-прокурор, которому помогали обер-прокуроры, объединённые в оберегательную думу. Члены последней действовали от её имени во всех департаментах Сената, судах и учреждениях на местах.

В Сенате учреждались общие собрания сенаторов и обер-прокуроров. В общее собрание законодательной власти входили все сенаторы и министры Сената, в общее собрание департаментов — только сенаторы этих департаментов. Оберегательная дума включала только министра оберегательной власти и его помощников — обер-прокуроров. Общее собрание законодательной власти необходимо было созывать при составлении и обсуждении законопроектов, оглашении именных указов, рассмотрении чрезвычайных происшествий. Общие собрания судебной и исполнительной ветвей власти необходимы были в случае разногласий сенаторов отдельных департаментов по конкретным делам правосудия и управления. Общее собрание оберегательной думы собиралось для обсуждения спорных законодательных вопросов[2].

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 136–137.

[2] Там же. С. 137–139.

Рассуждая во *второй главе* о чинах сенаторов и министров, порядке их выборов, Державин писал о том, что сенаторы и министры должны были иметь чины действительных тайных и тайных советников. Обер-прокуроры носили чин действительного тайного советника. Кандидаты в сенаторы выбирались первыми четырьмя классами высших чиновников и первыми пятью классами чиновников всех присутственных мест обеих столиц. Из трёх выбранных таким образом кандидатов император выбирал и утверждал одного. Из сенаторов император выбирал министров. По представлению оберегательного министра, общим собранием всех департаментов выбирались кандидаты в обер-прокуроры, утверждаемые позже императором[1].

В *третьей главе* Державиным закреплялись полномочия законодательной власти: составление новых законов и исправление старых. Причём эта функция не могла быть реализована иной ветвью власти. Новые законы, по распоряжению императора, готовила законодательная комиссия. После совместного обсуждения законопроекта законодательным собранием он отправлялся для утверждения императору. После его «конфирмации» он вносился в книгу законов и рассылался в Императорское верховное правление для исполнения. Законы могли вноситься в книгу законов и лично императором без обсуждения их законодательной комиссией. В случае выявления в нём «каких-либо неудобств» министр мог доложить об этом царю, однако если тот пожелал оставить его в прежнем виде, то министр «повинуется безмолвно». Законодательной инициативой обладали также законодательный и иные министры, но лишь после доклада о ней императору и получения одобрения законодательная комиссия приступала к составлению на её основе законопроекта.

В случае отсутствия императора по общему решению законодательного собрания принимался необходимый новый закон и отсылался для исполнения в конкретном случае в Верховное правление без внесения его в книгу законов до возвращения императора. Любые постановления, даже временные, утверждённые царём доклады, имевшие силу закона, должны были проходить через законодательное собрание. Постоянные и временные узаконения фиксировались в двух отдельных книгах. Ежегодно законодательный министр готовил для императора сводный отчёт об итогах деятельности своего ведомства[2].

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 139.

[2] Там же. С. 139–141.

Судебная власть, как это следует из *четвёртой главы*, учреждалась в качестве высшей судебной инстанции по уголовным, гражданским, межевым и военным делам. Служебные дела поступали в судебный департамент Сената согласно установленному порядку. Ежегодно судебный министр готовил для царя доклад о количестве решённых и нерешённых дел, содержавшихся заключённых в тюрьмах.

Всё государственное правление, хозяйство и общественное призрение находилось, согласно *пятой главе* проекта, в ведении исполнительной власти. Первое отделение Императорского верховного правления — Верховное исполнительное правление — обязано было обнародовать законы, надзирать за полицией, пограничными заставами, религиозными обществами, государственным архивом, Герольдией, набором рекрутов и пр. Второе отделение — Верховная казённая палата — курировало все высшие, центральные и местные финансовые и торговые ведомства в империи (монетный двор, государственные банки, мануфактуры, снабжение армии, строительство и пр.). Третье отделение — Верховный приказ общественного призрения — координировало деятельность всех социальных, образовательных, лечебных и культурных учреждений страны кроме совестных судов. Члены этих отделений должны собирать сведения из губерний, готовить доклады и разрабатывать общую программу социального развития. Если дело требовало императорского решения, то сенатор лично подносил царю доклад с необходимыми пояснениями. Какие-либо иные доклады не могли быть поданы царю без совместного их обсуждения в общем собрании[1].

Шестая глава посвящена статусу и компетенции оберегательной власти. Это новый тип власти, придуманный Державиным в дополнение к известным трём классическим. Основная обязанность её представителей сводилась к надзору за точным и неукоснительным исполнением законов в империи. Канцелярией оберегательной думы управлял оберегательный министр, который имел право подносить бумаги для рассмотрения императору. Оберегательная дума, по замыслу Державина, должна была быть «оком государевым»: министр не имел права без обращения к обер-прокурорам рассматривать в одиночку спорные вопросы в законодательстве, юридические казусы, принимать по ним единоличные решения. Как главный блюститель законов и начальник над своими советниками, министр имел право решающего голоса при общем обсуждении. В случае разногласий между министром и его помощниками дело передавалось на рассмотрение в то отделение, где оно

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 141–142.

находилось. Если большинством голосов сенаторы поддерживали позицию министра, то оно утверждалось в оберегательной думе, если нет, то дело возвращалось в департамент. При отсутствии единства мнений обер-прокуроров по какому-либо казусу оно выносилось для обсуждения в законодательное собрание. Если на единогласное решение сенаторов отделений поступило несогласие обер-прокурора, то оно заносилось в специальный журнал и решение с ведома министра выносилось на обсуждение в оберегательную думу или департамент. Если такого разрешения от министра не поступило, то обер-прокурор в течение двух недель должен был отказаться от своего мнения на то решение, и оно вступало в силу. Оберегательный министр имел право переписки с высшими чиновниками от своего имени по делам своего ведомства[1].

В *седьмой главе* Державин закрепил права и обязанности всех министров. Они заседали в Сенате с прочими сенаторами «по старшинству чинов». Каждый министр возглавлял канцелярию в своём ведомстве, лично подносил императору мемории, рапорты, ведомости и прочие бумаги, получая распоряжения к исполнению по управляемой им части. Причём для облегчения делопроизводства министры вели переписку с руководителями ведомств лично. Министры имели право вносить предложения на рассмотрение Сената, созывать конференции-совещания с другими министрами и при необходимости приглашать на них других сенаторов. Приглашение на общее собрание всех департаментов имели право рассылать все министры, в чрезвычайных условиях — только оберегательный министр[2].

В *восьмой главе* закреплялся общеправовой статус Сената и отдельных его департаментов. Державин фиксировал то, что кроме императора над Сенатом нет больше руководителей, ему подчинялись все ведомства в государстве, кроме Синода и высшего совестного суда. Все именные высочайшие повеления, за исключением тайных, должны были передаваться в Сенат для хранения. Копии решений Сената как верховного суда можно было передавать просителям по их запросу. За необоснованную апелляцию на судебное решение заявитель подвергается «жесточайшему наказанию» за оскорбление Сената и напрасное утруждение императора. Подать жалобу на Сенат было можно, но для этого требовалось, чтобы заявитель действовал открыто через представителя, который выбирался им из числа членов высшего совестного суда и представлял его дело перед императором. Все отделения

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 143–144.

[2] Там же. С. 144–145.

и департаменты были равны, и решение одного не могло перевесить силу решения другого.

По представлению Герольдии Сенат назначал кандидатов на должности губернаторов, вице-губернаторов, президентов коллегий и председателей судебных палат, которые рассматривались на общем собрании сенаторов и министров, а после утверждались царём. Сенат имел право жаловать чины до VII класса по «Табели о рангах».

Сенат мог выражать императору благодарность за какую-либо оказанную ему милость, а в чрезвычайно важных случаях ходатайствовать о народных нуждах. В случае разногласий сенаторов по тому или иному вопросу каждая группа спорящих имела право выбирать из своей среды одного депутата и направлять его к министрам для объяснения своих позиций. Должен был учитываться голос каждого сенатора. Сенаторы имели право посещать любые присутственные места для проведения инспекции и составлять по её итогам отчёт Сенату, сообщать об известных им преступлениях и злоупотреблениях властью и законом. Этих преимуществ сенаторы не лишались и в отставке. Сенатор, получив словесное повеление императора, должен был объявить о нём всем сенаторам. Однако о фактах лишения его чинов, званий, имений или награждении чином выше подполковника, денежной суммой свыше 10 тыс. руб. сенатору распространяться не стоило.

В случае болезни сенатора секретари должны были приносить ему на подпись журналы заседаний Сената, а при необходимости для подробного ознакомления оставлять под роспись не более чем на две недели. Сенаторы, которые управляли какой-либо государственной частью или занимались примирительными процедурами, имели право составлять ежегодные обзоры успехов своего ведомства. Любой сенатор также имел право подносить императору лично ведомость о количестве решённых им дел, внесённых инициатив и пр. В случае обнаружения упущений при просмотре настольного реестра дел сенатор имел право выступить с предложением о взыскании с виновника нарушений правил. Если сенатора уличили в преступлении, то его дело было подсудно только Сенату[1].

Девятая глава была посвящена правилам работы канцелярии Сената и ведению делопроизводства в ней. Судебная и исполнительная власти имели общую канцелярию, отдельная генерал-прокурорская канцелярия была у оберегательного департамента, канцелярия комиссии о составлении законов обслуживала и законодательную власть.

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 145–147.

Производство в чины канцелярских служащих осуществлялось в общем собрании всех департаментов по представлению министров. Для повышения статуса служащих канцелярии следовало выбирать на эти должности людей «воспитанных и способных».

Казначейство, внутреннее хозяйство и типографию Сената следовало поручить исполнительному департаменту. Под наблюдением обер-секретарей судебного департамента народные присяжные стряпчие должны были составлять экстракты и краткие записки по делам с тем, чтобы ускорить делопроизводство и рассмотрение судебных дел. Они же помогали истцам составлять исковые заявления.

Всё канцелярское делопроизводство для удобства следовало разделить на две части: судопроизводное и исполнительное. Первая часть состояла из обзорных и кратких исков по делам, заключений по ним, вторая часть включала только журналы заседаний без протоколов. Причём последние должны были быть ёмкими и понятными, так как общие узаконения по обычным делам для всенародного ознакомления необходимо было печатать в газетах.

Вся текущая переписка сенаторов и министров должна была храниться в канцелярии, а не по домам адресатов и адресантов. Все входящие и исходящие документы должны были иметь опознавательные реквизиты, включавшие наименование департаментов, экспедиций, дат, исполнителей и прочее. Во всех департаментах и отделениях реестр входящих и рассмотренных дел должен был помещаться на видном месте, чтобы каждый сенатор мог ознакомиться с поступившими документами, резолюциями на них, как и когда было решено дело. Журналы и решения необходимо было подписывать в отведённый срок. В случае рассмотрения объёмных дел обер-секретарям надо было готовить краткие выписки из них и заблаговременно раздавать их сенаторам. Для слушаний по делу дела должны были находиться в открытом доступе, чтобы каждый сенатор мог с ними ознакомиться и при необходимости сличить подготовленные секретарями выписки с оригиналами. При слушаниях секретари собирали мнения, начиная с сенаторов младшего звания[1].

Десятая глава проекта закрепляла положение Высшего совестного суда империи. Он подчинялся только царю, его члены избирались общим собранием сенаторов и первыми четырьмя классами чиновников столицы, утверждались в должности императором. Количество судей определял лично император, но оно не должно было быть менее

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 147–149.

трёх. Руководитель канцелярии суда был один из статс-секретарей императора. Правила организации этого суда строились по типу деятельности губернских совестных судов. Основное назначение Высшего совестного суда сводилось к примирению тяжущихся сторон, рассмотрению прошений о пересмотре несправедливых уголовных наказаний, вынесенных губернскими совестными судами, к разрешению затянувшихся третейских споров, призванию в совестный суд уклонявшихся от присутствия в них.

Державин особо подчёркивал то, что Высший совестный суд рассматривал жалобы не по закону, а по «правилам человеколюбия». Он указывал на то, что были случаи, при которых по закону следовало вынести строгое наказание, но для личности преступника оно было слишком тяжёлым и обременительным. Тогда на помощь таким, как он, приходил данный суд. В этом суде не должно было быть сложного и разветвлённого канцелярского производства: содержался один журнал с фиксацией поступивших и рассмотренных дел, переписку от имени судей вёл статс-секретарь, обращения принимались в краткой форме в виде справок с копиями документов, заверенных в присутственных местах[1].

Помимо этих предложений, среди бумаг с черновиками Проекта, в которых отразилась серьёзная работа Державина над Проектом (они содержат несколько вариантов одних и тех же глав, введения и других частей записки), мы обнаружили его довольно любопытные, нигде не упоминаемые до этого рассуждения «Об общем отношении одних должностей к другим» *(см. приложение 1, документ № 3)*[2]. В этой записке, вероятно составленной в 1801 г., Державин зафиксировал должностные полномочия и задачи ключевых руководителей исполнительных органов власти: президента Коллегии иностранных дел, главного директора почт и дорог, военного и генерал-губернатора, главного директора водяной коммуникации, директора государственного земледельческого хозяйства, или главного директора экономии, государственного казначея, президента Военной коллегии, президента Адмиралтейской коллегии, главного директора, или министра коммерции, главного директора Мануфактур-коллегии, главного директора народного просвещения и общественного призрения. Большое внимание Державин уделил взаимосвязям между компетенциями разных ведомств, их согласованной работе. Руководителей отраслевых органов управления

---

[1] Проект устройству Сената // Сборник археологического института... СПб., 1878. Т. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 149–151.

[2] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 22–26.

€• ••-±†•– ˜€›ƒ•-•€ —• ˜ƒ•- ••‡Ÿ ‚–•†•±£ ƒ•ž‡€ƒŸ • ‹ ‡ƒ• €– ›
–•, •–¢••… ‹ ‹‡• • —˜ƒ•†–•• … ‹€‰ƒ••…–•‹¢• •-† ‡ • €ƒ€” •€£ ‹•‡ Ÿ
‡€ƒ‚€†– Ÿ †••®••£ ˜€– ‡ ž Ÿ †•—‡ƒ••••‚€ ‹— €‰€ ‹‡†•Ÿ -• – • •– …Ÿ
˜ƒ€ ±®–•••€‹‡ Ÿ ••ƒ€ •€‚€ ˜ƒ€‹†•°•• …Ÿ ˜€ •ƒ”•• • €Œ€ƒ€•€‹˜€ ›
‹€Œ•€‹‡ Ÿ ƒ•-— •€‚€ Œ¯ ”•‡•€‚€ Œ•–••‹• €• ‹Š ‡•– †•”•± ˜ ƒ• ›
•‡• ‚€‹— •ƒ‹‡†•••±‰ -•Œ€‡• –•†•€£ €‡ †•• •£ —˜ƒ•†–•• … ‡€£
– •€£ ‹„•ƒ€£ ” -• ‹‡ƒ••± …†–…– ‹¢ ‚€‹— •ƒ‹‡†•••±• •‡•ƒ• ‹
˜€–¢-•• •ž €Œƒ•-€ Ÿ ²‡• -•˜ ‹ž• ‹‡•–• ‹†€•‚€ ƒ€ • ‹†€ •€£ €–” ›
•€‹‡•€£ •‹‡ƒ—ž• •£ –… †‹•‰ ‚–•† ‹˜€–• ‡•–¢•±‰ €ƒ‚••€† †–•‹‡ •
•ž ‹–• —•‡ - ˜ƒ€‡€ž€–• -•‹• •• … •‚–•‹•€‚€ ž€ ‡•‡• €‡ ¬ …’
†•ƒ… ”“‘Ž ‚Ÿ –•ž‹•• ƒ €-†—Š – ˜€•ƒ•† †®••‹… • — •ƒ”•† • ‹ž€•
˜ƒ• –€”•• • € †±Œ€ƒ•€‹‡ ‚€‹— •ƒ‹‡†•••±‰ Š •€†• ž€† † ‹•‰
—ƒ€†••£Ÿ † ‡€ Š ‹–• ‹•••‡€ƒ€†• •†ƒ – € ••€† Š ƒ•- •– – † ‹•
• • ‹‡ƒ•‡ †•±• €–”•€‹‡ •• ‡ƒ —ƒ€†•…• —ƒ€†••¢ ‚€‹— •ƒ ›
‹‡†•••€£ ‹–––”Œ± ³Š •± ¤æ¤Å ž–•‹‹€† ˜€ •Œ•– € ƒ••‚•‰´ Ÿ —ƒ€†••¢
‚—Œ•ƒ•‹ž€£ ‹–––”Œ± ³Š •± ÅæÅ¤¤¤ ž–•‹‹€†´Ÿ —ƒ€†••¢ —•- •€£‹—”Œ±
³Š •± ¤èæè¤Å ž–•‹‹€†´• ž•” € —•- • - ˜€ •° ž€† ²‡€£ ‚—Œ•ƒ•
-Œ ƒ•– ‹¢ ˜€ †• ž•• •‡• •• ‚—Œ•ƒ•‹ž—¯ ‹–––”Œ— Š •€ •• • ”•
Å¤¤¤ ž–•‹‹•• ë‡ ž•• •‡±Ÿ † ‹†€¯ €Š•ƒ• ¢Ÿ †±Œ ƒ•– ˜€ †• ž• • • ›
‡• •• ‚€‹— •ƒ‹‡†•••—¯ ‹–––”Œ— - ˜€ •° ž€† ‡€£ ”• ‚—Œ•ƒ• Š •€
•• • ”• ¤Å ž–•‹‹•• •–•• ˜ƒ• ˜€–•‚–•€‹¢Ÿ Š‡€ •••‡ ˜•ƒ• ‡€ƒ
Œ— —‡ ••-••Š•‡¢ †±‹® ‰ €–”•€‹‡•±‰ – • •••‡ƒ•–¢•€£ •‹‡ •€£
• • ‹‡ƒ•• ‡€–¢ž€ - ‰ Š ‹–•• •••‡€ƒ± ”• †±Œ ƒ•– ‹¢ ‹€Œ ƒ•›

нарушения закона, о подведомственности Сенату судебных дел, возбуждённых в отношении сенаторов, об открытом доступе сенаторов ко всем слушавшимся делам путём ознакомления с ними через настольный реестр, о ежемесячной публикации в специальных ведомостях содержания рассмотренных и решённых сенаторами судебных дел, о заблаговременном ознакомлении сенаторами с объёмными делами посредством подготовки выписок для них секретарями. Александр разрешил подавать на Сенат жалобы, но в случае, если они оказывались необоснованными, заявители жестоко наказывались[1]. Так что хоть и не всё из державинского проекта было учтено, однако его замечания не остались вовсе не востребованными. Это свидетельствует о высокой степени доверия молодого монарха к принципиальному и верному слуге Отечества.

Помимо этого, Александр долго колебался о способе комплектования Сената. Ему импонировала мысль Державина об утверждении монархом сенаторов из числа кандидатов-дворян первых четырёх классов, о предоставлении права выбора в каждом уезде лицам первых восьми классов. Однако его советники убедили императора в нецелесообразности этой затеи, так как дворяне первых четырёх классов были малоизвестны в провинции и выборы там всецело зависели от губернатора[2].

Александр и его советники не желали усиления власти Сената, поэтому не стали наделять его законодательными полномочиями, оставив за ним лишь высшие судебные права[3]. За ним оставались высшие надзорные и судебные функции, а управленческие полномочия в связи с образованием министерств были у него изъяты. Таким образом, манифест об учреждении министерств перечеркнул идею о восстановлении престижа Сената. Однако была сделана небольшая вынужденная уступка: министры должны были ежегодно отчитываться перед Сенатом, так как альтернативного контролирующего органа ещё не было создано. Но и это было больше временной формальностью: министры имели право личного доклада перед императором. Сенат хоть и объявлялся хранителем законности, но на деле превратился в хранилище законов. На заседании Негласного комитета 16 марта 1803 г. был принят проект указа, утверждённого 21 марта того же года. Согласно ему Сенат лишался предоставленного по указу от 8 сентября 1802 г. права указывать императору на законы, противоречившие ранее изданным узаконениям, отменялась министерская ответствен-

---

[1] ПСЗ-1. XXVII. 1802–1803 гг. № 20405.

[2] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 794.

[3] Пыпин А. Н. Исследования и статьи... Пг., 1918. Т. 3. С. 98.

ность перед Сенатом[1]. Позже единоличная власть министров только усилилась и возросла роль Комитета министров, которому стали подотчётны министры. Сенат окончательно превратился в конгломерат полусамостоятельных департаментов, число которых увеличилось до восьми, и малозначащий орган высшей власти[2]. Таким образом, реформированная структура Сената и созданных министерств не отличалась чёткостью и не отвечала либеральному принципу разделения властей. Успешной централизации государственного аппарата мешала острая борьба между старой и новой «партиями» реформаторов, боровшимися за влияние на нового императора.

Отношение к проекту Державина о реорганизации Сената было неоднозначным уже при его жизни. Современники усматривали в нём конституционные тенденции. Как указывал Я. К. Грот, на обёртке державинского Мнения, обнаруженного им в петербургском сенатском архиве, была оставлена «загадочная надпись» о том, что это было предисловие к державинской конституции, существовавшей наряду с конституциями П. А. Зубова, Н. П. Панина, адмирала графа Н. С. Мордвинова. Н. Н. Новосильцеву стоило большого труда, чтобы удержать Александра от подписания одного из вариантов конституций, заключал Я. К. Грот[3].

Споры усилились в пореформенное время. Например, литературовед А. Н. Пыпин считал, что Державин хотел «сделать из Сената что-то конституционное». Его проект отклонили, так как он ошибочно понимал разделение властей, сосредоточив их всех в Сенате[4]. Историк и юрист Ф. М. Дмитриев дал очень резкую характеристику проекта, назвав его любопытным в смысле «полного отсутствия политического смысла» и пренебрежения предыдущими преобразованиями. Державин как человек «старого покроя» был предан заветам старины, поэтому модифицировал екатерининское «Учреждение о губерниях» 1775 г., совершенно не понимая при этом сути её реформ. Юрист упрекал Державина в полуобразованности. Как считал Ф. М. Дмитриев, Державин «сочинил такую “организацию”, которую бы едва ли приняла сама Екатерина»[5].

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 676.

[2] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 147.

[3] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 341; Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 793.

[4] Пыпин А. Н. Исследования и статьи... Пг., 1918. Т. 3. С. 98–99.

[5] Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1585.

Юрист Н. М. Коркунов также нелестно отзывался о проекте Державина. Он указывал на заимствование Державиным у Екатерины II мысли о согласовании реформы Сената с административной реформой 1770-х гг., однако его переработанная версия оказалась весьма неудачной. Проект он считал искусственно выстроенной конструкцией. Схема устройства местных органов власти не применима была к устройству центральных органов власти. Полувыборный состав Сената, по его убеждению, привёл бы к «безграничному господству бюрократии, подрыву самостоятельности сенатских коллегий». В силу этого проект не был воплощён в жизнь, за исключением учреждения оберегательной думы — обер-прокурорской консультации в октябре 1802 г.[1]

По-иному смотрели на это советские историки и юристы. Некоторые из них усматривали в проекте попытку ограничения самодержавия, замены его аристократической формой правления[2]. Самый обстоятельный анализ предложений Державина о сенатской реформе начала XIX в. провёл В. А. Калягин. Он подробно исследовал обстоятельства подготовки им своих предложений, опираясь на архивные данные, в том числе ранее неатрибутивные. Он впервые комплексно рассмотрел Примечания, Мнение, Проект и Предложения и сделал вывод о том, что Гавриил Романович добивался расширения функций и компетенций Сената, обеспечив личную и служебную независимость сенаторов путём ограничения самовластия императора по отношению к ним, закрепив за Сенатом право надзора за законодательной деятельностью верховного правителя. Уделяя внимание проектируемой Державиным системе выборов сенаторов, В. А. Калягин сделал вывод об эволюции его взглядов от ограничения самодержавия надзором со стороны Сената в сторону

---

[1] Коркунов Н. М. Проект устройству Сената Г. Р. Державина. СПб., 1896. С. 14–16.

[2] Вознесенский С. В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800–1860 гг. М., 1932. С. 81; Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – первая четверть XIX в. Л., 1956. С. 122; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 203–204; Парусов А. И. Административные реформы в России первой четверти XIX в. в связи с экономической и социально-политической обстановкой: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967; Сафонов М. М. Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова — Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. X. С. 243–244; Калягин В. А. «Конституция» Г. Р. Державина // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 116–124.

взаимоограничения прав Сената и императора посредством сохранения административных преимуществ императора. В Примечании Державин не ограничивал круг кандидатов в сенаторы высшими чиновниками, предлагая наделить правами избирателей чиновников, духовенство и первогильдейское купечество нескольких губернских городов и обеих столиц. Так он пытался расширить политические возможности дворянства и купечества. Далее он предлагал проводить второй тур выборов в общем собрании Сената, на котором из числа лиц, набравших большинство голосов, выбирались по два кандидата на должность сенатора. Затем одного из них утверждал в должности император. В подготовленном позже Мнении к выборам допускались уже чиновники всех присутственных мест без указания их класса и «знаменитые особы» в обеих столицах. Отсутствовали двухступенчатые выборы. В Проекте кандидатов в сенаторы могли избирать знатные особы и чиновники первых пяти классов, а кандидатами могли быть лишь чиновники первых четырёх классов. Окончательный Проект Державина, по мнению В. А. Калягина, был составлен так, что отвечал интересам и монарха, и аристократии, создавая баланс между Сенатом и царём. Это не отвечало интересам последнего, стремившегося укрепить основы самодержавия и упрочить позиции бюрократии. При этом он вписывал деятельность монарха и Сената в жёсткие границы закона, что позволило исследователю усмотреть в проекте Державина признаки конституционности в смысле соответствия деятельности государя и чиновников принципу законности.

Иного взгляда придерживался юрист С. М. Казанцев, который назвал державинский проект «оригинальным и учитывающим специфику формы правления и структуры местного управления», созданного в духе «истинного монархизма»: «По сути — это “творческое” превращение буржуазной теории разделения властей в феодальную теорию разделения функций. Четыре департамента, возглавляемые министрами, фактически представляли конгломерат пяти самостоятельных органов высшего управления — совет министров и четыре ветви власти Сената». По мнению юриста, ярый монархист Г. Р. Державин за свой проект был необоснованно обвинен в аристократизме. Поводом послужили, во-первых, проводимый им принцип выборности сенаторов, во-вторых, именование законосовещательного по существу своему органа законодательным. Безусловно, это был повод, а не основание для критики, заявлял юрист. Проект Державина предусматривал всесторонний контроль администрации за выборами, обеспечивал императору право назначать любого из трёх выбранных кандидатов и не запрещал назначать новые выборы, если ни один из трёх его

не устраивал. Что касается законодательного департамента, то Державин не наделил его даже правом законодательной инициативы[1].

В постсоветское время проблемы административных реформ начала XIX в. и проекты сенатской реформы, в том числе Державина, также находились в поле зрения исследователей. Особое внимание этому уделялось в работах историков А. Н. Цамутали[2], А. Н. Сахарова[3], Л. Ф. Писарьковой[4], юристов Н. Н. Ефремовой[5], С. В. Кодана[6], М. А. Приходько и др.[7] Последний подробно изучил преобразования государственного аппарата и в особенности министерскую реформу начала XIX в. В одной из работ на основе анализа подлинных протоколов заседаний Негласного комитета в 1801–1803 гг., отложившихся в РГАДА в фонде П. А. Строганова (секретаря данных собраний), им был реконструирован ход разработки и осуществления сенатской и министерской реформ[8].

Исследователь выявил, что обсуждению сенатской реформы было посвящено 14 заседаний Негласного комитета в июне–декабре 1801 г., январе, марте–мае 1802 г. и марте 1803 г. Центральной темой было рассмотрение вопроса о превращении Сената в представительный орган власти. Значительное внимание при этом уделялось проектам Державина и Зубова, схожим во взглядах. Державин предлагал превратить Сенат в высший и всеобъемлющий орган управления, которому вверялись законодательная, исполнительная, судебная и оберегательная власти во главе с министрами. Это, по его мнению, значительно кор-

---

[1] Казанцев С. М. Сенатская реформа 1802 г. // Правоведение. 1980. № 4. С. 59–60.

[2] Цамутали А. Н. Планы либеральных реформ в начале царствования Александра I // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 201–230.

[3] Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

[4] Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 35–51.

[5] Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг.: Историко-правовое исследование. М., 1983. Она же. Развитие органов юстиции в период административных реформ первой четверти XIX века // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 128–138.

[6] Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства (1800–1850-е гг.): автореф. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

[7] Приходько М. А. Создание министерской системы управления в России в 1-й трети XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

[8] Приходько М. А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 119–129.

ректировало проектируемую тогда министерскую реформу, превращая министров не в руководителей центральных учреждений-министерств, а в начальников властей-департаментов Сената с сохранением системы коллегий. Система комплектования Сената на основании выборов дворянами из своей среды кандидатов означала, что Сенат превращался в орган дворянского представительства[1].

Стоит при этом учитывать, что в понятие «конституция» дворянство XVIII – начала XIX в. вкладывало другой смысл, чем это было принято в XX в. и тем более сейчас. Современники понимали конституцию как, во-первых, ограниченную представительным органом власти форму монархического правления, во-вторых, основные законы, обязательные для исполнения главой государства[2]. Причём последние отражали стремление дворянства добиться определённых гарантий законности действий самодержавной власти[3]. Не вдаваясь в подробности истории российского конституционализма, заметим лишь то, что Державин свой проект преобразования Сената мог воспринимать только во втором, расширенном смысле. Ни о какой ограниченной монархии он никогда не помышлял и не мог так рассуждать в принципе. «Молодых друзей», единомышленников Александра (В. П. Кочубея, П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева и А. А. Чарторыйского), он называл «шайкой якобинцев», «набитых французским конституционным духом»[4].

Гавриила Романовича вряд ли можно заподозрить в тайном конституционном либерализме, выразившемся лишь в начале царствования Александра. Державин всегда был последовательным приверженцем самодержавия: и когда подавлял Пугачёвский бунт, и когда спорил с монархами по вопросам государственного управления. Екатерининский по духу вельможа, Державин не мог в одночасье превратиться в конституционного монархиста. Его предложения скорее основывались на стремлении упорядочить деятельность Сената, обеспечить эффективность и слаженность его работы. Отсюда это разделение полномочий Сената как атрибут правового государства, выборность чиновников — гласность, прозрачность замещения должностей в государственном аппарате, пресекающие кумовство и непотизм.

---

[1] Приходько М. А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 121–122.

[2] Пыпин А. Н. Исследования и статьи... Пг., 1918. Т. 3. С. 62.

[3] Пресняков А. Е. Александр I. СПб., 1924. С. 26.

[4] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 485.

Он стремился включить в него нереализованные потенциалы времён Петра I и Екатерины II — его кумиров-правителей. Известно, что мысль о разделении компетенции в Сенате в соответствии с направлениями деятельности губернских властей на местах принадлежала ещё Екатерине II, и Державин её развил.

П. А. Зубов и А. Р. Воронцов предлагали превратить Сенат в законодательное собрание, что было ближе к мысли о представительном учреждении, наличие которого не вписывалось во властную структуру неограниченного самодержавия. Державин же предлагал вернуть Сенату то первоначальное значение, которым впервые наделил его Пётр I: ослабить роль генерал-прокурора, повысить значимость сенаторов в государственном аппарате, восстановить порядок принятия решений в Сенате не простым большинством голосов, а единогласно,— одним словом, вернуться к устоям. Державин в проекте активно боролся с «серыми» практиками администрирования и замещения должностей, пытался легализовать более цивилизованные способы властвования. Неслучайно в проекте есть раздел о высшем совестном суде. В целом проект носил консервативно-охранительный характер.

Державинский проект был слишком тяжеловесным, громоздким и не отвечал ожиданиям Александра и его ближайшего окружения. Он был практически нежизнеспособен в тех условиях. Новое политическое руководство империи планировало оставить за Сенатом высшие судебные функции, а иными полномочиями наделить новые органы власти: исполнительные функции передать министерствам, законосовещательные — Государственному совету. Изначально не планировалось сосредотачивать в Сенате центральную исполнительную власть. По мнению дореволюционного юриста С. К. Гогеля, Александр и его ближайшие помощники видели в Сенате «остаток старины, с которым всё же приходилось считаться»[1]. А Державин, Воронцов, Трощинский и прочие «приверженцы старины» стремились оставить за Сенатом роль «махового колеса всей системы управления»[2]. Александровские преобразования бюрократического аппарата призваны были завершить начатый ещё при Павле I процесс централизации системы государственного управления. По мнению Л. Ф. Писарьковой, сенатская и министерская реформы были ключевыми, так как от организации Сената и центральных органов власти зависело дальнейшее направление развития страны

---

[1] Гогель С. К. Правительствующий Сенат в XIX столетии: Компетенция. Делопроизводство. Уголовный процесс. Охранение прав личности. СПб., 1911. С. 9.

[2] Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 45.

и характер государственного управления. Страна вновь находилась перед выбором системы управления[1].

Эхо сенатской реформы до Державина донеслось спустя 10 лет, летом 1811 г., когда ему, как бывшему министру юстиции и автору нашумевшего в своё время проекта сенатской реформы, наряду с членами Государственного совета, М. М. Сперанским был выслан печатный экземпляр собственного проекта преобразования Сената. Этот экземпляр сохранился в бумагах Гавриила Романовича[2]. Он был одобрен большинством голосов на заседании Государственного совета и утверждён императором. Однако в силу недостатка средств и начавшейся войны с Францией проект не был претворён в жизнь. Анализ ответа Государственному секретарю интересен тем, что в нём Державин поясняет некоторые свои предложения о реформе Сената начала XIX в.

«Проект учреждения Правительствующаго Сената», составленный Сперанским, состоит из введения, трёх частей, восьми глав и приложения с образцами делопроизводственных бланков. Сперанский делил Сенат на административную и судебную части. Сенату вверялось право обнародования всех законов и хранения государственной печати. На заседаниях Сената председательствовал император, в его отсутствие — государственный канцлер. Сенат состоял из министерств и управлений. Могли проводиться два вида общих собраний сенаторов: в порядке обсуждения дел общей компетенции и особенных дел, вынесенных на рассмотрение монархом. Подробно описывался порядок делопроизводства.

Ответ Державина Сперанскому, датированный 30 июля 1811 г., сохранился, по словам Грота, в «перебелённом списке», то есть значительно переработанном в сравнении с первой версией отзыва, содержавшего ещё более резкую критику. Свой отзыв Державин начал с экскурса в историю: он напомнил адресату письма о том, как примитивно разбирались гражданские и уголовные дела в прежние времена, какая существовала волокита и несправедливость в судах, как при Екатерине II генерал-прокурор узурпировал в своих руках все нити власти, на что сетовала сама монархиня, задумывавшаяся о реформе Сената, но смерть помешала ей довести дело до конца. Далее он напомнил о том, как генерал-прокурор Беклешов в докладах не упоминал мнений сенаторов и что жалобы на всё это Державина инициировали

---

[1] Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 40.

[2] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 34. Л. 1–45 об.

начало обсуждения сенатской реформы при Александре I. Он подчёркивал, что не проектировал разделение самодержавной власти на четыре ветви, а предлагал лишь рассредоточить направления деятельности сенаторов по четырём сферам в соответствии с задачами административного управления в центре и на местах[1].

Со свойственной Державину прямотой и без лишних приукрашиваний он писал о том, что признавал проект Сперанского бесполезным, слишком навороченным, трудоёмким для исполнения, а проектируемую организацию Сената — слишком сложной. Он не видел в нём «твёрдого основания». Гавриил Романович упрекал Сперанского в неоправданном раздутии бюрократического аппарата, где «суд был на суде, совет на совете, чиновник на чиновнике». Его содержание требовало много государственных затрат. Многочисленный чиновничий аппарат неповоротлив, да и найти такое количество толковых специалистов для его функционирования было бы сложно, заключал бывший министр[2]. Судя по пометкам, сделанным Державиным на полях этого проекта, его не устраивало и то, что Сперанский в некоторых случаях отводил Государственному совету, реформированному по его проекту, больше власти, чем более авторитетному, по мнению Державина, Сенату. Сказать, что проект Сперанского Державину не понравился,— значит, ничего не сказать: даже в смягчённом варианте ответа чувствовались его давняя неприязнь к Сперанскому и раздражение его реформами. Возможно, Державин ревновал: ведь он уже отошёл от государственных дел, как он замечал, «правдой наскучив царю», в то время как Сперанский был приближен к императору и пользовался его особым к себе расположением. Хотя, надо признать, замечания Гавриила Романовича были вполне обоснованы и объективны, правда, оформленные в державинском прямолинейном стиле.

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 216–223.

[2] Там же. С. 223–224.

РАССЛЕДОВАНИЕ «КАЛУЖСКОГО ДЕЛА»

Уже во время коронации молодого императора в г. Москве в сентябре 1801 г. до него стали доходить сначала слухи, а потом анонимные и прямые жалобы на злоупотребления, шантаж, незаконный отъём недвижимого имущества, творимые калужским губернатором Д. А. Лопухиным и его чиновниками. Так начинал разгораться самый громкий коррупционный скандал начала XIX в., известный как «калужское дело», или «дело Лопухина». Самым первым жалобу направил местный заводчик Пётр Демидов, не стерпевший наглые выходки губернатора, часто находившегося в рабочее время «во хмелю», а по ночам разъезжавшего со свитой по г. Калуге, швырявшего в окна жителей камни, устраивавшего на улицах шум и пьяный дебош. Демидов писал и Державину 18 ноября 1801 г. из г. Москвы о том, что «в Калуге происходит неистовство», расписав злоупотребления Лопухина. В конце письма он с безысходностью восклицал: «Если и сие исполнителю наглости сойдёт с рук, то где же тогда искать справедливость?». Ещё одно письмо-донос на губернатора и его чиновников Демидов написал Державину 9 декабря 1801 г.[1]

Как считает А. Берестов, первые анонимные письма Александру о «шалостях» Лопухина составил писатель А. Н. Радищев, проживавший тогда в с. Немцово Калужской губернии и хорошо знавший «заслуги» губернатора. Он передал их императору через близкого в то время ко двору коллежского советника, в последующем главного идеолога создания Министерства народного просвещения В. Н. Каразина[2]. В дальнейшем Каразин принял косвенное участие в расследовании этого дела. Но об этом позже.

Главный фигурант скандала — Дмитрий Ардалионович Лопухин, один из представителей древнего дворянского рода, — для своего времени был колоритной фигурой. Губернатором Калужской губернии он был назначен в 1799 г., до этого послужив московским вице-губернатором. Современники утверждали, что высокие должности он получал не за свои административные таланты, а благодаря родственным и дружественным

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 2–3, 6.

[2] Берестов А. Калужское следствие (Г. Р. Державин в Калуге) // От наших корней: культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С. 39–45.

связям с влиятельными сановниками Петербурга. Не иначе как помощью высокопоставленных особ можно объяснить стремительный карьерный рост Лопухина: менее чем через четыре года после его выхода в отставку из гвардии прапорщиком он стал губернатором.

Самоуправство, вымогательства, откровенные нарушения законов, происходившие не где-нибудь на окраине империи, а в её центре, вблизи г. Москвы, грозили общественными волнениями и дискредитацией самодержавной власти. С целью выяснения всех обстоятельств и при необходимости пресечения преступлений, Александр в ноябре 1801 г. поручил Державину изучить настроение и обстановку в губернии, отправившись туда под видом отпуска в опекаемое им имение графини Е. Я. Мусиной-Пушкиной-Брюс. Он выбрал именно Гавриила Романовича, зная его ответственность и фанатичное правдолюбие. 23 ноября 1801 г. он отдал ему личное о том поручение. Державин, имевший опыт в изобличении коррумпированных чиновников и знавший силу знатного происхождения и родства-дружбы над законом, пытался отклонить просьбу императора. Однако Александр был настойчив и выразил явное недовольство попыткой отказа, поэтому Державину ничего не оставалось, кроме как подчиниться монаршему приказу. 25 декабря 1801 г. Александр выдал письменное секретное поручение Державину, снабдил его 3 тыс. руб. на издержки и заверил в предоставлении ему широких полномочий по проведению ревизии губернии в случае выявления там фактов злоупотреблений властью[1]. В тот же день император написал письмо В. Н. Каразину, в котором высказал сомнения по поводу моральных качеств Лопухина, считая, что «звук имени много значит», уведомлял его о принятом решении отправить в г. Калугу надёжного человека — Державина — как «бескорыстного и беспристрастного человека и гражданина». В связи с этим Александр предлагал Каразину присоединиться к нему и оказать помощь сенатору, сообщив ему накопленные сведения. Каразин выполнил данное поручение: по пути Державина в г. Калугу он в начале января 1802 г. встретился с ним в г. Москве, снабдив его необходимыми материалами по «калужскому делу». Примечательно, что в тексте письма Александра Каразину стоит сноска, приписанная другой рукой, возможно, её оставил сам Каразин: «Государь, ты ошибся, он был поэт и в делах»[2]. Предполагаем, что взаимоотношения Каразина и Державина не были безоблачными: Державин в своих воспоминаниях называл его «человеком умным и расторопным, хотя впрочем не весьма

---

[1] Собственноручные письма и указы императора Александра Павловича к Державину // Русский архив. 1863. № 1. С. 462–465.

[2] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 223. Л. 1–2.

завидной честности». Этот вывод он делал из якобы заинтересованности Каразина в женитьбе на богатой невесте, девице Надоржинской, чьё судебное дело с родственниками её умершего отца, не признававшими её законнорождённой, некогда разбирал Державин[1].

Приехав в г. Калугу, где он пробыл с 12 января по 26 февраля 1802 г., Державин энергично приступил к расследованию ситуации. Вначале он, остановившись в доме местного купца, городского головы[2] Борисова, собрал много ценных сведений от чиновников, посещавших его. Затем решил внезапно начать формальное следствие. Для этого он явился в губернское правление и неожиданно для всех объявил о настоящей цели своего визита в губернию. Застав чиновников врасплох, Державин снял с них письменные показания, в которых калужане друг друга и выдали[3]. Собранные им бумаги калужского следствия теперь хранятся в фондах ИРЛИ РАН[4]. Материалы следствия составляют почти 700 листов (!)[5].

Державин повёл очень продуманную, решительную изобличительную тактику в отношении Лопухина и его подручных. Так, получив 12 января 1802 г. «чистосердечное признание»-донос от губернского прокурора Н. Крупенникова, Гавриил Романович в секретном письме к нему от 18 января 1802 г. задавал прямые, провокационные и «неудобные» вопросы: он спрашивал прокурора, какие именно законы Лопухин нарушал, совершал ли он их намеренно или по неведению, каким именно родством он был защищаем, какие Крупенников как губернский прокурор «совершал преграды непозволительному поведению губернатора» и т. д. В тот же день аналогичное секретное письмо Державин направил своему информатору Демидову. В нём он задавал уточняющие вопросы по существу дела, уверял Демидова в конфиденциальности его показаний и защите как свидетеля. Ответ Демидова с подробностями по делу поступил уже 20 января[6].

В первом уведомительном письме императору Державин в январе 1802 г. сообщал о подозрительном местном епископе Феофилакте. Державин не имел права допрашивать его, поэтому руководствовался в суждениях лишь показаниями и рассказами церковных служащих и паствы. Однако Феофилакт первый обратился к нему, написав письмо с просьбой оказать содействие в некоем «щекотливом вопросе». На что

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 451–452.

[2] Городской голова — глава городского общественного управления, который избирался на три года. Должность учреждена императрицей Екатериной II в 1767 г.

[3] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 446.

[4] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 1–29.

[5] Там же. Д. 5, 14, 16, 17, 24.

[6] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 22–26 об.

Державин отказал ему в личной встрече, полагая, что архиерей стремился впутать его в интриги и использовать державинские донесения в свою пользу. Зная свою горячность, Державин не дал тем самым повода для новых неприятностей. В дополнение к тому он сообщал государю о том, что епископ вёл себя не подобающе своему духовному сану — соблазнял женщин, брал взятки со священнослужителей. Последнее было доказать сложно, так как потерпевшие в том не признавались. Державин предлагал на время передать епархию в управление тульского архиепископа Мефодия, известного своим благочестием, а также избавить его от поручения расследовать махинации епископа[1].

Первый предварительный обзорный отчёт императору Державин направил 1 февраля 1802 г. В нём он рассказывал обо всех фигурантах дела и совершённых ими злоупотреблениях[2]. Оставшись довольным проделанной работой, Александр указом от 5 февраля 1802 г. повелел сенатору отправиться в отпуск на два месяца[3]. Отправляясь в Петербург, 25 февраля 1802 г. Державин написал калужскому губернскому правлению о том, что его расследование завершено, соответствовавшие бумаги о нём отправлены в столицу. В них он указал на обнаруженные недостатки и положительные стороны в работе губернского правления. Тем, кто пожелал бы писать жалобы и доносы, Державин предлагал подавать их в узаконенном порядке, не приезжая более в г. Калугу[4].

Будучи уже в Петербурге, Державин 15 марта 1802 г. составил адресованный государю итоговый рапорт о проведённой ревизии в Калужской губернии *(см. приложение 1, документ № 4)*[5]. В рапорте Державин ссылался на показания главных свидетелей и пострадавших от злоупотреблений губернатора, «теснившего честных людей, уничтожая святость закона». Ранее поступившее сообщение губернского прокурора Крупенникова генерал-прокурору Сената о противозаконных деяниях Лопухина, жалобы Демидова инициировали следствие Сената, но оно привело к «дурному успеху», так как «истина занимала тут весьма малое место»[6]. Большинство дворян, купцов были его кредиторами. Во время осмотра губернии сенаторами они, чтобы ничего не рассказывали ревизорам, получали от него «кулашные удары и дёрганье волос». Красноречиво характеризовали Лопухина приведённые Державиным подлинные слу-

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 14–15.

[2] Там же. Л. 28–31.

[3] Там же. Л. 34.

[4] Там же. Л. 40.

[5] Там же. Л. 42–50.

[6] Там же. Л. 42 об.

чаи его хамского поведения в губернии. Так, с самого начала, во время принесения губернаторской присяги, Лопухин напал в храме на действительного статского советника Тибенина и получил достойный отпор от него. Во время коронации императора в г. Москве бригадиром, флигель-адъютантом государя и бравым генерал-лейтенантом Кологривовым при высокопочтеннейших лицах он был назван «бездельником». Оскорбление было оставлено им без защиты своей чести.

Далее Державин сообщал, что Лопухин избавил от наказания действительных виновников кражи ризницы в Пафнутиевом монастыре в г. Боровске, а мещан города его следователи нещадно избили и невинно наказали. Губернатор за взятку ломбардными билетами на сумму в 37 тыс. руб. покрывал братоубийцу прапорщика Хитрово[1]. Лопухин «угнетал губернию наглостию и мздоимством»: под угрозой ссылки в Сибирь заставлял местных дворян и заводчиков уничтожать выданные им векселя, брал у них в долг деньги и не отдавал их, отбирал имения, занимался вымогательством. Помогал ему в злоупотреблениях полномочиями губернский секретарь Гужов. Он, подобно своему распутному патрону, удерживал жалование канцелярских служащих. Городничий Батурин тоже не отставал от коллег — он брал дополнительные поборы с жителей г. Калуги. Согласно слухам (никто доносов не подавал) епископ Феофилакт тоже был замечен во взяточничестве: он продавал должности в епархии священнослужителям. Например, за место дьячка он брал с претендента 100 руб., за место дьякона — 200 руб., за место священника — 300 руб. Злоупотребления и откровенные нарушения законов происходили и в местных судах.

Имея через высокопоставленных родственников связи с генерал-прокурором А. А. Беклешовым и статс-секретарём Д. П. Трощинским, Лопухин избегал осуждения государя. В рапорте приведены выдержки из многочисленных жалоб калужан на зарвавшегося губернатора и его помощников. Всего было приложено более трёх десятков жалоб, доносов и прочих бумаг по делу[2].

В заключение Державин резюмировал об «общем расстройстве в Калужской губернии»: «Не соблюдаются законы, не соблюдается порядок в отправлении тяжебных и следственных дел, и не отправляется свято правосудие. Личная безопасность сомнительна. Собственность не надёжна». Вместе с тем сенатор отмечал, что положение казённых крестьян было удовлетворительным, никаких жалоб от них не поступало, земли им хватало. Губернской казны он не свидетельствовал по недостатку

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 43.

[2] Там же. Л. 43 об. – 49 об.

времени и необходимых на то полномочий, поэтому выводов о состоянии финансовых дел в губернии делать не мог. Высокую оценку Державин дал работе местного Приказа общественного призрения — училища, больницы, богадельни, сиротские, смирительные, инвалидные дома, даже тюрьмы содержались образцово: там было чисто и опрятно, учителя, воспитанники, больные и прочие отзывались с благодарностью за государственную заботу о них. Не было в губернии недостатка в соли и вине. Цены на продукты завышены не были.

Подводя итог своей работе, Державин подчёркивал, что он, следуя монаршим наставлениям, старался открыть «следы истины». Дальнейшее завершение следствия (проведение очных ставок, допросов и т. д.) он просил передать компетентной комиссии, так как ему одному это уже было не по силам. Он скромно напомнил государю, что такой огромный объём работы он провёл в одиночку и в кратчайшие сроки как мог[1].

Всё же лучшего и ревностного ревизора, чем Державин, государь не нашёл бы, поэтому Гавриил Романович был повторно направлен в Калужскую губернию для завершения следственных действий на месте. Из наблюдений Державина, совершённых им во вторую поездку, за период с середины октября 1802 г. до середины 1803 г., копия которых представлена в докладе Сенату[2], следует полная и мрачная картина регулярных чиновничьих злоупотреблений, наглого воровства, гнусной лжи, открытых притеснений в Калужской губернии. Главными действующими лицами были сплошь чиновники губернского правления, суда, прокуратуры, полиции, дворянских собраний и церкви: губернатор Лопухин, губернский прокурор Чаплин, губернский секретарь Гужов, председатели гражданской палаты Сомов и уголовной палаты губернского суда Барноволоков, городничий Батурин, земский исправник Самарин, губернский предводитель дворянства Небольсин, епископ Феофилакт и прочие. Им под стать были и некоторые мелкие служащие — трусы-подхалимы[3]. В этом сонме порочных чиновников сохранились и порядочные люди: вице-губернатор Казачковский и ряд мелких чиновников. Державин подготовил донесение императору, отправив его нарочным курьером в Петербург. Всего Державиным было выявлено 35 составов преступлений.

Державиным были окончательно расследованы следующие преступления. Во-первых, помещик отставной гвардейский прапорщик Дмитрий Хитрово в начале августа 1801 г. при помощи наёмных лиц

---

[1] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 49 об. – 50.

[2] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 305–381.

[3] Там же. С. 365–366.

совершил убийство своего родного брата Петра Хитрово. Сосед-помещик Александр Барышников помог ему подкупить священников, доктора, земского исправника, городничего Батурина, губернского секретаря Гужова и самого губернатора Лопухина, чтобы то убийство они замолчали и потом его оправдали на суде. Лопухин получил взятку в 37 тыс. руб. ломбардными билетами за покровительство на суде. После этого Хитрово освободили из-под стражи, наказаны были исполнители преступления — дворовые люди Хитрово, по приказу которого они убили его брата, ехавшего в гости в соседнее имение. Причём наказаны они были жестоко — им были назначены 400 ударов кнутом и ссылка в г. Нерчинск, по дороге двое умерли, а двое были еле живы.

Затем Лопухин и Батурин стали требовать с Хитрово выдать им вместо ломбардных билетов векселя на сумму 80 тыс. руб., а губернатор также требовал ликвидировать его вексель к Хитрово на сумму в 5600 руб. В итоге после начала следствия Державиным Хитрово признался в содеянном, а на очной ставке Барышников, Батурин и Гужов показали, что через них Хитрово пытался откупиться от наказания[1].

Во-вторых, Лопухин уничтожил свой вексель на сумму в 20 тыс. руб., выданный в январе 1800 г. на год помещику, фабриканту И. А. Гончарову. Через полгода губернатор посредством губернского секретаря Гужова и под угрозами ссылки в Сибирь якобы за участие в картёжных играх вынудил Гончарова уничтожить векселя и тем самым простить ему долг. Через два года Лопухин просил у Гончарова в долг ещё 3 тыс. руб. Гавриил Романович подтвердил это нарушение и выявил ещё ряд фактов, когда Лопухин брал взаймы деньги у местных помещиков Хвостовой, Булгакова, Засыпкина, Хитрово и долг не возвращал[2].

В-третьих, губернатор незаконно отнимал у местных помещиков их имения. Так, в 1800 г. он вынудил майоршу Хвостову продать ему за бесценок недавно купленное ею за пять с лишним тысяч рублей в Медынском уезде имение и крестьян. Для этого он препятствовал оформлению владельческих прав в уездном суде, при помощи городничего Батурина сфабриковал на неё жалобу её же крестьян за жестокое обращение с ними. Вызвав её в г. Калугу, губернатор с подручными удерживал Хвостову две недели взаперти, «делал ей непристойные предложения», угрожая, настаивал на отдаче ему имения и крестьян. Купленное у Хвостовой на имя Батурина за 1 тыс. имение было заложено за 10 тыс. руб.[3]

---

[1] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 326–331.

[2] Там же. С. 340–342.

[3] Там же. С. 345–347.

В-четвёртых, губернатор покровительствовал незаконной передаче под опеку городничего Батурина в 1799 г. имения умершего его двоюродного брата Ивана Батурина. Городничий при помощи своего зятя Могилевича и под покровительством губернатора взял в опеку имение Ивана Батурина, обделив частью наследства двух других его братьев, майоров Петра и Дмитрия Батуриных. Дополнительно он установил опеку над малолетним Павлом Батуриным. Державин даже заподозрил Могилевича и городничего Батурина в убийстве Ивана Батурина с целью завладения его имением и из-за задолженности перед ними на крупную сумму. Однако прямых доказательств, кроме быстрого погребения умершего, он не нашёл[1].

В-пятых, заседателем калужского нижнего земского суда Матвеевым под покровительством Лопухина умышленно было начато уголовное следствие об утайке выплавляемого чугуна на заводе купца Засыпкина. Проведя ревизию на заводе, Матвеев вымогательством получил от купца взятку в 5 тыс. руб., при повторном освидетельствовании производства, одобренном губернатором, жил у Засыпкина в доме, притеснял и оскорблял его. На жалобу губернатору купец получил оскорбление и повторную ревизию, которая остановила производство и нанесла купцу ощутимые убытки[2].

В-шестых, губернатор и губернский секретарь Гужов совершали злоупотребления в отношении служащих губернского правления. Так, по жалобе регистратора губернского правления Сумского они удерживали его жалование, уничтожали формулярные списки чиновников, имевших выслугу лет, но по бедности своей не «жертвовавших» им часть от жалования, ходатайствовали о наградах и прибавке к жалованию родственникам и приближённым к себе лицам, не работавшим вовсе, а канцелярских служащих, достойных наград, оставляли без заслуженного поощрения. Губернатор при помощи губернского прокурора Чаплина мог лично начать и за взятку окончить сфабрикованное следствие в отношении любого лица. Он устраивал произвол в отношении монастырских служителей[3].

В-седьмых, губернатор со своими подручными облагал жителей губернии дополнительными незаконными сборами и пожертвованиями. Так, калужский градской голова Борисов за то, что отказывался отчислять деньги на «общественные нужды», лишился почётного звания именитого гражданина, полученного им от городового маги-

---

[1] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 350–352.

[2] Там же. С. 352–353.

[3] Там же. С. 353–358.

страта за беспорочную и непрерывную десятилетнюю службу в нём. После жалобы губернатору, прокурору и стряпчим был отдан под суд[1].

Согласно предложению Державина 8 февраля 1802 г. последовал указ Александра об отстранении Лопухина от должности и временной передаче его полномочий вице-губернатору Казачковскому. Дополнительно император просил разобраться по жалобе калужской помещицы Домагацкой на проворовавшегося губернатора[2].

Подследственный Лопухин сумел тайно отправить в Петербург письма высоким покровителям. Например, в письме от 30 января 1802 г. он жаловался канцлеру А. Р. Воронцову на «стеснительные его (Державина — *Н. Ц.*) действия по ревизии Калужской губернии»[3]. На Державина тотчас посыпались обвинения в применении силы и пыток при проведении следствия. Дело усугубилось скоропостижной смертью от сердечного приступа Гончарова, ожидавшего в канцелярии очередной встречи с сенатором. Недоброжелатели обвинили Державина в жестоком обращении при проведении допросов. Однако Державин сумел отклонить от себя ложные обвинения, и клеветники отказались от своих доносов. В связи с этими кознями и препонами в следствии Державин спешно отправился в Петербург для объяснений с императором, но был им холодно встречен из-за полученного ранее ложного рапорта подследственного Лопухина. Он обвинял Державина в применении жестоких мер, возмущении народного спокойствия в губернии. Всё-таки оправдавшись по наветам, Державин отказался единолично готовить проект указа о наказании преступников и попросил императора назначить пересмотр следствия, дабы его ни в чём не подозревали.

Тогда указом императора в апреле 1802 г. была образована специальная комиссия для рассмотрения «калужского дела» в составе А. Р. Воронцова, В. А. Зубова, Н. П. Румянцева, С. К. Вязмитинова и Г. Р. Державина. Весной 1802 г. он вновь направился в г. Калугу, но уже вместе с коллегами, для продолжения следствия. По итогам четырёх месяцев её работы комиссионно были установлены 24 факта преступных действий губернатора и его подельников: нарушение должностных инструкций, превышение должностных полномочий, прекращение уголовных дел «по секрету», притеснение жителей Калужской губернии, лишение собственности местных помещиков,

---

[1] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 358–361.

[2] Собственноручные письма и указы императора Александра Павловича к Державину // Русский архив. 1863. № 1. С. 465–466.

[3] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1431. Л. 22–22 об.

вымогательства, убийства и пр. Комиссия установила, что Державин не применял истязательных мер и действовал в пределах закона.

Комиссия признала незначительными ранее выявленные Державиным такие проступки Лопухина, как производство в чины не по заслугам претендентов, а по личной его рекомендации; езда в губернском правлении верхом на дьяконе; появление на торжественном заседании в дворянском собрании с «девкой зазорного поведения»; пьяный кутёж по городу в сопровождении музыки, барабанов; многочисленные долги; дергание за бороду купца Алтынникова, лживый донос на Державина и пр.[1]

Указом от 16 августа 1802 г., проект которого подготовил Державин, губернатор и его подручные были отрешены от должности и отданы под суд, пострадавшим возмещался нанесённый ущерб. По инициативе Державина чиновники — жертвы злоупотреблений и притеснений губернского начальства, а также его служащие из Сената, помогавшие ему в расследовании, были награждены очередными чинами. Гавриил Романович составил «Записку о награждении чинов, употреблённых сенатором Державиным, по высочайше препорученной ему комиссии в Калуге», в которой подробно привёл послужные списки и заслуги столичных и калужских чиновников, оказавших ему содействие в расследовании. В этом акте проявилось внимание и чуткость Державина к рядовым служащим, обычным канцеляристам, честно исполнявшим свой служебный долг. Поощрены были советник Комаров, губернский прокурор Крупенников, губернский землемер Добрышин, губернский секретарь Соломка (его сенатор выделил особенно, так как он ездил в г. Медынь, где собирал необходимые сведения об убийстве Хитрово, выполнял иные поручения Державина), коллежский секретарь Петухов, поручик калужской штатной роты Алексеев, унтер той же роты Бобков, отставной Кротов, коллежский регистратор Яковлев, губернский регистратор Дьяков, служащие Катков, Сумкин, Носов, канцелярист Клименков. Отдельным указом вице-губернатор Казачковский был назначен губернатором калужской губернии, а городской голова Борисов был награждён за усердную службу[2].

Однако после завершения державинского следствия дело помещика Хитрово и вместе с ним всё «калужское дело» было передано на дополнительное следствие в Сенат. По причине разделения компетенции гражданского и уголовного департаментов на московский и петербургский «калужское дело» было передано из четвёртого в пятый департамент, в котором следствие шло три года. Составленный итоговый доклад Се-

---

[1] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 325.

[2] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 72, 74, 76, 78, 115–118 об.

ната, по мнению Державина, изобиловал «недостатками и упущениями»: Сенат не провёл дополнительного следствия, как это было предписано указом 16 августа 1802 г., не учёл показаний ряда свидетелей, замолчав о 25 свидетельских показаниях, и в итоге вместо вынесения обвинительного решения оправдал преступников. Да и сам доклад Сената пестрел подчистками, исправлениями, вклейками страниц и прочими нарушениями в оформлении официальных, тем более судебных, документов[1].

Возмущённый таким поворотом Державин 22 августа 1806 г. направил императору подробное объяснение по «калужскому делу», приложив к нему копии взятых признательных и свидетельских показаний, прямо указывавших на преступность тех деяний[2]. Державин писал о том, чтобы «виновные не сокрылись от заслуженного по законам наказания». Он указывал на то, что «действие прошлого переменить нельзя», но можно изменить их интерпретацию[3].

Однако должного наказания Лопухин не понёс. Будучи в родстве с влиятельным при дворе П. В. Лопухиным, женатым на М. А. Шереметевой, в дружбе с А. А. Беклешовым, Д. П. Трощинским и А. А. Торсуковым, сумел избежать его, в то время как его подручные-чиновники были осуждены уголовной палатой суда. В мае 1803 г. московский генерал-губернатор граф Ф. В. Ростопчин сообщал князю П. Д. Цицианову между прочим о том, что Лопухин жил к тому времени весьма весело в Петербурге. В конце 1804 г. он же писал ему о том, что московский департамент Сената оправдал его. Потом это дело рассматривалось в 1806 г. на трёх февральских заседаниях Негласного совета. Н. П. Румянцев и С. К. Вязмитинов не стали тогда высказываться, ссылаясь на уже озвученную ими в 1802 г. позицию по делу. Наконец, в середине мая 1806 г. фигуранты дела получили лёгкие наказания, а Д. Хитрово был сослан в г. Нерчинск на каторжные работы. Экс-губернатор Лопухин упоминался там вскользь. И вообще, Совет признал решение Сената законным[4]. Окончательное решение Сената было вынесено 28 января 1819 г. В нём указывалось на отсутствие в действиях бывшего губернатора «умышленных злоупотреблений власти, ему вверенной», и закреплялось то, что «во всех изветах на него поданных... считать его оправданным». Единственным наказанием стало решение о запрещении занимать ему государственные должности[5].

---

[1] Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 313-318.

[2] Там же. С. 305–381.

[3] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 21. Л. 10 об, 11 об.

[4] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 787–788.

[5] Берестов А. Калужское следствие... Калуга, 2003. С. 43–44.

По сообщению историка, председателя Калужской учёной архивной комиссии (КУАК) И. Д. Четыркина[1], ревизия Державина хоть и привела к тому, что в законодательстве Российской империи, наряду с указами от 16 августа 1802 г. «О непреступлении губернатором пределов власти, назначенных им законами»[2] и «О воспрещении гражданским палатам принимать и рассматривать частные жалобы и о исполнении указа 1765 г. при случаях разноречащих предписаний Сената»[3], «О разных злоупотреблениях, последовавших в Калужской губернии»[4], появился указ от 18 ноября 1802 г. «Об искоренении лихоимства», однако он был малоизвестен и редко применялся на практике[5]. Он в большей мере содержал констатацию факта существования взяточничества и поручение Сенату разработать законодательную базу для его пресечения. Однако при жизни Державина лишь 10 марта 1812 г. Сенат принял указ «О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам»[6]. Мздоимство чиновников, несмотря на неоднократно предпринимаемые государством меры борьбы, было и остаётся неизменной «язвой русской жизни». Впрочем, и не только русской.

Калужский краевед конца XIX в. И. Тихомиров в известиях КУАК на основе изучения архивных сведений Калужской духовной консистории оправдывал епископа Феофилакта от державинских обвинений в причастности его к «лопухинской истории». Он сообщал, что Феофилакт в силу необходимости организовать недавно открытую в 1799 г. епархию вынужден был часто общаться с губернатором. В результате расследования Державин в силу близости епископа к губернатору заподозрил и его в злоупотреблениях. Он даже получил анонимную жалобу на него о том, что архиерей «пристрастно определяет на места». А семинаристы калужской духовной семинарии жаловались на то, что их просьбы о предоставлении мест священников не удовлетворялись церковным руководством губернии, которое назначало на те места недостойных лиц. За дерзость их даже секли розгами «нещадно». Позже Державин по доносу допрашивал с пристрастием архиерейских слуг и вынес им наказание. В силу того, что он не имел права вмешиваться в церковные дела и, торопясь уехать из г. Калуги, ревизор, по мнению

---

[1] Четыркин И. Д. О последствиях ревизии в Калуге в 1802 г. Г. Р. Державина // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Калуга, 1895. № 4. С. 17, 26.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 372.

[3] Там же. № 20 373.

[4] Там же. № 20 374.

[5] Там же. № 20 516.

[6] ПСЗ-1. Т. XXXII. 1812–1814 гг. № 25 028.

краеведа, не вник в эпизод с участием в «калужской истории» Феофилакта, поэтому заодно с губернатором и его шайкой и уличил его в преступлениях. Как считал И. Тихомиров, Державин слишком был строг и подозрителен к Феофилакту. В результате проведённого им следствия 16 августа 1802 г. Сенат издал ещё и указ Синоду с предписанием провести расследование выявленных сенатором Державиным фактов ущемления семинаристов, кражи ризницы Боровского монастыря и прочих нарушений. В соответствии с указом Синода от 28 августа 1802 г. была образована независимая комиссия во главе с архимандритом московского Донского монастыря Виктором для проверки всех указанных фактов. Уже в сентябре того же года он выехал в г. Калугу и приступил к следствию. Комиссия установила, что высеченные семинаристы относились к категории ленивых и нерадивых учеников, часто грубивших префекту семинарии, прогуливавших занятия, поэтому наказание получили заслуженно. Однако комиссия укорила префекта в применении телесных наказаний к семинаристам старших классов, с которыми следовало провести строгую беседу. Префект был переведён из калужской духовной семинарии в Тульскую епархию. Изучив кадровую политику архиерея, комиссия установила, что она была разумна и на места священнослужащих назначались способные и достойные выпускники, а семинаристам следовало доучиться и не просить мест, а ждать, когда их пригласят к служению. Комиссия также оправдала Феофилакта от обвинений в неправильно наложенной им епитимье на местного помещика[1]. В итоге калужский архиепископ Феофилакт был оправдан. Позже он углубился в научные занятия и спокойно занимал свой духовный пост.

Итак, Державин в начале царствования нового императора продолжил свою активную деятельность в Сенате. Благодаря его стараниям государство установило порядок над ведениями соляных промыслов в Крыму и увеличило доходность казённых поступлений от них. Так, судя по росписи государственных расходов и доходов за 1802 г. (т. е. бюджету), в казну поступило более 6,5 млн руб. неокладных сборов от продажи соли, что составило порядка 7% совокупного дохода бюджета империи. Эти поступления стояли на четвёртом месте после питейных сборов (более 25 млн руб.), подушной подати (около 20 млн руб.) и таможенных сборов (более 11,5 млн руб.)[2].

---

[1] Тихомиров И. Строгая ревизия. Эпизод из калужской жизни начала XIX столетия // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Калуга, 1898. № 3. С. 8–28.

[2] Приложение к Журналу Комитета министров за 1802 г. // Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 30.

Его неоднократные уличения генерал-прокурора А. А. Беклешова в нарушении полномочий и узурпации власти в Сенате инициировали начало беспрецедентного обсуждения основ сенатской реформы. Державинский проект сенатской реформы не был осуществлён: во-первых, слишком сильны были противники Державина, а их интриги против него — продуманны и изощрённы, во-вторых, его предложения явно диссонировали с келейно подготовленной в недрах Негласного комитета реформой центрального управления. При этом в бытность его министром юстиции было использовано на практике лишь предложение об оберегательной власти — учреждена консультация (т. е. совещание) обер-прокуроров в Сенате. Это осуществилось в силу слитности должностной компетенции министра юстиции и генерал-прокурора. Безусловно, для своего времени державинские идеи о подчинении монарха и государственных чиновников принципу законности, о выборности высших чиновников, открытого опубликования решений сенаторов были смелыми и передовыми.

Участие Державина в расследовании «калужского дела» обнажило неприглядные стороны бюрократического аппарата империи в одной из её центральных губерний. Шантаж, вымогательства, подлоги, лжесвидетельствование, оскорбления чести и достоинства, незаконные захваты собственности — это неполный перечень преступных деяний губернатора Лопухина и его управленческой команды, которые вскрыл и доказал Державин. Действительно, сама Фемида не желала такого строгого судью, как Гавриил Романович. Однако, несмотря на неопровержимость собранных доказательств, участники коррупционного скандала не понесли должного наказания, а главный фигурант оказался на свободе, полностью оправданный высшей судебной инстанцией. Как и в случае с генерал-губернаторами Т. И. Тутолминым и И. В. Гудовичем, с тамбовским купцом М. Бородиным, председателем Заёмного банка П. В. Завадовским, директором Санкт-Петербургской таможни Даевым и прочими, закон в борьбе со злоупотреблениями оказался слаб.

Впрочем, и сам Державин предвидел такой итог своей ревизии Калужской губернии: в беседе с императором перед принятием поручения в ноябре 1801 г. он просил не налагать на него обязательств по расследованию лопухинских деяний, так как «труды его будут напрасны», а он только наживёт себе новых врагов и «возбудит ненависть сильных людей»[1].

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 444.

ГЛАВА II

Во главе Министерства юстиции и Сената

МИНИСТЕРСКАЯ РЕФОРМА 1802 г. И ЕЁ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ «ЛОВУШКИ»

Александровское царствование было наполнено проводимыми или ожидаемыми государственными реформами. В обществе витало предвкушение даруемой императором конституции, что выразилось в появлении ряда конституционных проектов, к числу которых ошибочно были отнесены предложения Державина о преобразовании Сената. Как известно, не всё из либерально-окрашенной модернизационной программы Александру и его политической команде удалось реализовать.

Безусловно, к существенным достижениям его царствования следует отнести проведённую в 1802–1810 гг. министерскую реформу. Её основы были подготовлены ещё в период правления его отца: в своих планах государственных преобразований Павел I задумывался сочетать в высшем административном управлении коллегиальное и единоличное начало. Многое из задуманного он успел осуществить: оптимизировал работу Сената, коллегий, объединив ряд родственных направлений центрального отраслевого управления под руководством одного министра (коммерции, финансов, например). Усилиями Павла начала выстраиваться чёткая вертикаль власти[1]. В начале XIX в. по-прежнему остро стояла задача усиления центральной власти. В связи с этим ликвидация устаревших коллегий и замена их на министерства была логическим продолжением намеченного в предшествовавший период направления управленческих новаций.

Рационально выстроенная система государственного отраслевого управления обсуждалась в Негласном комитете с февраля по сентябрь 1802 г. Итогом стал манифест «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г., знаменовавший первый этап задуманных преобразований. На начальном этапе в деятельности министерств сочетались новые единоличные и старые коллегиальные основы — министр был

[1] Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 36–37.

не столько правителем ведомства, сколько посредником между императором и подведомственными ему коллегиями. Последние не входили в состав министерств, а только подчинялись им. Было образовано восемь министерств во главе с министрами, которым помогали их заместители (товарищи в аутентичной терминологии) и канцелярия. Правда, заместители были не у всех министров: их не было у министра коммерции, юстиции (должность предусматривалась, но в 1802 г. оставалась вакантной) и государственного казначея. Больше всего коллегий и учреждений перешло в подчинение Министерства внутренних дел: вся государственная промышленность, кроме горной, строительное дело, полиция, губернские правления и др.

Министры получали право личного доклада императору по вопросам их компетенции. Помимо этого, создавалось общее собрание министров — Комитет министров, на котором им следовало совместно обсуждать подаваемые царю доклады и прочие текущие дела. За деятельностью министров устанавливался контроль Сената, которому министры ежегодно должны были отчитываться о проделанной за год работе вверенного им министерства. Согласно манифесту годовой отчёт министра обсуждался в присутствии всех министров, после чего вместе с мнением Сената отправлялся на утверждение императору. Все министры автоматически являлись членами Государственного совета, на заседание которого они могли выносить значимые, по их мнению, вопросы.

Состав первого кабинета министров был компромиссным, коалиционным: в его состав вошли представители Государственного совета (С. К. Вязмитинов — министр военно-сухопутных сил, Н. С. Мордвинов — морских сил, А. Р. Воронцов — иностранных дел, Н. П. Румянцев — коммерции, А. И. Васильев — финансов, П. В. Завадовский — народного просвещения), старой служилой бюрократии, не входившие до этого в состав Совета (Г. Р. Державин — министр юстиции, Ф. А. Голубцов — государственный казначей, П. В. Чичагов — замминистра морских сил, М. Н. Муравьёв — замминистра народного просвещения), Негласного комитета (В. П. Кочубей — министр внутренних дел, П. А. Строганов — замминистра внутренних дел, А. А. Чарторыйский — замминистра иностранных дел) и лица, близкие к его членам (Х. А. Ливен — замминистра военно-сухопутных сил, Д. А. Гурьев — замминистра финансов). Это, на первый взгляд, сбалансированное сочетание членов полемизировавших между собой «партий» молодёжи и стариков-управленцев уже в зародыше содержало заложенную его конструкторами мину. Работа первого, своего рода «пробного» состава министров ожидалась явно неспокойной. Более того, законодательные основы его деятельности,

ввиду непродуманности в условиях спешки и секретности их подготовки, не согласовывались между собой и с аналогичными основами функционирования Сената и Государственного совета. Хотя внешне был установлен приоритет Сената над министерствами, однако их свобода действий была широка, а статус усилен созданием Комитета министров. Недостатки манифеста были явными, что выдавало, по замечанию М. А. Корфа, «малую опытность составителей».

Дореволюционный правовед С. П. Покровский отмечал, что министерская реформа отличалась «осторожным характером»: «она подтвердила первенствующее значение Сената и не уничтожила коллегий». По характеру власти министры были главными директорами, координировавшими деятельность контролируемых ведомств. В содержании манифеста 8 сентября 1802 г. было много «недоговорённого, недомолвленного», что восполнялось деятельностью министров[1].

Министерства приступили к исполнению своих обязанностей без подготовленных должностных инструкций, как это изначально предполагалось в манифесте. Их разработка и апробирование фактически были отданы на откуп каждому министру[2]. По причине того, что круг деятельности министров не был чётко определён и закреплён, происходили профессиональные и часто личные столкновения, административная и делопроизводственная неразбериха в работе всего центрального аппарата управления. Было очевидно, что это был «сырец» для будущих преобразовательных мероприятий, которые в дальнейшем предстояло значительно корректировать. На первом этапе трансформации государственного аппарата Александр действовал в русле намеченных, а равно и реализованных инициатив своего отца.

---

[1] Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906. С. 57, 69.

[2] Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 45–48.

У ИСТОКОВ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ДЕРЖАВИНА

Как сообщал Я. К. Грот, Александр в конце 1801 г. прочил Державина на пост директора одного из банков, но его советники отговорили его, указывая на возможную запутанность в стиле руководства[1]. При обсуждении состава первого кабинета министров Александр всерьёз думал поручить Гавриилу Романовичу Министерство финансов, а должность генерал-прокурора — А. И. Васильеву. Однако тот отказался, поэтому финансовое ведомство было вверено барону, а Министерство юстиции и руководство Сенатом — Державину. Так он стал первым министром юстиции Российской империи. Себя он называл «юстиц-министром». На правах министра и генерал-прокурора Сената он также вошёл в Государственный совет (тот самый, из которого его исключили в начале царствования молодого монарха) и Комитет министров.

Ф. Ф. Вигель писал о том, что Державин с «благодарностию принял звание министра юстиции и то, что уцелело от генерал-прокурорской должности». «Он — гений и дитя, поэт и пророк, как Давид, видя на троне воспетого им при рождении порфирородного отрока, увлекался сладчайшими мечтами»,— заключал публицист[2].

Главными задачами созданного Министерства юстиции являлись управление судебной системой в целом и осуществление общего надзора за деятельностью судебных учреждений. В непосредственную компетенцию ведомства входила также охрана земельных прав дворянства, реализуемая через надзор за судебно-межевыми делами. В первой половине XIX в. основной задачей министерства был надзор за судебными органами, который осуществлялся путём просмотра определений Сената, донесений обер-прокуроров, протестов губернских прокуроров на решения губернских судов, рас-

---

[1] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 799.

[2] Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. / ред. С. Я. Штрайх. М., 1928. Т. 1. С. 159.

смотрения отчётов о движении дел в судах, жалоб, производства ревизий.

Министерство юстиции принимало участие в разработке и обсуждении законопроектов, составляло отзывы на проекты законов, подготовленные в других ведомствах, издавало частные и циркулярные предписания о порядке применения законов подведомственными органами и по другим вопросам, инициировало мероприятия по улучшению делопроизводства в Сенате и местных судебных органах. В сфере управления личным составом судебных органов оно имело право назначать чиновников на некоторые должности и утверждать в должности по выборам.

В структурном отношении Министерство юстиции состояло из трёх экспедиций (департаментов): первая рассматривала дела, поступавшие из Сената (мемории, рапорты, доклады, адресованные императору, рапорты обер-прокуроров, судебную статистику местных судебных учреждений, различные прошения), вторая контролировала деятельность губернских судов и прокуроров, третья курировала дела Герольдии (дела по личному составу). Для ведения секретных дел (жалоб крестьян на помещиков, фактов фальшивомонетничества, неблаговидных высказываний о власти и пр.) учреждалась должность особого столоначальника[1].

До создания отдельной канцелярии Министерства юстиции в начале января 1803 г. текущие дела по объединённому ведомству велись и хранились в канцелярии генерал-прокурора Сената. Именно в её фондах сосредоточены материалы, отражающие первые шаги Державина-министра по организации и централизации деятельности Министерства юстиции и Сената. Уже на третий день после издания манифеста о создании министерств, 11 сентября 1802 г., министр внутренних дел Кочубей и министр юстиции Державин подписали своеобразный меморандум о разграничении сфер деятельности своих ведомств. Документ выглядит как совместный приказ о делении между министерствами нерешённых дел, скопившихся в бывшей канцелярии генерал-прокурора Сената. Было решено, что дела о пожаловании имений, аренд, об освобождении от разных денежных взысканий, ведомости о казённых землях, передаваемых в частные руки, отсылались в Министерство финансов. Дела же о казённых строениях, чрезвычайных происшествиях в губерниях и в целом по стране передавались в ведение министра внутренних дел. Министру юстиции оставались все дела, касавшиеся Сената, жалобы на его решения, дела

[1] Ефремова Н. Н. Развитие органов юстиции в период административных реформ первой четверти XIX в. // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 129–130.

по Герольдии, юнкерской школе[1], Экспедиции безгласных дел (о взятках и казнокрадстве), донесения прокуроров и жалобы на губернские суды. Помимо этого, были поделены между ведомствами и чиновники канцелярии генерал-прокурора Сената: девять служащих переводились в Министерство внутренних дел, тридцать пять оставались в Министерстве юстиции. Неоконченные дела министр юстиции должен был поручить своим подчинённым, чтобы те разобрали их по категориям и выслали в профильные ведомства. Решённые дела подлежало по составленной описи, копии которой направлялись в оба министерства, сдать в сенатский архив *(см. приложение 1, документ № 5)*[2].

Державин старался устроить служащих упразднённой канцелярии генерал-прокурора Сената в канцелярии иных министерств. Так, в письме к нему военный министр С. К. Вязмитинов сообщал, что, не зная чинов и способностей рекомендованных Гавриилом Романовичем в его ведомство чиновников, не мог их у себя принять[3]. Вообще, делопроизводственная «утряска» длилась долго: судя по документам, распределение бывших сенатских дел шло как минимум до августа 1804 г.

В обзоре деятельность Державина в должности министра юстиции охарактеризована Я. К. Гротом, который подробнее остановился на наиболее ярких делах периода 1802–1803 гг.: обсуждение вопроса о сроках военной службы, закона «о вольных хлебопашцах», столкновения с министром внутренних дел В. П. Кочубеем на общем и неразграниченном профессиональном поле деятельности и пр. Существующие пробелы, как было указано ранее, мы восполнили, изучив его деятельность с опорой на архивные материалы и изданные в конце XIX — начале XX в. сборники документов — «Журналы Комитета министров» и «Архив Государственного совета».

Организационное заседание первого в истории страны кабинета министров состоялось 10 сентября 1802 г. в доме государственного канцлера, министра иностранных дел графа А. Р. Воронцова. На нём министры договорились собираться в Комитете по вторникам и пятницам с шести часов вечера, а присутствовать в Государственном совете по понедельникам. С позволения императора решено было созывать

---

[1] Юнкерская школа — это учебное заведение, созданное Петром I при Сенате для обучения детей дворян и подготовки кадров государственных служащих. При Павле I учащихся обучали основам гражданской и судейской службы. При Александре I в декабре 1801 г. школа была преобразована в Юнкерский институт, а позже — в Высшее училище правоведения, которое должно было готовить кадры для Сената, Министерства юстиции, юристов-практиков.

[2] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 196. Л. 5–6.

[3] Там же. Л. 42–42 об.

Комитет министров в Зимнем дворце на половине его величества. В 1803 г. заседания проходили также в Каменноостровском и Таврическом дворцах. Император присутствовал практически на всех его заседаниях. В 1802 г. их состоялось 23, в 1803 г.— 42 заседания. Доклады министров были единоличными, представляемыми монарху каждым министром в отведённое для них время, и общими, которые обсуждались на собрании всех министров под председательством императора. Для доклада генерал-прокурора и министра юстиции отводились четверг и суббота с 8 до 12 часов.

Формально правила работы Комитета министров были впервые законодательно закреплены лишь 4 сентября 1805 г., когда Александр покинул столицу. Первые три года журналы велись Н. Н. Новосильцевым, а в его отсутствие — П. А. Строгановым. Чёткого порядка обсуждения и перечня вопросов, которые должны были выноситься на общее собрание министров до 1811 г., когда завершился второй этап министерской реформы, не было установлено, поэтому в Комитете министров разбирались все вопросы вперемежку: и законодательные, и административные, и финансовые, и внешнеполитические, и разного рода мелкие дела[1].

На первых порах деятельность как Комитета министров, так и отдельных министерств велась без определённой системы. Неудивительно то, что, встав во главе принципиально нового для страны административного учреждения, Державин начал его деятельность «с нуля». Ведь на тот период не были созданы и тем более отработаны механизмы межведомственного взаимодействия. К тому же обещанные в манифесте «О создании министерств» должностные инструкции так и не были разработаны. Первым делом Державин озаботился созданием инструкций и штатного расписания, о чём он сообщил коллегам на первом заседании. Между тем его стремление разграничить сферы влияния отдельных министерств, определить компетенцию министерских служащих всех уровней, правила межведомственного документооборота, ввести трудовую дисциплину не встретило понимания и поддержки среди коллег-министров. Например, в 1802 г. Д. П. Трощинский в одном из писем к канцлеру А. Р. Воронцову с издёвкой писал о том, что Державин успел «схватить указ», по которому сенаторы для слушания именных указов должны были собираться в общем собрании в девять часов утра. Подобным стимулированием любопытства министр хотел побудить подчинённых пораньше приезжать на работу в Сенат[2].

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 1. С. 13–15, 19. Отд. 2. С. 9.

[2] Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12. С. 408.

Делопроизводство в Комитете министров на первых порах велось кратко, поэтому это выступление Державина даже не было занесено в протокол. Однако о нём мы знаем из содержания его воспоминаний и ряда присутствовавших на том историческом собрании министров. Усилиями Державина 21 октября император подписал указ «О правилах судопроизводства в Правительствующем Сенате и о порядке дачи сенаторам голосов и о согласии их». Этим законом вводилась практика так называемых обер-прокурорских совещаний. Механизм их работы был таков: в случае несогласия сенаторов между собой или с общей резолюцией сенаторов они должны были в восьмидневный срок подавать письменное объяснение обер-прокурорам. Если после этого сенаторы оставались при своём мнении или мнения опять разнились, то дело докладывалось генерал-прокурору, который выносил его на общее собрание обер-прокуроров для совместной разработки общего решения. В случае недостижения консенсуса дело передавалось на решение императору. При несогласии между обер-прокурорами дело передавалось для решения генерал-прокурору или министру юстиции[1]. Являясь, по сути, советом министра юстиции для рассмотрения наиболее сложных вопросов права и процесса, консультация при Министерстве юстиции просуществовала до 1917 г.[2]

В тот же день Александр утвердил ещё и правила «О порядке слушания дел в Сенате; о составлении записок из дел, и о сокращении канцелярского обряда», согласно которым секретари Сената должны были составлять краткие и ёмкие справки по судебным делам и знакомить с их содержанием заявителей. Те должны были засвидетельствовать подписью их верность, что освобождало их от длительного и дорогостоящего проживания в столице на время рассмотрения дела. Далее краткие справки по делам необходимо было раздавать сенаторам заблаговременно, недели за две до слушания, чтобы сенаторы могли вникнуть в суть дел и заранее подготовить краткие резолюции по делам в соответствии с законами. На слушании не надо было тратить время на чтение длинных экстрактов по делам — разбирались краткие справки и мнения сенаторов. В случае несогласия сенаторов, обер-прокуроров, генерал-прокурора надо было собирать консультацию обер-прокуроров. На составление приговора Сената отводилась неделя, так как справки и резолюции уже были подготовлены, а мнения сенаторов были зафиксированы в протоколе. Для того чтобы записки по судебным делам составлялись грамотно, назначались специальные

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 477.

[2] Корнева Н. М., Перегудова З. И. Министерство юстиции // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 83.

обер-секретари и секретари. Для пересмотра решений Сената по поступавшим жалобам создавались два комитета, включавшие по три сенатора: один рассматривал жалобы на решения постоянных департаментов, два других — временных и московских[1].

На втором заседании Комитета министров, 16 сентября 1802 г., Державин поднял вопрос о том, где следовало рассматривать дела, подведомственные министрам и поступавшие после министерской реформы вначале в Сенат: в Сенате или в министерствах? Комитет министров решил, что противоречий и неудобств не будет, если все дела, поступавшие в Сенат, там же будут рассмотрены до издания соответствующего монаршего распоряжения по ним, тем более что все министры были его членами. При этом министры и император сочли целесообразным предложение министра юстиции о том, чтобы ежегодные отчёты министров рассматривались не в первом департаменте Сената, состоявшем из министров, а на общем собрании Сената. На том же заседании Комитета министров были решены мелкие делопроизводственные и межведомственные вопросы о разграничении предмета ведения Сената и Министерства юстиции[2].

Представление о том, как обсуждался вопрос о полномочиях Сената при рассмотрении им министерских дел, можно сделать, опираясь на сохранившиеся в канцелярии генерал-прокурора Сената «Примечания для соображения в Комитете», составленные Державиным по принципу его замечаний на дискутируемые пункты обсуждаемого вопроса *(см. приложение 1, документ № 6)*[3]. В документе видно, насколько Гавриил Романович серьёзно относился к этому вопросу. В записке Державин высказался за то, чтобы все министерские решения предварительно рассматривались в Сенате, точнее, были бы определены взаимные полномочия министров и президентов коллегий, новые полномочия министра коммерции, взаимоотношения министров и Сената. Державин возражал против введения практики еженедельных докладов министрам от подотчётных им ведомств, так как это затрудняло бы работу Министерства юстиции: в работе министра и подчинённых ему учреждений отсутствовала бы необходимая оперативность и слаженность. Помимо этого, он выявил ряд противоречий в предложениях о взаимодействии министерств и присутственных мест, министерств и Сената, министерств и Комитета министров, министров и государя.

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 478.

[2] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 10–11.

[3] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 201. Л. 3–6.

В частности, он поднимал вопрос об определении принципа, по которому предлагалось ряд вопросов рассматривать на общем собрании всех министров, а также в Государственном совете.

На заседании 19 сентября 1802 г. разработанные Державиным для прокуроров коллегий и губерний новые циркулярные ордеры (т. е. должностные полномочия) были утверждены собранием министров и закреплены в указе от 15 декабря 1802 г.[1] Согласно им все учреждения на местах должны были отправлять по утверждённой форме сведения о делах и колодниках губернским прокурорам, которые, в свою очередь, направляли их министру юстиции[2]. 3 октября Державин представил записку об исследовании особым комитетом важных государственных дел, но по причине объёмности и сложности вопроса дело было отложено на следующее заседание. 10 октября Державин обратил внимание собравшихся на скорейшее окончание ряда скопившихся нерешённых дел. Однако их обсуждение вновь отложили до «будущего собрания». При этом вторую записку о консультации обер-прокуроров рассмотрели и предложение утвердили[3].

На заседании 17 октября Державин опять привлёк внимание императора и министров к необходимости решить отложенные дела. Обсуждались постатейно его записки по другим вопросам. Сами записки к протоколу не приложены. В связи с прошением барона Огера о разрешении крестить своего ребёнка по протестантскому обычаю, 6 ноября Державину было дано поручение привести в соответствие гражданские законы и распоряжения Синода в случаях крещения новорождённых в иную, не православную веру[4]. На собрании 21 ноября Державин предлагал передавать жалобы, поступавшие на имя императора, на изучение в особые сенатские комитеты. Однако министры решили оставить существовавший порядок, при котором жалобы рассматривались генерал-прокурором. 2 декабря было утверждено предложение министра юстиции о рассмотрении спорных дел, возникавших на общем собрании московских департаментов Сената, по месту их обсуждения, т. е. в г. Москве, и не переносить их в петербургское общее собрание[5]. К очередному заседанию 5 декабря Державин уже

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 11.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 553.

[3] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 14–15.

[4] Там же. С. 16, 18.

[5] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 546.

разработал инструкции и штатное расписание для своей канцелярии. Эти бумаги государь оставил у себя для подробного ознакомления[1].

Известно, что эти предложения о сокращении канцелярского делопроизводства вскоре стали законами. В указе от 13 декабря 1802 г. закреплялось, что краткие записки по рассматриваемым судебным делам необходимо было готовить на наличное число сенаторов, раздавать их за две недели до начала слушаний по делу. Сами судебные дела оставлять на столах в открытом доступе для дополнительного ознакомления. Для сенаторов, не согласных с общей резолюцией сенаторов, отводился восьмидневный срок для подачи письменного объяснения обер-прокурору или генерал-прокурору о причинах несогласия. В московских департаментах на это отводилось три недели[2]. А 24 декабря того же года император подписал указ о том, чтобы отсутствовавшие на заседаниях сенаторы и заранее ознакомившиеся с материалами дел в обязательном порядке письменно подавали свои мнения по ним, а также чтобы стороны по следственным и уголовным делам могли беспрепятственно знакомиться с материалами по делу, записками и прочими бумагами, составленными в Сенате[3]. Копии записок с этими державинскими предложениями сохранились в архивном фонде Воронцовых в РГАДА[4].

16 декабря 1802 г. по рапорту тульского губернского прокурора Державин предлагал дополнительно уточнить сведения, присылаемые в министерство с мест, мемориями. На что Комитет дал согласие, указав на необходимость чиновникам на местах следовать основным положениям манифеста 8 сентября 1802 г. и инструкциям, разработанным для них министрами. Потом собравшиеся выслушали доклад «об успешнейшем течении дел» в четвёртом департаменте Сената и одобрили проектируемый указ о том, чтобы лица, недовольные решениями уголовных палат суда, подавали в двухнедельный срок не апелляционные прошения, а жалобы. Согласно указу от 23 декабря 1802 г. приговоры подсудимым должны были объявляться при открытых дверях; на них они могли подавать апелляции. Это право не распространялось на лиц, осуждённых к лишению жизни и чести, торговой казни[5]. На заключительном в 1802 г. собрании Комитета

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 22–23.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 21 077.

[3] Там же. № 20 566.

[4] РГАДА. Ф. 1261. Д. 1431. Л. 32–32 об.

[5] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 561.

министров 23 декабря Александр дал поручение всем министрам разработать подробные должностные инструкции по своим ведомствам[1].

Таким образом, Державин выступил на 11 из 23, т. е. на половине состоявшихся в 1802 г. заседаний Комитета министров. Причём 9 из приблизительно 13 предложений были одобрены императором и министрами, 7 — стали законами. Дополнительно Державиным было получено 2 специальных поручения.

В 1803 г. Державин посетил 28 заседаний из 42. Напомним, 7 октября он ушёл в отставку. Последняя его подпись стоит в журнале заседаний Комитета министров за 25 августа 1803 г. На заседании 20 января при обсуждении следственного дела о доставке вятского леса в Саратовскую губернию Державин предложил рассматривать в Министерстве внутренних дел поступавшие на тайного советника Габлица, ведшего это дело, жалобы[2]. Через месяц, 20 февраля, Державин вновь предложил рассматривать сенатские решения до их исполнения в общем собрании Сената. Комитет предложение отверг. Вопрос о сроке подачи жалоб на Сенат был перенесён на следующие заседания с тем, чтобы у министров было время обдумать свои мнения. Производство в чины Коллегии юнкеров было оставлено без изменений. На том же заседании был утверждён рескрипт министра внутренних дел на имя министра юстиции об отпуске генералу Львову 2 тыс. фур соли из крымских соляных озёр. Министру юстиции был одобрен государственный кредит в 200 тыс. руб. на развитие соляного промысла в Крыму.

27 февраля Державин докладывал по делу купцов Девятова и Очкина, просивших приостановить исполнение сенатского решения до его обсуждения на общем собрании Сената. Министры вновь настояли на соблюдении старого порядка исполнения сенатских решений[3].

На заседании 8 мая Державин поднял вопрос о польских метриках — метрических книгах с польскими и литовскими дворянскими родословными и правами на недвижимое имущество, перевезённых из г. Варшавы в г. Петербург. Однако Комитет заявил, что вначале этот вопрос в соответствии с позицией министра юстиции следовало бы обсудить в Сенате, а потом выносить на общее собрание министров проблему их места и способа хранения[4]. Как следует из приложения к журналу Комитета министров за 1803 г., Державин предлагал вместо

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 24–25.

[2] Там же. С. 35.

[3] Там же. С. 37–38.

[4] Там же. С. 41.

метрик коронной и литовской создать в Сенате специальную экспедицию (отдел) «Метрика присоединённых провинций», которая выдавала бы просителям справки и дубликаты. Для содержания штата метриканта, его помощника, канцелярских служащих он предлагал ввести гербовые сборы, которые, во-первых, шли бы им на жалование, во-вторых, пополняли бы казну[1]. Данное предложение было одобрено и нашло отражение в указе от 9 июня 1803 г. «О учреждении при Сенате экспедиции под названием “Метрики присоединённых провинций”»[2].

7 июля Державин докладывал о вовремя не разосланном указе Синоду Павла I о способах исправления тех, кто уклонялся от исповеди и причастия, предлагая разработать обновлённые правила Синода. Император решил дать специальное поручение новгородскому митрополиту Амвросию решить этот вопрос. Далее министры утвердили предложения о незамедлительном подписании сенаторами протоколов и приговоров Сената и поручили Державину представить мнение о максимальном сроке подачи мнения министра юстиции в случае возникших разногласий с общим собранием Сената[3].

На заседании 17 июля Комитет по предложению министра юстиции утвердил в Грузии должность только прокурора без уездных стряпчих. 28 июля Державин представил коллегам записку об отводимом сроке для составления мнения министра юстиции в случае несогласия его с общим собранием Сената[4]. 11 августа Державин представил доклад о делах, поступивших в общее собрание временных департаментов Сената от генерал-рекетмейстера[5]. Всего поступило 559 жалоб. По многим срок первой подачи обращения исчислялся двадцатью годами, в течение которых от заявителей более не поступало обращений по их делам. Вследствие чего Державин предлагал для оптимизации работы Сената публиковать списки дел, назначенных к рассмотрению на общем собрании, и отводить год для проживавших в империи и два — для находившихся за границей лиц, наследников, поверенных по тем делам, чтобы они могли подтвердить свою заинтересованность

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 88–89.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 790.

[3] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 44.

[4] Там же. С. 45.

[5] Генерал-рекетмейстер — должностное лицо, существовавшее в Российской империи с 1722 г. по 1816 г., в обязанности которого входило принимать прошения и жалобы на имя монарха. Его функции были сходны с компетенцией кабинет-секретаря. В подчинении у него находилась рекетмейстерская контора.

в дальнейшем рассмотрении их дел в Сенате. Данное предложение было приято[1]. Император подписал соответствующий указ 18 ноября[2].

18 августа Гавриил Романович докладывал по делу вдовы Лутовиновой. Комитет постановил вынести законное решение. 25 августа на доклад Державина о продлении срока апелляции малороссийским казакам, их пропустившим, Комитет решил, что им как государственным крестьянам сроков на подачу жалоб продлевать нельзя и на них распространялось только общее правило. Предложение литовского военного губернатора Бенигсена о предоставлении ему права смягчать слишком суровые наказания, выносимые местными уголовными палатами суда, Комитет считал необходимым рассмотреть подробнее. Для этого они запрашивали у генерала описание конкретных судебных дел, которые вынудили его просить об облегчении участи преступников[3].

Таким образом, Державин выступил на 9 заседаниях; 5 из его предложений получили поддержку, 7 — были отклонены. По его предложению были приняты 2 закона. Он получил только 1 поручение. Его активность в 1803 г. заметно снизилась, а противоречия с министром внутренних дел возросли. Главную скрипку практически на всех заседаниях Комитета, как это явствует из опубликованных журналов, играли министры внутренних дел, военных ведомств, финансов и коммерции. Судя по содержанию тома № 27 «Полного собрания законов Российской империи», по инициативе Державина монархом было подписано как минимум 18 указов (№ 20580, 20608, 20612, 20618, 20634, 20659, 20713, 20745, 20799, 20800, 20828, 20847, 20866, 20867, 20874, 20884, 20888, 20907). В общей сложности за период с 1 января по 6 октября 1803 г. было принято 388 законов, из них как минимум 20, или 5%, были разработаны министром юстиции. Выявленные указы касались межевых споров, состояния содержания колодников, избрания на государственные должности, правил прохождения государственной службы амнистированных дворян, порядка производства в чины по выслуге лет, представления на ревизию губернаторам приговоров местных уголовных судебных палат и пр.

Примечательно, что в указе от 4 февраля 1803 г. «О правилах для единообразнаго и успешнейшаго течения дел по Герольдии» Державин добился закрепления выборности чиновников, которую он предлагал ранее в проекте сенатской реформы. Правда, в несколько видоизме-

---

[1] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 90.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 21048.

[3] Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. Отд. 2. С. 46–47.

нённой форме: Герольдия должна была создавать и обновлять каждые три года общий список дворян (по современной терминологии — государственный кадровый резерв), рекомендованных к государственной гражданской службе губернскими правлениями. Сенат и министры отбирали из него кандидатов на вакантные места государственной службы. Списки таких кандидатов готовились на местах по результатам проведённых выборов из числа не служивших, но наиболее «достойных и способных» дворян, желавших поступить на статскую службу. Ограничений по чинам для участия в выборах не вводилось. Чины, опыт и положительные отзывы имели значение в последующем — при назначении на вакантные места. Из сформированного списка кандидатов губернаторы могли отбирать на должности местных дворян в губернское правление, уведомляя о том Герольдию[1].

В протоколах собраний Государственного совета сохранились записи об участии в них Державина и его высказываниях по поводу рассматриваемых дел. Так, в конце июля 1801 г. в Совете рассматривали прошение опального французского короля Людовика XVIII о продлении выплаты ему пенсиона, прекращённого к выдаче Павлом I в 1801 г.[2], и о ходатайстве перед английским королём об участии в его содержании на территории Российской империи[3]. Министры с помощью докладов Державина и Васильева установили, что годовой пенсион в 200 тыс. руб. был назначен Павлом указом от 6 июля 1798 г., отменён 21 января 1801 г., возобновлён Александром 22 марта 1801 г. Однако эта сумма полагалась к выплате на его содержание только на 1801 г., никаких уверений о постоянном характере пенсиона в указе Александра не содержалось. В связи с отягощением для казны подобных крупных выплат в начале августа 1801 г. решено было больше их не возобновлять. Что же касалось выплат со стороны английского двора, то он к тому времени уже передумал. Совет считал возможным, что в случае согласия участия Англии и Австрии в содержании Людовика и Российская империя внесла бы свою часть. В середине декабря того же года министры вновь рассматривали повторную просьбу Людовика о выплате ему денежного содержания, «без которого он существовать не мог». Государственные мужи вновь сошлись на обременительности для страны выплат опальному королю Франции, однако заверили его

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 608.

[2] Подробнее об этом см.: Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. II. Государственная деятельность в царствование Павла I / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. Тамбов, 2018. С. 101–102.

[3] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 1271–1272.

в посредничестве России в деле привлечения монарших домов Европы к финансовой проблеме Людовика. На время, пока ожидались ответы от сочувствовавших монархов, ему всё же выделили 100 тыс. руб.[1] В мае 1802 г., получив утвердительные ответы от ряда государств, согласных участвовать в содержании Людовика на территории России, Совет утвердил годовой пенсион Людовика в 75 тыс. фунтов стерлингов и пообещал выделить ещё имение с годовым доходом в 25 тыс. руб. Помимо этого, сановники пообещали по-прежнему предоставлять убежище на территории Российской империи, так как Сардинское королевство ему в том отказало[2].

В феврале 1803 г. Державин подал на рассмотрение коллег две записки: об уплате долгов, имевшихся у генерал-лейтенанта С. Г. Зорича, и устройстве его побочных детей. Совет признал целесообразным план продажи с публичных торгов имений должника и оплаты из полученной от продажи суммы денег всех требований кредиторов. Оставшиеся от реализации имущества средства предлагалось разместить в банке под проценты с последующим погашением конкурсных долгов. Наделение его побочных детей дворянским достоинством Совет оставлял за монархом. Однако в заслугу Зоричу ставили хорошую организацию кадетского корпуса в г. Шклове, выпустившего более 300 офицеров[3].

1 мая 1803 г. Державин подал записку о попечительстве над имением шталмейстера князя Гагарина. В ней он испрашивал мнение членов Совета о возможности возобновить продажу части имений Гагарина для покрытия его долгов. Однако министры напомнили о том, что по указу от 21 мая 1803 г. подобные операции запрещались, поэтому в том ему отказали[4]. А 13 июля того же года вынесли другое решение: разрешить продажу имений самому Гагарину с предварительного согласия кредиторов[5].

6 июля 1803 г. Совет рассматривал поданную генерал-майором Д. Г. Зоричем-Неранчичем, братом и наследником умершего С. Г. Зорича, жалобу на Державина о бесхозяйственном управлении им шкловским имением Зорича. По мнению Неранчича, Державин заключал невыгодные контракты, отчего нанёс убыток в 400 тыс. руб. Он просил снять опеку с имения в виде кураторства и удалить с должности опекуна Державина, который намеревался продать имение, а также взыскать с него убытки. Совет, приняв во внимание нежелание наследника

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 1273–1274.

[2] Там же. С. 1275–1276.

[3] Там же. С. 77–78.

[4] Там же. С. 78–80.

[5] Там же. С. 82.

состоять под опекой именно Державина, опираясь на указ от 21 мая 1803 г., уничтожавший все государственные опеки и попечительства, сохранив их только над малолетними и душевнобольными, удовлетворил просьбу Неранчича. Претензии об управлении Совет решил передать в г. Шклов по месту нахождения имения, но Державин настаивал на рассмотрении всего дела в Совете[1]. 27 июля министры Завадовский, Трощинский, Кочубей и Васильев вынесли решение о передаче спора между помещиком и опекуном в суд, так как спор носил судебный характер, а Совет не являлся судебной инстанцией[2].

В. А. Зубов подал своё мнение по этому вопросу. Он встал на защиту Державина, указав на его порядочность и ответственность как опекуна. Зубов добавил, что многие кредиторы согласились на рассрочки только потому, что куратором был Державин, не желая иметь дело с нерадивым Неранчичем, который, получив самостоятельность в распоряжении имением, мог сделать ещё больше долгов. Хотя сам Державин был готов отказаться от опекунства. К тому же, сняв с имения кураторство, установленное над ним решением Совета 18 мая 1803 г., Совет тем самым, как считал Зубов, признал жалобу Неранчича и бросил тень на репутацию и Совета, и министра юстиции, в связи с чем Зубов предлагал рассмотреть это дело в Совете и защитить Державина от явной клеветы[3].

Зубова поддержал Н. П. Румянцев, указав на необоснованность увольнения Державина от кураторства над имением, что означало одностороннее признание претензий Неранчича без рассмотрения позиции его опекуна. Он так же, как и Зубов, считал делом чести для Совета рассмотреть дело всесторонне и уличить Неранчича во лжи, так как «министр юстиции тогда только полезен государству быть может, когда убедятся, что он ведает законы и более инаго радеет о правде». Освобождение Державина от опеки было бы «полуоправданием» министра, что вредило бы «государственному благоустройству» и снижало бы общественные доверенность и уважение к Министерству юстиции вообще, заключал Н. П. Румянцев[4].

В августе 1803 г. Державин составил объяснение по делу Зорича. Во-первых, Державин напомнил, что опека над имением умершего С. Г. Зорича, имевшего казённые долги, не являлась частной, а была назначена императрицей Марией Фёдоровной указом от 17 августа 1800 г. Несмотря

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 80–82.

[2] Там же. С. 83–84.

[3] Там же. С. 85–87.

[4] Там же. С. 87–89.

на последовавший указ от 14 мая 1801 г. об упразднении опек и попечительств, установленных государством, эта опека была установлена особым монаршим распоряжением, поэтому оставалась в силе, о чём имелось соответствующее подтверждение. 14 октября 1802 г. Гавриил Романович докладывал Александру I о чинимых Неранчичем препятствиях в управлении его имением и о необходимости его продать для скорейшего погашения казённых и частных долгов. Это предложение император поддержал, назначив его куратором. Во-вторых, Державин напоминал, что большинство кредиторов желали иметь дело именно с ним, а не с Неранчичем. Державин был очень оскорблён невниманием министров к деталям спора, отсылкой его в нижестоящие присутственные места. Он указывал на то, что в случае такого решения Совета интерес казны и частных кредиторов ущемлялся и вызвал бы дополнительные жалобы императору от кредиторов. В итоге Державин завершал своё объяснение выражением надежды на «должное уважение» к нему Совета как своему коллеге[1].

19 октября 1803 г. было вынесено решение по этой жалобе: министры по распоряжению государя должны были уважить Державина рассмотрением данного дела в Совете, однако после отстранения Державина от должности министра юстиции «обстоятельства дела сего приняли другой вид», при котором оно передавалось на рассмотрение губернского суда в г. Шклов, так как он превратился в частный спор между опекуном и помещиком. Таким образом, ранее сделанное заключение по делу могло быть приведено в действие[2]. Противники Державина торжествовали. Однако при жизни Неранчича ему не удалось продать шкловское имение. После его смерти спор вокруг имения разгорелся с новой силой. Чем всё закончилось — нам неизвестно.

В июне 1805 г. в Совете по поручению императора рассматривалось дело обер-камергера князя А. М. Голицына, который просил произвести перепродажу его подмосковного имения в 400 душ, ранее проданного племянником и куратором-опекуном коллежскому асессору Ардалионову в пользу Голицынской больницы для бедных, открытой в 1802 г. в г. Москве[3]. Для решения этого дела министры рассмотрели законность продажи его куратором того имения. В 1803 г. это дело рассматривал Державин, который вследствие банкротства Голицына предложил назначить

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 89–92.

[2] Там же. С. 93–94.

[3] Голицынская больница — старейшее лечебное учреждение г. Москвы, открытое в 1802 г. по завещанию Д. М. Голицына на его деньги. Ныне это Голицынский корпус Первой городской клинической больницы им. Н. И. Пирогова.

попечителей над имением Голицына с тем, чтобы рассчитаться по его казённым долгам, принятым в качестве поручителя за купца Кнауфа. Однако Совет счёл это решение Державина незаконным, так как по уставу «О банкротах» должникам не назначались опекуны и исключительного решения о подобном назначении со стороны монарха тоже не последовало, поэтому продажа имения кураторами была неправомерной. При этом Ардалионов не был виноват в том, что его ввели в заблуждение, поэтому он должен был получить компенсацию. Совет в октябре 1805 г. вынес решение: признать установленную опеку недействительной, Голицыну уплатить Ардалионову полученные за имение деньги, не включая его в конкурс кредиторов[1]. С этим решением были согласны Кочубей, Румянцев и Лопухин. В очередной раз недруги Державина сделали ему щелчок, оспорив его решение в должности министра юстиции.

Из рассматриваемой Советом в апреле 1807 г. жалобы крестьян с. Борисоглебки и хутора Кононовки Черниговской губернии о несправедливой передаче их местному монастырю известно, что дело их разбирал ещё министр юстиции Державин. Суть была в том, что наследники умершего войскового товарища Ивана Молявки передали имение отца Черниговскому кафедральному монастырю. В последующем один из их малолетних братьев стал оспаривать это решение. После его смерти Сенат вынес решение вернуть причитавшуюся ему часть имения его детям. Однако вследствие того, что имение уже находилось в распоряжении казённого ведомства, Сенат не исполнил своего решения. Крестьяне наняли поверенного, который за часть имения довёл дело до Сената и министра юстиции. Державин установил, что в том деле были нарушения и просьба крестьян обоснована. После этого крестьяне просили приостановить решение Сената и назначить комиссарский суд. Совет их просьбу отклонил[2].

Из судебной тяжбы подполковницы Акулины Гончаровой и поручицы Александры Комиссаровой, рассмотренной Советом в ноябре 1823 г., следует, что по данному делу Державин в 1802 г. как министр юстиции вынес определение, согласно которому внучка Акулины Гончаровой Александра Комиссарова не имела прав на часть родового имения Гончаровых. Дело было в том, что подполковник И.А. Гончаров завещал своё калужское имение жене Акулине Павловне и её детям от первого брака. В браке же с ней у него появились ещё дети. Сын Акулины от первого брака Александр оставил после себя малолетнюю дочь Александру, с матерью которого Акулина заключила мировое соглашение, передав ей часть подаренного ей

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. Ч. 2. С. 611–617.

[2] Там же. С. 526–527.

имения. Однако, став взрослой, внучка претендовала на дополнительную часть от родового имения Гончаровых, оспаривая права на него своей тёти — Любови Голынской (урождённой Гончаровой), дочери бабушки от второго брака[1]. После долгого обсуждения в Совете в ноябре 1824 г. дело окончательно решилось в январе 1826 г.: претензии Александры Комиссаровой к родственникам были признаны незаконными[2].

Из приведённых описаний содержания деятельности Державина-министра юстиции, отражённой в делопроизводственной документации Комитета министров и Государственного совета, видно, что Державин активно включился в работу в новом ведомстве. Благодаря его энергичности и настойчивости был принят ряд указов, регламентировавших эффективное функционирование Министерства юстиции и Сената. Им много было высказано иных замечаний и предложений, не получивших поддержки монарха и коллег. Много времени Державин уделял судебной части в работе министерства и Сената, разбирая запутанные тяжбы.

Судя по архивным делам фонда канцелярии генерал-прокурора Сената, Державин строго следил за дисциплиной в канцелярии Сената. По его распоряжению были составлены специальные графики главного дежурства по Сенату и дежурств канцелярских служащих[3], был заведён порядок подачи обер-прокурорами каждые среду и пятницу кратких записок обо всех делах[4], в Сенате были восстановлены регистратуры[5].

Кроме того, на имя Державина в 1802 г. активно подавались прошения дворян об усыновлении и удочерении своих незаконнорождённых детей[6]. Видимо, положительный эффект произвело его «Рассуждение о браке», появившееся в результате рассмотрения дела девицы А. Т. Надоржинской летом 1802 г.[7] Так, благодаря Державину выигранный в Сенате спор с родственниками семьи отца, не признававшими девушку законнорождённой, стал прецедентом, позволившим внебрачным детям дворян получить дворянское достоинство и в последующем претендовать на долю наследства своих «благородных» родителей.

---

[1] Архив Государственного совета: в 5 т. Т. 4. Царствование императора Александра I (1810–19 ноября 1825 гг.). Журналы по делам Департамента гражданских и духовных дел. СПб., 1899. Ч. 4. С. 42–47.

[2] Там же. С. 48–60.

[3] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 122, 195.

[4] Там же. Д. 125.

[5] Там же. Д. 169.

[6] Там же. Д. 174, 181, 183, 185, 188, 189, 190, 191, 197, 198, 202, 206, 210.

[7] Подробнее см.: Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. II. Государственная деятельность в царствование Павла I / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. Тамбов, 2018. С. 117–118.

МИНИСТЕРСКИЕ БАТАЛИИ

Несмотря на объявленную 12 сентября 1802 г. протокольную благодарность императора Сенату за поднесённое «благодарение» в ответ на пожалованные права, Министерство юстиции и Сенат в бытность руководства ими Державиным буквально бурлили[1].

Державин с первых месяцев своей работы в министерстве стал подмечать, что «законы приходили в неуважение». Если ранее важные государственные должности или награждения чиновников осуществлялись по представлению Герольдии и докладу генерал-прокурора, то с появлением министерств эти функции исполняли лично министры. Они же, как свидетельствовал Державин, в нарушение установленных пределов в 10 тыс. руб. заключали миллионные контракты от имени министерств и ведомств, «растаскивая казну по своему желанию». Указывая на эти нарушения, Державин вынужден был «замолчать с неприятностью», так как «не следовало на то благоволения императора». Дела рассматривались в Комитете министров без заранее подготовленных и разосланных его членам справок и докладов, поэтому «в присутствии императора заводить споры без точнаго осведомления было не ловко, да и не пристойно говорить о том, о чём достоверно не знаешь»[2].

Однако Державин всё же не удерживался от замечаний, поэтому его деятельность в Министерстве юстиции и Сенате была сопряжена с многочисленными столкновениями с императором, коллегами и вельможами. Гавриил Романович, как и прежде, открыто высказывал свою позицию по острым проблемам государственного управления, не опасаясь того, что она зачастую шла вразрез с мнением большинства и — главное — монарха. За время его пребывания в должности министра и генерал-прокурора произошло немало таких стычек. По воспоминаниям самого Державина, самыми яркими и больно ударившими одновременно и по его авторитету, и по самолюбию оппонентов были вопросы о сроках воинской службы дворян, об утверждении закона о «вольных хлебопашцах», о заступничестве

---

[1] Благодарность императора, объявленная Сенату Державиным // Русская старина. 1900. № 6. С. 682.

[2] Записки Державина... М., 1860. С. 457–458.

перед В. П. Кочубеем за председателя нижегородской уголовной палаты суда, об обмере и выравнивании площади казённых лесов, дозволении иезуитам распространять на территории России католическую веру и др.

Например, Державин высказал замечания на предложение министра финансов о проведении обмера площади казённых лесов в империи, учёте количества леса, годного для кораблестроения, создании специальных просек, которые придали бы правильные геометрические формы казённым лесным массивам. Гавриил Романович указывал, во-первых, на огромную территорию страны, что затрудняло исполнение этого плана. В подтверждение верности своих выводов он сообщал в «Записках», что и спустя десять лет после внедрения этого плана работ в Новгородской губернии там ни в одном уезде не были завершены работы, так как оказалось, что местность болотистая и требовалось прежде осушить болота. Во-вторых, он предупреждал о возможных межевых спорах при проведении границ лесов, соприкасавшихся с прочими хозяйственными угодьями крестьян и помещиков. Он предвидел, что эти споры будут такими же коррумпированными, как и те, что происходили в период проведения Генерального межевания земель. Вместо этих мер Державин предложил следовать начатым в петровскую эпоху мероприятиям по созданию заповедных рощ близ судоходных рек, учредив специальные заповедные лесные полосы, обязав местных государственных крестьян под угрозой штрафов и сдачи в рекруты сажать лес и следить за его сохранностью[1].

Далее, как вспоминал министр, он сумел убедить коллег в неправильности и вредности для империи предложения В. П. Кочубея о разрешении проповедовать католическим миссионерам на окраинах страны, населённой инородцами. Вместо этого Державин советовал усилить проповедническую деятельность Русской православной церкви и обратить в христианство народы окраин Российской империи, приучив их к хлебопашеству и иным полезным для государства занятиям. Его сторону принял Н. П. Румянцев, и данная инициатива министра внутренних дел не была претворена в жизнь. Вместе с Румянцевым Державин удержал Воронцова от объявления войны Швеции за нелепый случай, когда пограничный мост через реку Тюмень был покрашен не по российскому образцу, а по шведскому[2].

Министр юстиции тщетно пытался внести ясность и порядок в ведение годовых финансовых отчётов по винокуренным откупам и иным прибыльным статьям бюджетного дохода. Дело было в том, что к концу окончания срока откупа, т. е. к исходу четвёртого года от его начала,

---

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 458–459.

[2] Там же. С. 459–460.

накапливались существенные недоимки. Чиновники казённых палат в губерниях, сенатские служащие и сами министры были связаны с откупщиками через подставных лиц, получая долю от утаённых денежных средств, поэтому не были заинтересованы в погашении казённых недоборов. В связи с этим настойчивые державинские предложения о взыскании ежегодно недополучаемых казной нескольких миллионов наталкивались на всеобщее неодобрение коллег и даже грубый протест ряда из них[1].

В ставшем широко известным для современников споре с сенатором графом С. О. Потоцким о сроке службы дворян Державин хоть и одержал победу, но настроил против себя «польский лагерь» у трона и многих представителей первейшего сословия. Разногласие началось в январе 1803 г. с обсуждения в общем собрании Сената указа Александра от 5 декабря 1802 г. о восстановлении общего правила военной службы для дворян, при котором дворянам запрещалось увольняться с военной службы, не имея двенадцати лет выслуги и офицерского чина. Данное требование было ранее закреплено в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., но в большинстве случаев не исполнялось. Потоцкий усмотрел в этом указе нарушение привилегий дворянства и заявил о своём несогласии с этим указом. Пользуясь предоставленным сенаторам правом подавать представления на указы императора, ущемлявшие права дворян, Потоцкий обратился к монарху с таким представлением, составив специальную записку. В ней он обратил внимание на временность введённого правила, которое спустя много десятилетий стало атавизмом. Он пожаловался также и на неудобства для дворян от длительной службы в армии, возникавшие в семейной и бытовой жизни, отвлекавшие от управления имений и пр.[2]

Державин посчитал это саботажем и стремлением ослабить военные силы страны, поэтому в ответ выступил с протестом. На общем собрании в Сенате он, как генерал-прокурор, остался в меньшинстве, в связи с чем, используя право на обращение к монарху в таких спорных случаях, он в феврале 1803 г. подал Александру записку, в которой подробно изложил причины, по которым следовало утвердить дискутируемый указ. Во-первых, он убедительно доказал то, что существовавшее правило за 40 лет не вызвало ропота нижних чинов, оно не ухудшало их положения и только усиливало военную мощь империи. Согласно манифесту «О вольности дворянской» 1762 г. и «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. от прохождения службы освобождались первые восемь классов, дворяне, получившие образование и занимавшиеся полезным для государства делом, а также солдатские чины по болезни. Он напоминал, что

---

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 460–461.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 397–400.

служение Отечеству являлось долгом дворянства, на котором основаны все его преимущества, а не его стеснением и обременением. Державин приводил в пример императора Петра Великого, который сам прошёл службу с нижних чинов до офицерских, терпеливо снося неудобства армейской жизни. Он полагал, что большая доля вольности и праздность вредны дворянству. Во-вторых, министр, руководствуясь правилами расширенного и грамматического толкования законов, пояснил, что Потоцкий неверно истолковал сформулированное правило как временное — оно носило бессрочный характер. В-третьих, Державин указал на то, что право сенаторов лично обращаться к монарху по утверждаемым им указам относится лишь к новым, но не к подтверждаемым ранее принятых. В-четвёртых, генерал-прокурор корил Потоцкого за излишнюю эмоциональность и невоспитанность, выразившуюся в колких замечаниях, относившихся не к предмету спора, а к личности оппонента[1].

Рассмотрев записку Потоцкого и доклад министра юстиции, государь 21 марта 1803 г. вынес окончательное решение: он поддержал позицию министра юстиции о том, что сенаторы не имели право обращаться к нему с протестом на подтверждаемые законы, поэтому указ о восстановлении правила об обязательном двенадцатилетнем сроке военной службы дворян вступал в законную силу[2].

Министр народного просвещения П. В. Завадовский 11 апреля 1803 г. в письме к графу С. Р. Воронцову, дипломату, брату канцлера А. Р. Воронцова, писал об этой нашумевшей истории, когда Державин, пытаясь успокоить взбудораженных сенаторов, при обсуждении указа в Сенате ударил настольным молотком, которым прежде пользовался только Пётр Великий. По мнению царедворца, Державин «по сумасбродству» выступил с «нелепым предложением», ругал и пугал сенаторов. «Вовсе голова министра не по месту: школа Аполлона требует воображения, весы Фемиды держутся здравым разсудком»,— ехидно заметил Завадовский[3].

Ещё Державин выступил против предложения Н. П. Румянцева о предоставлении помещикам права отпускать своих крестьян на волю поодиночке и семьями, предоставив им право выкупа их наделов, что вело к появлению в стране категории так называемых «вольных хлебопашцев». Он считал, что этот закон породил бы в среде крестьянства мечты об отмене крепостного права, а среди помещиков — волнение за свои привилегии. «Ещё не просвещённому народу», по убеждению

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 391–396.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 676.

[3] Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12. С. 271–272.

Державина, было опасно предоставлять свободу. К тому же государство потеряло бы часть податей и количество рекрутов, ведь крестьяне смогли бы разбредаться на окраины, где их трудно было потом найти. Державин считал, что и выкупная операция чревата была судебными тяжбами из-за возможных финансовых неурядиц. Дворянство, составляя абсолютное большинство в суде, не стало бы выносить приговоры против помещиков. Крестьяне из-за несвоевременных и неполных выкупных платежей вновь обратились бы в крепостное состояние.

Министр убеждал государя в опасности и несвоевременности такой смелой реформы. Вместо радикальной меры разрешения отпускать крестьян на волю за выкуп Державин предлагал ослабить крепостной гнёт, улучшить положение помещичьих крестьян. Для этого он советовал пригласить в Петербург поочерёдно губернских председателей дворянства, предъявить им крестьянские жалобы, поступившие в Сенат, и спросить их мнения об устранении помещичьих притеснений. В таком случае меры, предложенные к ослаблению крепостничества, будут исходить не только от правительства, но и опираться на мнение дворян. Так удалось бы избежать «ропота и неудовольствия» помещиков и крестьян. Однако Александр, в целом заинтересовавшийся его мыслями, не прислушался к его мнению и приказал направить указ от 20 февраля 1803 г. в департамент для немедленного исполнения без обсуждения на общем собрании Сената и контрассигнования министром юстиции.

Вообще, Державин довольно часто не скреплял своей подписью решения державного патрона. Он не утвердил его указа об установлении опеки над имением жены графа Сологуба, так как это противоречило изданным императором указам о передаче в опеку недвижимого имущества малолетних и душевнобольных, к которым жена Сологуба не относилась. Зато графу покровительствовала фаворитка Александра Нарышкина, которая упросила монарха поступить именно так[1].

Самые острые столкновения происходили между Державиным и министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Вероятно, их природа объяснялась не только близкими и соприкасавшимися предметами ведения их министерств, особенно на уровне губерний, но и характерами руководителей. Прямолинейный и принципиальный характер Державина нам уже известен. Кочубей тоже был не промах. По словам знаменитого мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, Кочубея отличали «надменная учтивость и испытующий взгляд». Он «как львёнок из басни И. А. Крылова собирался учить зверей вить гнёзда»[2].

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 483–486.

[2] Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т. / ред. С. Я. Штрайх. М., 1928. Т. 1. С. 151.

В любом случае столкновения были неизбежны. Одно из них возникло по делу об отрешении от должности председателя уголовной палаты суда Нижегородской губернии, который заступился перед губернатором за незаконно наказанного палками судебного асессора. Губернатор и министр внутренних дел сочли это должностным преступлением. Державин же, защищая невиновного, протестовал против того, что не было проведено никакого расследования и он как министр юстиции не был поставлен в известность об инциденте. Император поддержал Кочубея и передал Державину на контрассигнование подготовленный министром указ. Министр юстиции отказал в контрассигновке и переслал указ Кочубею, автору доклада. При подношении этого указа Кочубеем Александр в ярости порвал его, а спустя несколько дней устно объявил в Сенате повеление об отрешении от должности председателя нижегородской уголовной палаты. Свою невиновность потерпевший от беззакония смог доказать только через год, лично прибыв в Петербург и подав прошение на имя Александра[1].

Державин вспоминал о многих «каверзах», устраиваемых против него в министерстве. Так, после того как в его министерстве стали пропадать указы и иные важные государственные бумаги, он рассылал их по ведомствам лично, без помощи канцелярии. Пропажи и утечки информации случались потому, как заверял Державин, что канцеляристами работали семинаристы, которые охотно делились информацией с М. М. Сперанским. Он-то, располагая ею, заранее знал о готовившихся докладах и, упреждая докладчиков, внушал императору свои мысли и готовил его восприятие так, как ему это было выгодно. Таким образом, Сперанский тайно держал нити государственного управления, являясь скрытым кукловодом при дворе.

Вспоминал Державин и о намеренно утерянном директором канцелярии Министерства народного просвещения Колосовым указе императора о назначении одного чиновника по тому ведомству, который был лично передан Колосову Державиным. Как считал Гавриил Романович, этот инцидент произошёл не без влияния начальника Колосова Трощинского. Из этой же группы недоброжелателей был и чиновник Министерства юстиции Лавров, который выкрал в министерстве бумаги по делу Лазаревича, подозреваемого в краже бриллиантов из скипетра монарха. Позже все улики, указывавшие на его виновность, были уничтожены, и Лазаревич был оправдан[2].

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 484–490.

[2] Там же. С. 481–483.

В другом случае государственный казначей Голубцов, специально нажаловавшись Державину на своего дядю, министра финансов Васильева, выставил его перед императором в неприглядном виде. Он сообщил Державину о непорядках в казне, вине в том Васильева, убедив доложить о том Александру. Дополнительно он передал ему письмо, в котором просил его ходатайства при назначении одного казначея на должность, в чём ему якобы отказал министр финансов. Державин в присутствии его племянника открыто уведомил Васильева о сделанном докладе императору. Голубцов отказался от своих слов, обвинив Державина в склонении его оклеветать дядю по причине обиды за отобранную у него в начале царствования Александра должность государственного казначея. Как считал Гавриил Романович, эта история была срежиссирована Голубцовым для того, чтобы пошатнуть его позиции. Одновременно Голубцов стремился попасть в Комитет министров с тем, чтобы присутствовать там вместе со своим единомышленником Гурьевым, замминистра финансов, метившим на должность Васильева, и проводить совместные действия по «выдавливанию» из правительства своего же дяди[1].

Весь период своего министерства, начиная с 9 ноября 1802 г., Державин участвовал в работе специально учреждённого «Комитета для организации жизни евреев», или Еврейского комитета, в состав которого входили также А. А. Чарторыйский, С. О. Потоцкий и В. А. Зубов. Он был создан для обсуждения статуса евреев в Российской империи. Работа была построена на основе обсуждения подготовленного Державиным по заданию Павла I «Мнения об отвращении в Белоруссии голода и устройства быта евреев», проекта Натана Ноткина, известного шкловского, а позднее придворного еврея, и др.[2] Кстати, Ноту Ноткина Державин спустя месяц после учреждения Комитета, 9 декабря 1802 г., лично приглашал в состав Комитета в качестве «депутата», ведь согласно распоряжению императора члены Комитета были наделены правом избрать по своему усмотрению из числа «просвещённейших и известных в частности евреев» по одному представителю наряду с представителями от губерний. Свой выбор Державин объяснял тем, что хорошо знал «усердие к общему благу и полезных для еврейского народа предположений, которые удостоены высочайшего внимания и препровождены на рассмотрение сего комитета». В случае если Нота Хаймович уже был избран в качестве представителя кого-либо

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 490–493.

[2] См. подробнее об этом: Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. II. Государственная деятельность в царствование Павла I / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. Тамбов, 2018. С. 59–64.

из членов Комитета, Державин просил его порекомендовать кого-то взамен себя, ведь Гавриилe Романовичу был нужен такой человек, как Ноткин, «ревностно желавший добра своей нации, и уже не будучи ослеплённый предрассудками и закоренелым обычаем». Вообще, письмо министра к Ноткину было написано в подчёркнуто уважительном и почтительном тоне[1].

Вначале предполагалось созвать всех кагальных старшин и раввинов Западного края для выяснения их отношения к этому плану преобразования их жизни на территории страны. Первые их представители, в основном купцы первой гильдии, прибыли в Петербург уже летом 1803 г. Проект «Положения о евреях» был представлен еврейским депутатам на предмет дополнений и исправлений. Однако они просили выделить им полгода для обсуждения и совета со своими общинами. Главное же требование кагалов заключалось в отсрочке введения многих статей Положения сроком на 15–20 лет. Комитет отверг эти предложения и передал проект Положения на утверждение императору[2].

Интересный факт: белорусский помещик Гурко направил Державину перехваченное им письмо одного местного еврея к их поверенному в столице. В нём автор писал адресату о том, что на Державина как на гонителя кагалов местная община наложила проклятие (херем) и, убеждённая в том, что участь евреев при нём не будет решена в их пользу, выделила на взятку 1 млн руб., чтобы сместить Державина с должности генерал-прокурора, а если не получится, то «посягнуть» (!) на его жизнь. На осуществление этого плана ими отводилось три года.

Реалистичность такого подхода евреев к решению их «проблемы» подтверждается Я. Брафманом, издавшим в 1870 г. «Книгу кагала», т. е. документы общины, акты, письма и пр. Он указывал на то, что «раздача подарков и подкупа блюстителям порядка и законов в странах, посреди которых евреи находили для себя приют, давно сделалась у них общенародным обычаем». Неформальной защитой интересов евреев занимались специальные кагальные агенты, или факторы, делившиеся по специализации: фактор по торговле, по подрядам, по судебным, административным делам, по сводничеству и пр. В их задачу входило преодоление легальных запретов, существовавших против евреев в странах проживания[3]. Согласно приведённым публицистом докумен-

---

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 170. Л. 1–1 об.

[2] Клиер Дж. Россия собирает своих евреев (происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825). М.; Иерусалим, 2000. С. 290–291.

[3] Брафман Я.А. Книга кагала: материалы для изучения еврейского быта. Вильно, 1870. С. IX–X.

там из общинной книги записей минского кагала, еврейская община Минской губернии активно собирала деньги на противодействие Еврейскому комитету и, в особенности, на устранение из него Державина[1].

Нота Ноткин, консультант Комитета, тоже пытался подкупить Гавриила Романовича, предложив 200 тыс. руб. за то, чтобы тот поддержал мнение коллег по комитету о разрешении евреям Белоруссии осуществлять винокурение и содержать там корчмы. Однако Державин заявил о своём протесте и денег не взял. Более того, он рассказал об этом императору в надежде, что тот его поддержит. Но Александр принципиальность позиции министра не разделил. Однако евреи, по словам Державина, нашли покровителя в лице М. М. Сперанского, который был тесно связан с крупным откупщиком-евреем А. И. Перетцом, и сумели перетянуть на свою сторону иных государственных деятелей. В итоге уже после отставки Державина его предложение по расселению евреев по территории России не было реализовано — оно натолкнулось на активное сопротивление евреев и неуверенность правительства в его целесообразности. «Положение для евреев» было утверждено в декабре 1804 г.[2] Как указывал Державин, окончательная редакция Положения была подготовлена М. М. Сперанским. Хотя влияние державинского «Мнения» в нём явно присутствует: закреплялись деление евреев на четыре класса (земледельцы, фабриканты и ремесленники, купцы, мещане), право на получение образования, в том числе высшего, сохранялась «черта оседлости», устанавливался контроль над кагалами[3]. Кагалы же были ликвидированы в 1844 г.

Данный указ способствовал интеграции еврейского населения в российское общество. Он же впервые официально признал иудаизм как одну из религий Российской империи[4]. При этом одно из главных предложений Державина о запрете евреям на виноторговлю было реализовано в половинчатой форме: торговля спиртными напитками запрещалась только в долг. Скорее всего, это ограничение в полной мере не исполнялось, по этому пункту обширного державинского плана преобразований их жизни еврейские общины отстояли свои экономические интересы.

---

[1] Брафман Я. А. Книга кагала: материалы для изучения еврейского быта. Вильно, 1870. С. 152–156.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. № 21 547.

[3] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 474–476.

[4] Егоров В. В. «О устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. как источник законодательства, регулировавшего правовой статус еврейского населения Российской империи в начале XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 333.

С «еврейским вопросом» был тесно переплетён и польский — в Комитете также решалась участь так называемых панцирных бояр, чиншевой шляхты. В Великом княжестве Литовском, а позже в Речи Посполитой, они несли службу на границе с Московским государством (были экипированы в тяжёлые доспехи-панцири, отчего и получили своё название). К началу XIX в. это была категория служилых людей, промежуточная между тягловыми крестьянами и шляхтой. Эти служилые люди, лично свободные, нередко владели землёй с крестьянами, от иных повинностей были освобождены. Среди них было немало безземельных, живших на землях польской шляхты и плативших им оброк (чинш). Являясь политической опорой для магнатов, они при избрании чиновников и даже короля голосовали в сеймах так, как было угодно богатой шляхте. После того, как часть Речи Посполитой оказалась в составе Российской империи, земли, которые они арендовали, передавались российским дворянам, которые стали налагать на них тягловые повинности. Например, некий откупщик Яншин, перекупивший у А. П. Ермолова пожалованные ему в Могилёвской губернии земли, отказался от услуг чиншевиков-управляющих имений и взыскивал с них большие оброки, а несогласных ссылал в свои имения в Центре России. Жалобы панцирных бояр, адресованные Александру, инициировали по его поручению обсуждение их проблемы в Еврейском комитете[1].

Державин подготовил записку, в которой развивал некогда составленный план, предусматривавший расселение панцирных бояр Западного края по империи, преимущественно в Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую, Уфимскую и Симбирскую губернии. Этой мерой Державин собирался решить несколько проблем: споры чиншевых и иных помещиков; ослабить позиции крупной шляхты, способной к подготовке всяческих волнений; заселить южные и восточные окраины России и укрепить её границы, создав из них ландмилицейские полки. Это предложение было целесообразным, учитывая, что во время войны с Наполеоном из этой социальной категории магнаты-изменники пополняли ряды армии противника. Однако после его ухода из Еврейского комитета там осталась сильная «польская партия» в лице А. А. Чарторыйского и С. О. Потоцкого, а так же дворян В. А. Зубова и П. В. Лопухина, имевших поместья в Польше и не заинтересованных в имущественных потерях. Они забраковали этот проект и оставили всё, как было прежде[2]. Позже панцирные бояре вошли в состав таких социальных групп, как городовые казаки, однодворцы и государственные крестьяне.

---

[1] РГИА. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 5059.

[2] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 476–480.

РАБОТА С ПРОШЕНИЯМИ НА ИМЯ МОНАРХА И ПРОЧИЕ МИНИСТЕРСКИЕ ДЕЛА

Будучи министром юстиции и генерал-прокурором, Державин рассматривал дела по прошениям и жалобам, поступавшим на имя монарха через службу его статс-секретарей. В царствование бабушки Александра он и сам занимался приёмом таких прошений и оформлением по ним справок и докладов. По правилам статс-секретарь для решения поступивших обращений передавал их на рассмотрение профильным государственным чиновникам. Те, в свою очередь, или готовили отзывы по ним, или передавали для дальнейшего выяснения деталей нижестоявшим инстанциям и подчинённым.

В тот период статс-секретарём был М. Н. Муравьёв, позже ставший замминистра просвещения и попечителем Московского императорского университета. В бумагах канцелярии Муравьёва сохранились письма его как статс-секретаря и его адресатов относительно рассмотрения подаваемых прошений на имя монарха. Нами было обнаружено шесть писем и записок Державина, в которых обсуждались дела заявителей. Они, хоть и фрагментарно, но дают представление о характере и содержании каждодневной работы Державина в министерстве и Сенате.

Так, в середине июля 1803 г. Державин отвечал на просьбу Муравьёва о предоставлении справки о службе князя Волконского, который просил получаемый им пенсион после смерти выплачивать его дочерям. Державин сообщал, что, согласно присланным из тульского губернского правления данным, князю было 69 лет, он имел 148 душ крестьян, службу начал в 1738 г. в Воронежском драгунском полку, затем служил в Рязанском драгунском полку. После выхода на гражданскую службу последовательно занимал должности в московской губернской межевой канцелярии, Мануфактур-коллегии, Главной соляной конторе. На пенсию вышел с должности председателя уголовной палаты суда в Тульской губернии[1].

[1] РГИА. Ф. 1486. Оп. 5. Д. 114. Л. 1–2 об.

В июле того же года Державин по просьбе императора высказал своё мнение о давнем споре между Нарышкиными и надворным советником Ниловым. Последний в 1802 г. подал жалобу в Сенат на то, что его спор с Нарышкиными о землях в Тамбовской губернии длился уже 19 лет — с 1784 г. Дело было рассмотрено на общем собрании сенаторов. Державин заявил, что Нилов не пропустил срока для апелляции, так как всё это время ход судебному делу в Сенате не давали монархи[1].

Позже он сообщал в письме Муравьёву о подлинности перевода книги по гидравлике, осуществлённого статским советником Масленицким в 1799 г.[2] В августе Державин в ответ на присланную ему просьбу камер-юнкерши Слесницовой о пожаловании её отцу, отставному коллежскому секретарю, пенсии уведомлял запросить у неё послужной список отца, так как в Герольдии сведений о его службе не оказалось[3].

В конце августа 1803 г. он писал Муравьёву об адресованной ему А. И. Васильевым просьбе проинформировать о рассмотрении в Сенате заявления крестьян с. Пурдошек Пензенской губернии о сложении с них недоимок в связи с захватом их земель князьями Вышеславцевыми. Державин сообщал статс-секретарю о том, что это дело было выслушано во временном межевом департаменте, но так как между сенаторами возникли разногласия, то оно было передано в общее собрание временных департаментов Сената. Причём по высочайшему повелению оно должно было быть решено во внеочередном порядке[4]. В октябре 1803 г. Державин сообщал Муравьёву об итогах рассмотрения просьбы отставного ротмистра, виртенбергского барона Бранденбурга, поданной на имя супруги Александра императрицы Елизаветы Алексеевны, о пожаловании ему места государственного гражданского служащего. Державин из переписки с бароном выяснил, что тот желал получить место, не требовавшее знания русского языка. Державин обратился к эстляндскому губернатору[5], который в служебном месте Бранденбургу отказал, сославшись на отсутствие

---

[1] РГИА. Ф. 1486. Оп. 5. Д. 146. Л. 1–3 об.

[2] Там же. Д. 127. Л. 1–4 об.

[3] Там же. Д. 188. Л. 1.

[4] РГИА. Ф. 1486. Оп. 5. Д. 187. Л. 1.

[5] Эстляндская губерния — одна из трёх Остзейских (Прибалтийских) губерний Российской империи (наряду с Лифляндской и Курляндской), вошедших в состав России в 1721 г. после окончания Северной войны. Её основную территорию занимает современная Эстония.

вакансий и незнание бароном местного эстонского языка. Губернатор порекомендовал ему место таможенного надзирателя на Ревельской таможне. На что Бранденбург выразил согласие и готовность занять аналогичное место пограничного надзирателя в соседних Лифляндской, Курляндской губерниях и Финляндии. Однако замещение тех должностей, заключал Державин, находилось в ведении министра коммерции, поэтому он извещал статс-секретаря и советовал обратиться к соответствующему министру[1].

Дополняют картину министерской деятельности Державина также сохранившиеся в архивном фонде А. Р. Воронцова в РГАДА копии ряда судебных материалов того периода. Разумеется, они отражают крайне малую часть тех дел, которые проходили через ведомство Державина, но, тем не менее, являются очень информативными как в части особенностей судопроизводства, так и стиля юстиц-надзора руководителя министерства и Сената. В державинских решениях и рекомендациях по судебным делам чётко прослеживается знание всех подробностей рассматриваемого дела и порядка правоприменения. За краткими решениями стояли часы кропотливого исследования представленных материалов и законодательства. В административных резолюциях чувствуется уверенность и решительность опытного руководителя. В них нет казуистичности и половинчатости, менторского тона и административного нажима: всё в рамках закона и предоставленных полномочий.

Так, в конце декабря 1802 г. Кочубей и Державин по поручению императора подготовили совместный доклад по делу гофмейстерши Нарышкиной о разделе её имения с племянником. Дело началось в 1787 г., когда Екатерина II утвердила завещание Нарышкиной о передаче после смерти её имения брату. В 1800 г. Павел I по запросу племянника повелел восстановить раздел имения. Министры высказали общее мнение о незаконности завещания гофмейстерши, так как она, будучи бездетна, не имела права завещать всё своё имущество брату, лишая мужа супружеской доли в наследстве. Они предлагали перенести решение спора в третейский суд[2].

Согласно копиям двух министерских ордеров тамбовскому губернскому прокурору Заседскому от 25 февраля и 12 марта 1803 г. следует, во-первых, что министр юстиции приказывал принять меры по охране борисоглебским уездным судом имения тайного советника Львова, во-вторых, вследствие ставших ему известными фактов притеснения

---

[1] РГИА. Ф. 1486. Оп. 5. Д. 244. Л. 1–1 об.

[2] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1491. Л. 1–3.

Львова со стороны помещика Хомутова Державин просил выслать ему материалы по этому делу[1].

По просьбе Н. Н. Новосильцева Державин изучил дело девицы Веселовской. Дело заключалось в том, что граф Каховский увёз её из дома, обещав на ней жениться, но обманул. Рассматриваемый до этого в четвёртом департаменте Сената по предложению Державина спор между родителями влюблённых был вынесен весной 1803 г. на общее собрание Сената. Согласно распоряжению императора дело должно было слушаться вне очереди[2].

В сохранившейся копии с письма Державина-министра юстиции от 2 июня 1803 г. рассматривались обстоятельства «непорядочного» производства судебного дела княгини Шаховской. Суть дела заключалась в том, что в 1800 г. в московскую палату гражданского суда по иску князя Гагарина, требовавшего взыскания с Шаховской компенсации за её затопленную соль, был вызван бывший её опекун генерал-майор Загряжский, который ещё в 1797 г. от опекунства был уволен. По неявке сторон дело было принято к производству. Несмотря на наличие решения Сената, предписывавшего приостановить взыскания денежных сумм с Шаховской до вынесения апелляционного решения по этому делу, штрафные суммы, наложенные судом первой инстанции, продолжали взыскиваться с ответчицы. Державин приказывал разобраться в этом нарушении и взять с виновных объяснения[3].

Ещё одно судебное дело, разбираемое в Сенате под начальством Державина в 1803 г., касалось земельного спора между статским советником, сенатором Вадковским и Арбеневым, с одной стороны, и помещиком Пашковым — с другой. Оно хранится в РГИА среди известной коллекции фонда № 1400. Вадковскому и Арбеневу в 1797–1798 гг. были пожалованы земли в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Однако местная межевая контора выделила им вместо казённых земель владельческие, принадлежавшие помещику с. Хутор Пашкову. Обер-прокурор межевого департамента Голиков сообщал Державину о том, что на самом деле Пашков неправомерно присвоил себе казённые земли. Державин был на стороне Вадковского и Арбенева[4].

Мы обнаружили в ОР РНБ в бумагах Державина, собранных и не опубликованных Я. К. Гротом, записки и предложения Державина для доклада Сенату по разным финансовым вопросам. Они

---

[1] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1431. Л. 34–34 об.

[2] Там же. Д. 1495. Л. 1–2.

[3] Там же. Л. 36–37 об.

[4] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 737. Л. 33–33 об., 48–51.

были составлены в 1801–1803 гг. по разнообразным текущим делам. Не имея особого общегосударственного значения, они, вероятно, и не вошли в дореволюционное академическое издание «Сочинений» Гавриила Романовича. Однако считаем всё же интересным подробнее их рассмотреть, так как они отразили характер делопроизводства Сената начала XIX в., содержание деятельности Державина — сенатора и министра.

В феврале 1802 г. по записке министра коммерции, сообщавшего о вскрытом по ревизии за 1800 г. на Санкт-Петербургской таможне недоборе пошлин, Державин одобрил решение прокурора Коммерц-коллегии о списании недоимки, так как указ от 2 апреля 1801 г. о сложении всех недостач в размере до 1 тыс. руб. имел обратную силу. В ноябре 1802 г. Державин предлагал Сенату сложить недоимки в размере 1777 руб. 8 коп. с генерал-лейтенанта Стоянова.

Державин 21 апреля 1803 г., обнаружив в производстве его предшественников нерешённое дело по просьбе столярных дел мастера Токая о взыскании долга с графа Феликса Потоцкого, несмотря на подписанные Павлом I ещё в 1799 и 1800 гг. о том распоряжения, предписывал сенаторам, «чтобы высочайшее повеление всеми местами и лицами, исполняемы были в точности, без малейшего послабления и с крайнею поспешностию». 20 июля 1803 г. Гавриил Романович направил в третий департамент Сената на рассмотрение дело об утрате малороссийским губернским правлением векселя войскового товарища[1] Глинского от коллежского советника Хорошкевича на сумму 500 руб. Как следовало из просьбы Глинского и записки губернского прокурора, со времени потери векселя прошло три года и виновные в том найдены не были.

В начале сентября 1803 г. Державин велел Сенату рассмотреть просьбу бывшего секретаря суздальского земского суда Климента Рожественского и губернского секретаря Ивана Титова о выдаче им несправедливо удержанного жалования. Помимо этого, сенаторам направлялось дело о взыскании невыплаченного жалования умершего судьи нижней расправы г. Судогда его племяннику поручику Могилевскому. И ещё одно дело касалось жалобы секретаря Григория Посникова о невинной отдаче его под суд, лишении должности и жалования.

По распоряжению Державина от 27 сентября 1803 г. сенаторы должны были решить дело о выдаче московской гражданской палатой суда

---

[1] Войсковой товарищ — почётное звание в Запорожском казачьем войске, присваивавшееся лично гетманом за проявленную храбрость в боях. Соответствовало младшему офицерскому чину.

по просьбе московского губернского прокурора подлинников дел для вынесения им определений. Дело было в том, что при возникновении сомнений они ему не выдавались, и тем самым гражданская палата суда задерживала подготовку прокурором необходимых бумаг[1].

Из представленной сенатором Г. К. Репинским (тем самым, под руководством которого сенатская комиссия уничтожила «ненужные» бумаги архива) в журнал «Русская старина» переписки Державина с графом Ф. В. Ростопчиным (прототип Растопчина из «Войны и мира» Л. Н. Толстого, московского военного губернатора, организатора ополчения и пожара г. Москвы в 1812 г.), не вошедшей в издание Я. К. Грота, можно узнать, что граф 15 января 1803 г. обращался к министру юстиции с ходатайством за своего друга — ботаника, агронома, мемуариста А. Т. Болотова, который был стороной в судебном процессе (суть спора из писем не известна, но из контекста следует, что он касался землевладения). Примечательна стилистика письма: обращение написано, как выразился автор письма, «человеческим языком», т. е. неформально. На это указывает и фраза о Державине как защитнике «страждущих и погибающих от ябеды», как «с молодых самых лет» «любовнике» правосудия, его «любовницы». Державин 10 февраля отвечал, что знал Болотова как «человека достойнаго и справедливаго», поэтому ещё до получения просьбы Ростопчина способствовал вынесению законного и справедливого решения, максимально учитывавшего интересы просителя[2].

Помимо сенатских дел Державин занимался множеством дел по части юстиции. Так, под его председательством работала специальная сенатская комиссия по пересмотру прежних уголовных дел. Начиная с ноября 1802 г. и по май 1803 г. ею было рассмотрено множество прошений различных дворян, чиновников о пересмотре решений по уголовным делам[3]. Особое внимание во вверенной ему части государственного управления Державин уделял состоянию содержания тюрем и заключённых в них колодниках. В начале 1803 г. он подготовил отчёт о колодниках. В рапорте императору сообщалось, что на начало 1802 г. в империи содержалось 91 060 заключённых, из них в течение 1802 г. выбыло 85 940 человек, тем самым к началу 1803 г. на содержании у государства осталось лишь 5120 человек, лишённых свободы[4]. Такой итог явно был заслугой министра юстиции.

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 24. Л. 3–11.

[2] Граф Ф. В. Ростопчин и Г. Р. Державин // Русская старина. 1899. № 9. С. 615–616.

[3] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 228.

[4] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 126. Л. 9.

1 января 1803 г. Державин подготовил для государя сводный рапорт о решённых и нерешённых делах в Герольдии, канцелярии генерал-прокурора Сената, комиссии о рассмотрении жалоб на решения Сената, канцеляриях, конторах и губернских учреждениях, состоявших в его ведении *(см. приложение 1, документ № 7)*[1]. Согласно этой ведомости за 1802 г. было 943 953 нерешённых дела, оставшихся от прежних лет и поступивших за сентябрь-декабрь того года, из них в 1803 г. было решено 825 262 дела, а оставались ещё нерешёнными 118 691 дело. Таким образом, министерство под руководством Державина сумело за неполные полгода решить 87% (!) старых и новых дел, причём 68% из них были дела губернского уровня. Это было немыслимо в условиях российской волокиты и бюрократизма! Однако оснований сомневаться в достоверности сообщённых Державиным сведений у нас нет, тем более что подготовительную и тщательную работу по составлению статистики решённых и нерешённых дел в Сенате Державин начал заранее — 20 декабря 1802 г. он отдал распоряжение обер-прокурорам всех департаментов Сената подготовить и направить ему рапорты о количестве рассмотренных и нерешённых сенатских дел[2]. На основе собранных сведений он и подготовил сводный отчёт для императора. Конечно, можно допустить, что подчинённые Державина могли в угоду начальнику и ради корысти завысить показатели своей работы, особенно это касалось удалённых губерний. Впрочем, зная придирчивый и дотошный характер Державина-руководителя, в это верится с трудом.

Гавриил Романович со свойственными ему скрупулёзностью и внимательностью к деталям самолично проверял реестры докладов по департаменту юстиции. Об этом красноречиво свидетельствуют поля журналов с записями доложенных императору дел — они сплошь испещрены пометами Державина о судьбе каждого поданного им материала. Против записей стоят отметки «докладовано», «оставлено у государя», «отставить», информация о передаче на рассмотрение другому министру и пр. Примером может служить запись реестра докладов от 14 июня 1803 г. *(см. приложение 1, документ № 8)*[3].

---

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 126. Л. 43.

[2] Там же. Л. 3–7, 10–42.

[3] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 211. Л. 24–24 об.

ПРОЕКТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

Поистине, если хочешь узнать особенности народа, то зайди в суд: как он живёт, так и судится. А суды Российской империи начала XIX в. представляли собой, по отзывам современников, неповоротливую запутанную систему, полную хитроумных законодательных лабиринтов. Да и по части злоупотреблений судьи не отличались честностью. Собранные дореволюционным военным юристом, фольклористом И. И. Иллюстровым юридические пословицы и поговорки русского народа как нельзя точно характеризуют особенности национального судопроизводства. Меткие и прозорливые народные изречения о неправосудии гласили так: «Законы — святы, да судьи — супостаты», «В земле — черви, в воде — черти, в лесу — сучки, в суде — крючки: куда уйти?», «Где суд — там и неправда». Продажность судей отразилась в таких пословицах, как: «Судьям то и полезно, что им в карман полезло», «Мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю», «С какого судья взял, тот и прав стал». Медленность рассмотрения дел отразилась в следующих народных высказываниях: «Суд докуку любит», «Для того дело тянется, что виноватый правится» и др[1]. Многие из приведённых пословиц и поговорок относятся и к XVIII—началу XIX в.

О проблемах в этой части государственного управления рассуждал и иностранец Ф.-С. Лагарп. В письме к своему царственному воспитаннику наставник писал в 1801 г.: «Первая потребность вашего народа — мир, вторая — просвещение, третья — судопроизводство, которое доставило бы жителям империи существенные блага гражданской свободы. Ваше судопроизводство — сущий Дедал, и только кляузы, плутни и взятки помогают выбраться из этого лабиринта»[2].

---

[1] Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Репринт. изд. М., 2011. С. 23–27.

[2] Шильдер Н. К. Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897. Т. 2. С. 48.

Державин не одно десятилетие наблюдал за судебным хаосом, мечтал изменить судебную систему, сделав её относительно прозрачной, доступной, чёткой, понятной, а главное — эффективной. Пожалуй, самым любимым детищем Державина-юриста являлся разработанный им в 1801 г. проект реформы третейского судопроизводства в Российской империи. Он тщательно продумал его содержание. Экземпляры проекта за год до представления императору Державин разослал ведущим правоведам того времени, чиновникам-коллегам, друзьям в г. Москву, Малороссию, Лифляндию с тем, чтобы получить от них замечания и отзывы. Так, впервые упоминание Гавриилом Романовичем о высланном для ознакомления друга-поэта и свояка В. В. Капниста экземпляре проекта мы встречаем в письме к нему от 28 августа 1802 г. В нём он торопил приятеля с ответом на высланное письмо, отзывами на проект «своей фабрики»[1]. Капнист направил свои замечания другу-министру, о наличии которых можно судить, исходя из содержания письма Державина ему от 21 марта 1804 г.[2] Некоторые из друзей Державина, разделяя его идеи о третействе, даже хотели ссылаться на пункты его проекта как на закон. Так, своего друга П. А. Гасвицкого, судившегося тогда в третейском суде, он удерживал от этого, так как проект не имел силы закона без утверждения государем[3]. Не без гордости министр юстиции отмечал, что его проект о третейском суде был представлен им государю весной 1803 г. и оставлен Александром I у себя для детального ознакомления[4].

Державинский проект «Устава третейского совестного суда» был опубликован отдельной брошюрой типографией Собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1862 г.[5] и позже в седьмом томе академического издания Я. К. Грота[6]. Тогда при подготовке реформы третейского суда предложения Державина были приложены к проекту второй половины XIX в. Свой анализ державинского проекта мы проведём на основе издания 1862 г. Проект состоит из 8 глав и 103 статей. Он был подготовлен в виде законопроекта.

В преамбуле Державин отмечал, что базовые ценности в виде уверенности в личной безопасности и защите собственности нарушались по причине «повреждения нравов». Далее он указывал

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 138.

[2] Там же. С. 149.

[3] Там же. С. 150–151.

[4] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 211. Л. 1 об.

[5] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 1–54.

[6] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 349–376.

на огромные объёмы делопроизводства и волокиту в судах. Он напоминал монарху, что на момент вступления Державина в должность министра юстиции и генерал-прокурора Сената в Сенате скопилось 10 709 дел, а в канцелярии генерал-прокурора — 1176 нерешённых дел. За время его руководства с начала сентября 1802 г. и по 1 апреля 1803 г. в Сенат ещё поступило 11 469 дел, а в департамент Министерства юстиции — 8453 дела. Притом, что сенатских дел было окончено 12 508, а министерских — 6271, на 1 апреля 1803 г. неразобранными оставались 9670 и 2907 дел соответственно. Министр считал, что даже самое ясное и чёткое изложение законов не гарантировало решение проблем. Необходимо было пресекать споры в самом их начале, не доводя до формального судебного разбирательства. Таким средством, проверенным временем, по убеждению Державина, должен был стать объединённый третейский совестный суд, соединявший достоинства справедливого и окончательного решения.

Из доклада следует, что монаршее поручение о подготовке данного проекта Державин получил ещё до своего отъезда в г. Калугу для проведения там ревизии. Державин сообщал, что источниками при подготовке его проекта третейского суда служили «Соборное уложение» 1649 г. с нормами о третействе, «Учреждение о губерниях» 1775 г. с нормами о совестном суде, религиозные нормы и правовые обычаи народов империи. Обосновывая целесообразность введения проектируемого им института, он перечислял его преимущества: снижение нагрузки на государственные суды всех инстанций, убыстрение судопроизводства, повышение юридического опыта у судей, уровня правовой культуры общества, доверия к суду и власти, «уменьшение гнусного лихоимства», органичное включение в уже существовавшую судебную систему без необходимости что-либо менять в ней[1].

В первой главе содержатся нормы, посвящённые учреждению третейского суда. В частности, закреплялось, что третейский суд создавался по согласию истца и ответчика временно на период рассмотрения их спора по месту нахождения его участников и судей. Он был всеобщим вне зависимости от сословия, пола, чина, национальности и пр. Третейский суд создавался по заявлению сторон при государственном суде, в том числе и Сенате. О его создании уведомлялись губернатор (если дело рассматривалось при уездном или губернском суде) и министр юстиции (если дело рассматривалось при Сенате)[2].

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. I–VII.

[2] Там же. С. 5–7.

Во второй главе закреплялся порядок назначения, избрания, определения третейских посредников, главного судьи и письмоводителей. Посредниками и третейскими судьями могли избираться граждане всех сословий, чинов, вероисповедания и национальности, в том числе из других уездов и губерний. Опекуны и попечители сирот и малолетних с согласия их родственников, а при отсутствии их — предводителя дворянства или городского головы имели право избирать посредников и судью. Не допускался отказ быть посредником или третейским судьёй, за исключением случаев болезни, старости, нужды, занятия государственной должности, чрезвычайной дальности проезда к месту разбирательства, обременения иными третейскими делами и пр. За необоснованное уклонение следовало общественное порицание.

При множественности на стороне истца и ответчика допускалась множественность посредников (но не более трёх человек с каждой стороны), но главный третейский судья должен был быть один. При согласии сторон допускалось, чтобы дело производил и рассматривал один и тот же человек. По обоюдному решению стороны выбирали главного судью. При недостижении ими согласия выбор осуществлялся посредниками, а в случае отсутствия единогласия среди них выборы производились по жребию под надзором государственного суда из числа представленных посредников. Причём преимущества при выборе предоставлялось «беднейшей и угнетённой стороне». Посредников и главного судью мог предложить и суд, при котором производилось данное третейское разбирательство. Срок выборов и определения посредников и судьи составлял три месяца. В течение третейского разбирательства можно было менять судей не более трёх раз в течение девяти месяцев. В случае нарушения сроков представления посредников и кандидатов в главные судьи с виновной в проволочке стороны взыскивалась пеня в размере 1% от суммы иска или суммы получаемого жалования в пользу Приказа общественного призрения. Кроме того, о лицах, виновных в затягивании третейского разбирательства, сообщалось публично в газетах. Если главный третейский судья не приступал к разбирательству дела в течение месяца, то выбирался новый судья, а о недобросовестном судье делалась подобная же публикация. Главный судья определял необходимое число писцов и письмоводителей, оплата услуг которых производилась за счёт средств тяжущихся. О создании третейского суда по конкретному спору печаталось специальное уведомление в газетах[1].

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 8–15.

Третья глава была посвящена порядку составления третейских судебных актов. Сведения о третейском суде или запись должны были вноситься в книги у крепостных дел, которые велись при палатах гражданского суда (аналог ещё не существовавшего тогда нотариального свидетельствования). Судебный спор мог быть обеспечен залогом, поручительством, неустойкой или иным способом. За препятствия, чинимые внесению записей в данные книги, сторона, виновная в том, подвергалась штрафу. Выписки из данных книг должны были производиться для каждой из сторон.

Определялись четыре вида судебных актов: исковый акт (жалоба), ответ, возражение на ответ, оправдание на опровержение. На составление каждого из них отводилось не более месяца. Помимо исковых заявлений и письменных объяснений, стороны должны были представить суду доказательства тех фактов, на которые они ссылались: справки, поколенные росписи, договоры, метрики, векселя и пр. Свидетельские показания следовало давать под присягой. Третейский суд вёл судебный протокол. Окончательное решение третейского суда должно было оглашаться по краткой записке, приговор должен был быть кратким, ясным, недвусмысленным[1].

Самая обширная четвёртая глава содержала нормы о порядке судопроизводства и вынесения решения третейским совестным судом. В этой части проекта подробно характеризовались стадии третейского судопроизводства. Предусматривалось, что третейский суд имел право истребовать необходимые решения и иные документы из государственных судов. При необходимости по поручению судьи могли производиться выездные осмотры на месте границ земельных владений, лесов, материальных объектов и пр. Итоговая докладная записка-заключение по делу должна была предоставляться главным судьёй на рассмотрение посредникам и сторонам третейского судебного процесса, которые могли заявить свои суждения-отзывы по её содержанию, учитываемые судьёй. После того как заключение по делу было согласовано со всеми участниками процесса, судья готовил общий приговор с указанием его оснований: по большинству голосов, по перевесу мнения либо по своему единоличному решению.

Однако до того как приговор будет написан и оглашён, судья должен был осуществить попытку к примирению сторон. На мирные переговоры отводилось не более месяца. Решение о мировом соглашении должны были принять лично истец и ответчик, не перепоручая это своим поверенным и стряпчим. В случае согласия на мировое со-

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 16–22.

глашение судья фиксировал это в журнале заседания с приложением собственноручно подписанного сторонами мирового соглашения. Принудительное склонение к нему не допускалось — оно должно было быть результатом свободного волеизъявления. После чего в течение двух недель готовился приговор, который подписывался всеми участниками с обязательством сторон исполнить взятые обещания.

Экземпляры судебного приговора отсылались в суд, при котором происходило третейское разбирательство, и сторонам процесса. Суд направлял копию судебного решения в Сенат и губернское правление. На решение каждого судебного спора отводился полугодовой срок. Судебный приговор записывался на гербовой бумаге, а запись для книги у крепостных дел велась на листах согласно цене иска. Перед отправкой экземпляра приговора в государственный суд сторонам отводился недельный срок для подачи жалоб на процедуру рассмотрения их спора в третейском суде. Сторона, подавшая необоснованную жалобу с целью затягивания процесса, подвергалась штрафу. В случае соблюдения законных процедур третейского судопроизводства, но по желанию посредников и тяжущихся, усмотревших несправедливость решения, материалы по делу (докладная записка, мнения, приговор и пр.) до направления их в формальный суд в течение полугода могли быть опубликованы в печати. Если поступали сторонние юридические замечания по существу дела, то оно отправлялось в Министерство юстиции и там рассматривалось, в случае отсутствия отзывов дело всё равно направлялось в Министерство юстиции. В случае необоснованного оспаривания приговора третейского суда при наличии положительных юридических отзывов и утверждения его министром юстиции апеллятор штрафовался. По окончании третейского дела оно передавалось в архив суда, при котором рассматривалось. Прокуроры и стряпчие должны были следить, чтобы не производились фиктивные третейские суды и мировые соглашения. Губернский прокурор должен был на основе получаемых от уездных прокуроров и стряпчих данных о состоявшихся третейских разбирательствах готовить ежегодные доклады министру юстиции.

Специально оговаривалось право присутствовать на судебном заседании посторонних лиц в качестве зрителей, за исключением случаев рассмотрения дела по заявлению сторон в закрытом режиме. Зрители должны были соблюдать порядок и тишину на заседании, не вмешиваясь в ход происходившего своими репликами и суждениями[1].

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 23–36.

Пятой главой закреплялась подсудность дел третейского суда. Он был правомочен рассматривать все гражданские и семейные (имущественные и личные споры, кроме разводов), в некоторых случаях и административные судебные споры. Последние могли касаться дел о поставках и подрядах между частными лицами и казной (при наличии разрешения императора по предварительному заявлению граждан). Интересы государства представлялись в таких спорах прокурорами и стряпчими. По указанию монарха в случаях «притеснения и жестокости», несправедливого отношения в присутственных местах (например, отказа в рассмотрении жалоб) интересы таких людей защищались в третейском суде. Приговоры по такой категории дел без рассмотрения министра юстиции и утверждения государя не вступали в законную силу.

Третейский суд не имел прав пересматривать дела, решённые ранее Сенатом и государем. Решения же судов и присутственных мест могли разбираться в третейском суде при условии истечения срока давности и сроков апелляции по ним. В исключительных случаях (например, бедность заявителя) допускалось апелляционное рассмотрение на решения судов первой инстанции с ценой иска менее 500 руб., т. е. по делам, на которые, согласно формальному порядку, не допускалась апелляция в Сенат. Разрешалось третейское судопроизводство по правилам обычного и религиозного права народов Российской империи. Третейский суд имел также право разбирать юридические казусы, не имевшие ясного регулирования в законодательстве.

В проекте предусматривалась правопреемственность при исполнении подписанного приговора наследниками умершего истца или ответчика. В пятой главе содержались также элементы исполнительного производства: закреплялось, что третейские суды имели право требовать от губернских правлений исполнения своих приговоров в двухнедельный срок. В случае их уклонения от исполнения третейские суды могли приносить жалобу министру юстиции и Сенату. Третейский суд не должен был доносить об уголовных делах, ставших ему известными, кроме случаев готовившихся покушений на жизнь государя и членов его семьи, заговоров, бунтов и измены государству[1].

Шестая глава гласила о преимуществах третейского суда: он был «сопряжён с милосердием», добровольным, не предусматривал апелляций на свои решения, отмену кем-либо, предполагал гласность приговоров. Третейский суд состоял под покровительством министра юстиции и государя.

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 23–43.

Отмечалось, что на дела, завершённые мировым соглашением, юридические отзывы и замечания не принимались. Они должны были отправляться для примера искусной работы в уездные суды, дворянские собрания и городские думы. Предлагалось печатать в газетах публичные благодарности от указанных корпоративных сословных учреждений, персонально адресованные лучшим третейским судьям, сумевшим окончить дела мировым соглашением, решившим дела раньше отведённого срока. Губернское начальство и Сенат могли на основе таких положительных отзывов награждать судей чинами, орденами, иными знаками отличия. Напротив, судьи, плохо зарекомендовавшие себя, теряли право быть избранными на государственные должности.

Оговаривался довольно щекотливый вопрос о материальном возмещении услуг посредников и главного третейского судьи. Считалось, что сумма их денежного поощрения варьировалась от 2,5 до 5% от суммы иска, или обеспечиваемого залога, или жалования тяжущихся сторон. В случае невыплаты материального возмещения оно могло взиматься в принудительном порядке через губернское правление. В случае банкротства такие долги взыскивались с должников в первую очередь. Причём стороны освобождались от уплаты государственных пошлин и штрафов. Однако если одна из сторон была приглашена к третейскому разбирательству и от него отказалась, а в государственном суде против неё был вынесен обвинительный приговор, то она подвергалась двойному взысканию[1].

Заключительные главы содержали комплекс морально-нравственных норм. Седьмая глава включала правила третейского суда, основанные на нормах Священного Писания. Державин считал, что решение третейского суда должно было быть основано на букве закона, требованиях совести и человеколюбии. В любых «тёмных и сомнительных делах» необходимо было отдавать предпочтение интересам вдов и сирот. Гавриил Романович призывал не обременять непосильной ответственностью потомков за деяния их предков. Наиглавнейший постулат сводился к тому, что целью третейства было не обвинение тяжущихся, а их примирение. Восьмая глава содержала более подробные наставления третейским судьям и тяжущимся сторонам. Судей Державин предостерегал от пристрастности, небрежности и ошибок, так как «всякий суд есть дело Божие», наставлял их быть честными и бескорыстными, чистосердечными и твёрдыми в своих действиях. В случае если стороны готовы были примириться, судьи не должны

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 44–49.

были откладывать окончание дела до завтра. Они должны были быть примером уважительного отношения, учтиво обращаясь к каждой из сторон. В свою очередь, истец и ответчик, избегая строптивости, грубости и нарекании (особенно после завершения дела), должны были почитать третейских судей, прислушиваться к их советам, с точностью исполнять их решения[1].

Несмотря на то, что проект так и не был одобрен царём из-за происков «подленьких охотников до наживы», Державин не оставлял надежды на апробацию применения предложенных мер для начала хотя бы в двух столицах. О помощи в этом он просил своего земляка, члена Государственного совета В. С. Попова в письме к нему в ноябре 1807 г.[2] Однако разочаровавшись в отклонении государем так старательно и искренне составленного проекта организации третейского суда («уши выше лба не растут»), Державин надеялся, что потомки смогут оценить тяжесть его борьбы с «ябедой» и горечь поражений от неё[3]. Однако и они не сумели проникнуть в глубину державинских предложений и воспринять что-то полезное для себя. Например, деятели судебной реформы второй половины XIX в. полагали, что данный проект, если и был бы реализован, то не принёс бы ожидаемой её автором пользы в силу формальной сложности судопроизводства, стремления сделать его обязательным, государственных судей превратить в третейских. Юристы той поры смотрели на этот проект как на сокращённый порядок государственного судопроизводства с вкраплением смелых новаций: допущения гласности (возможность присутствия зрителей на суде, опубликования приговоров суда, отзывов на его решения), участие губернаторов и министра юстиции в утверждении состава каждого третейского совестного суда, распространение третейского суда на дела об опеках и попечительствах. Крайне негативно они оценивали введение в проект выдержек из Библии, а наставление третейским судьям и тяжущимся называли «лекцией нравоучения»[4].

Дореволюционные исследователи, сотрудники Министерства юстиции и сенатского архива начала XX в. отмечали составленный Державиным проект организации третейского суда как попытку пресечения взяточничества и волокиты в судах. Ввиду сложности

---

[1] Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 50–54.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 844.

[3] Там же. С. 162.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 349–350.

проект не был претворён в жизнь[1]. Того же мнения придерживается и современный юрист Н. Н. Ефремова, которая считает, что проект не был реализован из-за его сложности[2].

Среди множества отрицательных отзывов на державинский проект третейского суда мы обнаружили лишь один положительный. Он принадлежит Е. И. Станевичу, писателю, философу, просветителю первой половины XIX в. Это «Мнение Евстафия Станевича о третейском совестном суде, сочинённом его В.П. Г.Р.Д.» хранится в сенатских бумагах Державина в РГИА. Записка датирована 29 ноября 1806 г.[3] Коллега по поэтическому «цеху» сравнивал проект Державина с сочинением итальянского юриста XVIII в. Ч. Беккариа о преступлении и наказании, «дышащего человеколюбием и желанием облегчить участь страждующего человечества». Однако он уточнял, что в сравнении с этим трактатом заграничного правоведа проект Державина «не столь блестящ и менее объёмен, но не менее полезен и гораздо прост в достижении цели». Державина Станевич называл «защитником человечества», полагая, что это сочинение заслуживало больше внимания, чем его стихи. Писатель был уверен, если бы проект был осуществлён, то он ещё больше прославил бы своего создателя как гражданина, «содействующаго лучшей участи своих сограждан, водворяющаго между ними доверие, прекращающаго несогласие, насаждающаго нравы и благополучие их жизни утверждающаго». Станевич подчёркивал, что, изучая этот проект, имел в виду, что его автор прежде всего являлся государственным деятелем, а не поэтом[4].

Писатель разделял многие мысли Державина в части переустройства третейского суда. В частности, он солидаризировался с ним в том, что государство заинтересовано в ускорении судебных разбирательств, сокращении нагрузки на суды. При этом решение проблемы сводилось к сокращению «разногласий в обществе» как основному «корню зла» многочисленных и длительных судебных тяжб. Формальный суд Станевич оценивал скептично: он, согласно его представлениям, был «судом-чудовищем, льющим у людей кровь и слёзы», рассмотрение дел в судах сопряжено было с «волокитами,

---

[1] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк. СПб., 1902. С. 23.

[2] Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М., 1983. С. 42.

[3] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 721. Л. 1–7.

[4] Там же. Л. 1–1 об.

притеснениями, беспокойствами и страхами». «Взяточники и кровопийцы, а не блюстители правосудия и хранители святости закона находятся в судах»,— заявлял философ.

Хоть правительство и запрещало взяточничество и превышение своих должностных полномочий, но этого было недостаточно, считал Станевич, необходимо было не допускать эти злоупотребления, не создавать для них условий. Именно проектируемый Державиным третейский совестный суд мог предотвратить их, сократить количество «дрязг» между гражданами[1]. В дополнение к предложениям бывшего министра юстиции писатель советовал печатать в газетах статьи о нечестных чиновниках, совершенствовать законы, не наделять новыми землями тех дворян, которые постоянно находились в судебных тяжбах, поощрять купечество. Станевич рассчитывал на скорое претворение в жизнь плана преобразований судебной системы на началах, предложенных Державиным[2].

Советские и постсоветские правоведы и историки крайне мало обращали внимание на этот державинский проект, ограничиваясь лишь упоминанием такового. Тем более, в исследовательской литературе до сих пор нет развёрнутого анализа державинских предложений о реформе третейского суда. Лишь современный исследователь О. Ю. Скворцов отметил, что проект Г. Р. Державина о третейских судах оказал влияние как на реализацию конкретных законопроектов, при помощи которых расширялась сфера третейского судопроизводства в дореволюционной России, так и на иные проекты, которыми обосновывалась необходимость укрепления системы третейских судов как альтернативы государственной системе разрешения правовых споров[3].

Сожалея о том, что проект первого министра юстиции России о третействе остаётся в тени государственного и общественного внимания, предпримем скромную попытку дать ему оценку с учётом заложенного в нём потенциала и современных модернизационных тенденций. В первую очередь считаем, что державинский проект устава третейского совестного суда был сложен не в процедурно-организационном отношении, а в нормативно-правовом содержании: слишком завышенные были требования к условиям его применения в части подготовки судей, уровня правовой культуры граждан — участников процесса, готовности власти и общества измениться. Державиным

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 721. Л. 2–4.

[2] Там же. Л. 6–7.

[3] Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2005. С. 17–18.

был совершён крен в морально-нравственную сторону третейского судопроизводства. Данный институт мыслился им как средство перевоспитания людей, переустройства системы формального суда.

Для начала XIX в. этот проект устройства третейского суда был довольно смелым в смысле допущения его гласности, бессословности, открытости (отечественный суд впервые приобрёл эти свойства лишь после судебной реформы 1864 г.!), добровольности, продуманных инструментов повышения уровня правовой культуры населения через возможность очного участия в разбирательствах, направления отзывов на материалы судебных дел, систему поощрительных и штрафных санкций для участников процесса за соблюдение или пренебрежение правилами судопроизводства, включения данных о количестве третейских судов в общую судебную статистическую отчётность. При этом третейский суд проектировался как платный и «пристёгнутый» к государственному судебному институту посредством порядка учреждения третейских судов при формальных судах, взыскания штрафов и пени в пользу Приказа общественного призрения (хоть и социальная сфера, но всё же государственная), введения надзора и защиты со стороны губернских властей, Министерства юстиции, верховной власти. Третейский суд, сочетая публично-правовые и частно-правовые начала, был своего рода внедрённым элементом в уже созданную систему, эдаким филиалом государственного суда, творящим правосудие не только по закону, но и по совести. Последнее для Державина было очень важным и маркирующим его атрибутом. Оно было включено в его устройство неспроста: Державин сам много натерпелся несправедливости, когда в детские годы вместе с матерью-вдовой искал защиты в присутственных и судебных учреждениях, в зрелые годы он получил огромный опыт при разбирательстве третейских споров, продолжительное время исполнял обязанности опекуна и попечителя.

При определённой сбивчивости в структуре изложения, эклектичности норм позитивного и обычного права, норм права и норм морали, этот проект закона отличают продуманность, последовательность, непротиворечивость, для своего времени высокий уровень законодательной техники. Более того, большинство его в общем-то здравых и полезных идей актуальны и теперь. В силу всё ещё остающегося низкого уровня правовой культуры, доходов, инертности гражданского общества, отсутствия стабильных экономических условий общество современной России пока не готово к такому типу разрешения судебных споров. И эта неготовность, невосприимчивость в принципе обусловлены национальными комплексами-фобиями, заложенными

в истории нашего государства. Особенно сильно по архетипу российского социума «ударил» XX век с его войнами, революциями, репрессиями и прочими экстремально-разрушительными событиями. Привычка к злоупотреблению правами, лояльность к бытовой коррупции, довольно терпимое отношение к коррупции чиновников высшего ранга как органичному элементу государственной службы, её почти безнаказанность мешают укорениться широкой и повсеместной практике медиаторства и третейства.

По мнению социологов А. Левинсона и Л. Борусяк, в общественном сознании концепт «взятка» (коррупция) обладает непростым статусом. Опираясь на данные социологических опросов, они отметили, что россияне в большинстве случаев крайне негативно относятся к коррупции «в верхах», считая её недопустимой (44%), при этом оправдывают своё собственное вынужденное взяткодательство. «Дать взятку — грех, но гораздо меньший... чем принять, тем более вымогать её. А то и вовсе не грех. В решении проблем первостепенной важности — здоровье близких, угроза жизни, свободе и т. п.— взятку считают оправданным средством во всех слоях общества. Даже те, кто в принципе осуждает эту меру, многие категории подношений называют “знаком уважения”, “подарком” и... не видят в этом дурного. К тому же, если подношение делается “от души”, народное правосознание освобождает его от всякого осуждения... Массовое сознание строже судит берущего, чем дающего. Берущий может быть прощён (как в рассмотренных случаях с высшими чинами), но не оправдан... Слова “взятка” и “коррупция” содержат разную меру осуждения. О взятке как о деянии вынужденном и, в общем, простительном говорят, имея в виду себя дающих. Коррупция — это уже преступление, она непростительна, это говорится о берущих. Особо резко это звучит, когда касается не обычных чиновников, а тех, кто далеко и высоко, а потому должен быть образцом честности и справедливости... Вообще взятки, которые дают люди, возмущают, когда говорят о тех, кто их открыто вымогает или создаёт ситуацию, когда без денег проблему решить невозможно. Но если люди сами решают, давать или не давать, если сами добиваются желательных результатов, то бытовая коррупция воспринимается как вполне достойное, разумное и правильное поведение»,— отмечают исследователи[1].

Новейшие данные социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (июнь 2016 г.) по-

---

[1] Левенсон А., Борусяк Л. «Знак уважения»: как россияне относятся к коррупции // Портал РБК. URL: http://www.rbc.ru/opinions/society/24/03/2016/56f271cd9a7947f9c25d740b (дата обращения: 16.12.2017 г.).

казали, что около половины россиян (48%) считают, что уклонение некоторых граждан от ответственности за нарушение закона — это массовое явление в нашей стране. По мнению 45%, такое случается, но редко. И только 1% опрошенных убеждён, что ничего подобного в России не происходит. По словам россиян, чаще других избегают правосудия богатые (38%), чиновники и депутаты, их дети и родственники (38%), а также «золотая молодёжь» (6%) и бизнесмены и олигархи (6%). 22% затруднились определить, для кого закон не писан. 3% отнесли в эту категорию представителей силовых ведомств и судебной системы. По 1% — коррупционеров, мошенников, криминальных авторитетов, убийц, аморальных людей и знаменитостей. Среди мер, которые могли бы предотвратить подобные случаи в будущем, чаще всего граждане называют борьбу с коррупцией в органах судебной власти и МВД (13%), ужесточение наказания для должностных лиц, которые принимают решения по подобным делам (11%), а также ужесточение законов в целом (9%), соблюдение принципа равенства людей перед законом (7%)[1].

По данным опросов, проведённых Фондом общественного мнения (ФОМ) в июле 2013 г., 27% опрошенных деятельность российских судов и судей оценивали положительно, 35% — отрицательно, а 38% затруднились ответить. Более половины респондентов (57%) считали, что при нарушении прав, ущемлении законных интересов следует обращаться в суд только в крайнем случае. 37% опрошенных уверены в том, что в России чаще выносятся несправедливые приговоры[2]. Среди наиболее ценных прав наши граждане называли право на справедливый суд (55% опрошенных), которое чаще всего и нарушается[3]. При этом опрос июня 2012 г. показал, что отрицательные оценки работы судов в массовом сознании ощутимо преобладают, особенно среди тех, кто имел опыт судебных разбирательств. Около половины участников опроса считали, что при принятии решений суд их района руководствуется законом. Довольно многие усматривали постороннее влияние на правосудие[4].

---

[1] Неравенство перед судом и как с ним бороться? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3149. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115769 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[2] Работа судов и судей // ФОМ. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11033 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[3] Самые ценные права человека // ФОМ. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11034 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[4] О судах и судьях // ФОМ. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10551 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

Очевидно, что при низком уровне уверенности общества в гарантированном соблюдении принципа равенства перед законом, доверия общества к государственному суду о популярности альтернативных мер урегулирования споров не может быть и речи. Реформа третейства совершенно верно мыслится современной властью как составная часть судебной реформы. И в этом направлении предстоит ещё очень много сделать, прежде чем альтернативные процедуры судейства будут конкурировать с судами. Прежде чем насаждать третейство и медиаторство, необходимо повысить уважение к закону, уровень гражданской активности и ответственности, предпринимательской инициативы, повысить статус частной собственности как экономической основы для автономизации третейского разбирательства. Альтернативные способы разрешения споров предполагают высокий уровень диспозитивности, самоорганизации и внутренней дисциплины участников процесса, с одной стороны, гарантии обеспечения прав и интересов граждан, соблюдения режима законности и правопорядка — с другой. Для этого и государство, и общество должны достичь зрелости естественным путём. Это требует много времени, эволюционного типа развития, преемственности, безопасности в широком смысле.

Позитивный тренд в этом направлении уже наметился. Опять же сошлёмся на беспристрастные данные социологических опросов. Так, согласно опросам ВЦИОМ, проведённым в октябре 2015 г., эффективность работы властей по борьбе с коррупцией в 2015 г. россияне в целом оценивали существенно выше, чем в предыдущие годы. Определённые результаты деятельности власти отмечали около половины наших сограждан — 48%, а в 2005 г. их заметили лишь 30% общества[1]. Положительно к предпринимательству и предпринимателям, по данным ФОМ на июнь 2015 г., относилось 42% россиян[2].

По данным опроса ФОМ в марте 2014 г., 46% наших сограждан считали российские законы хорошими, 27% — плохими, при том, что в 2001 г. распределение было обратным: 28 и 49%. Выросла и доля полагавших, что закон надо соблюдать вне зависимости от того, хорош он или плох. Нарушителей закона стали реже оправдывать тем, что они вынуждены так поступить, и чаще объясняют их поведение неуважением к букве закона. Однако уверенность, что для России важнее

---

[1] Коррупция в России: после «дела Гайзера» // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2960. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115440 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[2] Отношение к предпринимательству и предпринимателям // ФОМ. URL: http://fom.ru/Ekonomika/12735 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

хорошие руководители, чем хорошие законы, распространена так же широко, как в 2001 г.[1]

О значимости и востребованности третейства для современной России свидетельствует Послание Президента России Федеральному Собранию РФ в 2013 г. Президент обратил внимание на задачу «серьёзного повышения авторитета третейских судов» в части разрешения хозяйственных споров. Данное им поручение правительству совместно с Торгово-промышленной палатой и Российским союзом промышленников и предпринимателей «о кардинальном совершенствовании третейского судопроизводства»[2] было выполнено: был разработан и принят Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», сменивший Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ. Новый закон вступил в силу с 1 сентября 2016 г. Изменения направлены на пресечение злоупотреблений с использованием третейских судов, которые ранее дискредитировали данный институт гражданского общества, ставили под сомнение объективность и независимость судей, расширение деятельности международного коммерческого арбитража.

Главная цель расширения практики действия третейства наряду с медиацией сводится к усовершенствованию инструмента по урегулированию экономико-правовых споров в условиях инновационного хозяйствования, деофшоризации российской экономики, превращению России в более комфортную юрисдикцию для международного коммерческого арбитража. Насколько верно выставлены приоритеты и подобраны средства их обеспечения покажут практика и время.

---

[1] О соблюдении законов // ФОМ. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11495 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[2] Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета. № 282. 13.12.2013 г.

ОТСТАВКА. ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ И СЕНАТЕ

В феврале 1803 г. согласно статье 12 манифеста «Об учреждении министерств» Державин как глава Министерства юстиции наряду с прочими министрами представил Сенату отчёт о его деятельности за сентябрь-декабрь 1802 г. К счастью, он сохранился в РГИА, в фонде Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Державин, во-первых, указал, что в отчёте дан обзор только указов и законоположений, не являвшихся секретными. К числу таких относились сохранившиеся в фонде канцелярии генерал-прокурора Сената за 1802 г. дела о жалобах крестьян на своих помещиков за жестокое обращение с ними, о раскольниках, цензуре и пр.[1] Во-вторых, он сообщил о том, что за первые четыре месяца в министерстве было зафиксировано 5645 входящих дел, из которых было решено 4950. Державиным было подготовлено 120 докладов и рапортов Сенату, из них рассмотрено и утверждено монархом 114. Нерешённые дела и нерассмотренные доклады были перенесены на 1803 г.

Во введении к отчёту Гавриил Романович объявил, что основную цель своей деятельности он видел в том, чтобы «дела в присутственных местах производились без промедления и решены были на основании закона». Несмотря на «краткость времени», он старался «изыскивать к тому средства» и поставленную цель «приводить в действие». Далее Державин со свойственной ему обстоятельностью и чёткостью изложения проинформировал сенаторов о том, какие мероприятия были им инициированы и реализованы после одобрения императором.

Итак, в заслугу себе он ставил (авторский порядок перечня сохранён):

---

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 65, 66, 194, 212, 213а, 214, 215, 216, 218, 222, 226.

1) оптимизацию канцелярского делопроизводства в Сенате (указ от 9 сентября 1802 г. «Об учреждении комитета из сенатских членов для рассмотрения сенатского канцелярского порядка»)[1];

2) убыстрение рассмотрения судебных дел в Сенате (указ от 21 октября 1802 г. «О порядке слушания дел в Сенате; о составлении записок из дел и о сокращении канцелярского обряда»). По новому порядку только за 1 месяц успели рассмотреть 42 дела[2];

3) создание обер-прокурорской консультации при министре юстиции для решения особо важных и сложных дел (указ от 21 октября 1802 г. «О правилах судопроизводства в Правительствующем Сенате, о подавании сенаторами голосов, и о соглашении их»)[3];

4) создание государственной системы соляных промыслов в Крыму (указ от 23 сентября 1802 г. «Об оставлении всех крымских соляных озёр в казённом управлении»)[4];

5) учреждение специальной комиссии для разработки «Положения для евреев» (высочайшее повеление от 9 ноября 1802 г.);

6) составление правил для Герольдии (указ от 10 сентября 1802 г. «Об избрании особого дня в неделе для общего в 1-м департаменте Сената присутствия по делам Герольдии и о составлении правил для оной»)[5];

7) перевод в обычный режим рассмотрения дел бывшей Тайной экспедиции (указ от 28 сентября 1802 г. «О рассмотрении дел, принадлежащих до Тайной экспедиции в 3-м и 4-м Сената департаментах»)[6];

8) разработка антикоррупционного закона (указ от 18 ноября 1802 г. «Об искоренении лихоимства»)[7];

9) введение указания Камер-коллегии о скорейшем решении старых дел (указ от 23 ноября 1802 г. «Об оставлении департаменту Камер-коллегии для разбора и решения старых дел»)[8];

10) введение правил третейского разбирательства споров между питейными откупщиками и их служащими (указ от 30 ноября 1802 г. «О производстве дел в судах третейских для разбора споров питейных откупщиков с их служителями»)[9];

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 412.

[2] Там же. № 20 478.

[3] Там же. № 20 477.

[4] Там же. № 20 428.

[5] Там же. № 20 414.

[6] Там же. № 20 434.

[7] Там же. № 20 516.

[8] Там же. № 20 523.

[9] Там же. № 20 533.

11) введение нового порядка рассмотрения спорных дел в московских департаментах Сената (указ от 7 декабря 1802 г. «О решении дел в московских Сената департаментах при случае разногласия, по большинству голосов, без переноса оных в общее собрание санктпетербургских департаментов»[1]);

12) введение выдачи денежной компенсации помещикам-мусульманам за крепостных крестьян, перешедших в православную веру и получивших свободу (указ от 9 декабря 1802 г. «О выдаче денег магометанским владельцам за отходящих от них, по принятии христианского закона, крепостных людей по Уложению 20 гл. 71 п.»)[2];

13) введение практики открытого объявления приговоров подсудимым по уголовным делам (указ от 23 декабря 1802 г. «О разделении уголовных и следственных дел между 4-м и 5-м департаментами Сената и о объявлении подсудимым приговоров уголовных палат при открытых дверях»)[3].

Им были внесены следующие предложения в виде проектов указов, которые не были утверждены: о предписывании губернским прокурорам наблюдать за успешным производством дел на местах и уведомлять начальство о замеченных беспорядках (26 сентября 1802 г.); наведении порядка в Астраханской губернии (30 ноября 1802 г.); пресечении беспорядков в Рязанской губернии (2 декабря 1802 г.); порядке приёма на государственную службу чиновников, ранее состоявших под следствием и судом (17 декабря 1802 г.); предписании обер-прокурорам сообщать свои мнения о тех делах, которые необходимо было рассматривать в особом порядке (18 декабря 1802 г.). Проект об условиях возвращения на государственную службу чиновников, бывших под следствием и судом и попавших под амнистию в начале апреля 1801 г., стал законом лишь 17 июня 1803 г. Согласно ему обо всех дворянах из данной категории (кроме осуждённых за убийство, разбой и взяточничество), пожелавших поступить на службу, губернские власти и дворянское собрание должны были подготовить сведения, провести выборы среди претендентов на вакантные должности и выслать в Герольдию их формулярные списки. Герольдия должна была подготовить окончательные списки кандидатов на государственную службу и передать для утверждения в Сенат[4].

---

[1] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20546.

[2] Там же. № 20548.

[3] Там же. № 20561.

[4] Там же. № 20800.

Кроме того, от себя Державин выдал ряд распоряжений своим подчинённым: предписание обер-прокурорам окончить споры по выслушанным делам (22 сентября); запрещение прокурорам коллегий приостанавливать исполнение по приговорам (30 сентября); предписание губернским прокурорам содействовать скорейшему освобождению колодников (11 октября). Державин особо подчёркивал необходимость поддержания единого правового пространства на территории империи и соблюдения законов во всех её частях. Для этого, как он считал, законы должны были быть максимально ясными и непротиворечивыми.

Таким образом, согласно представленному Державным отчёту по его инициативе императором было подписано 13 указов, внесено 5 проектов предложений и дано 3 предписания по вверенному ведомству суда и юстиции. Державин указал, что не стал упоминать «всякие канцелярские мелочи», так называемую текучку[1]. Сравнивая эту информацию с протоколами Комитета министров, можно обнаружить, что Державин не указал как минимум ещё четыре разработанных им указа, подписанных императором. Если изучить содержание тома № 27 «Полного собрания законов Российской империи» за сентябрь–декабрь 1802 г., то окажется, что по инициативе министра юстиции был принят как минимум ещё один указ — от 28 сентября 1802 г. «О несложении недоимок по обязательствам частных людей с казною, в силу милостивейших манифестов», — не отражённый ни в опубликованных журналах заседаний Комитета министров, ни в его собственном отчёте[2]. Итого получается, что из 172 указов, подписанных с 8 сентября по 31 декабря 1802 г., 18 (10,5% от их общего количества) были разработаны лично Державиным.

На приведённый отчёт Державина сенаторы в составе 27 человек, согласно предписанию закона, составили отзыв и дали оценку его деятельности. Они сделали замечание о том, что вывод об успехе оптимизации канцелярского делопроизводства в Сенате и Министерстве юстиции Державиным был сделан преждевременно, так как правила введены были недавно и не успели показать свою эффективность. Сенаторы скептически отнеслись к введённому порядку заблаговременной подготовки к слушанию на общем собрании Сената справок из судебных дел, ведь составлять экстракты и выписки из дел в 1762 г. повелела Екатерина II. Однако это нововведение не противоречило законам, в целом Сенат считал его полезным для быстрого решения

---

[1] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 172. Л. 34–40 об.

[2] ПСЗ-1. Т. XXVII. 1802–1803 гг. № 20 435.

дел. Сенаторы лишь указали на то, чтобы Державин следил за своевременностью сочинения резолюций по делам и их исполнением.

Сенаторы высоко оценили полезность для ведомства создания обер-прокурорского совета, или консультации при министре юстиции, — он помогал решать сложные дела. Эти совещания не противоречили должностным инструкциям генерал-прокурора и его помощников. Все указы, принятые по инициативе Державина, а также разработанные им для подчинённых предписания приветствовались сенаторами и служили, по их мнению, «правилами на будущие времена».

Предложение о соблюдении сроков исполнения приговоров решено было перенести на следующий год. Вообще результативность указов, ожидавших одобрения императора, следовало рассматривать в следующем отчётном периоде. Сенаторы предложили в следующем отчёте указывать количество решённых и исполненных дел, отпущенных на свободу колодников. В качестве недостатка было указано на отсутствие в докладе информации о потраченных Министерством юстиции и Сенатом выделенных казённых денежных суммах[1].

Несмотря на довольно высокую, но сдержанно-холодную оценку министерской службы Державина за первый год её несения, отношения с императором и коллегами становились всё более натянутыми. Со временем раздражение императора на дотошность и принципиальность своего министра юстиции росло. На систематические возражения Державина по вопросам государственного управления Александр стал изводить его придирками. Вероятно, после очередного замечания Александра о медленном рассмотрении дел в Сенате Державин составил специальную записку «О делах по канцелярии министерства юстиции», направленную Александру I. Она не подписана и не датирована, написана писарским почерком, на полях имеются пометы Державина. В ней он довольно уверенно, с чувством собственного достоинства, как всегда безукоризненно логично и чётко пояснял императору, какие дела составляли круг его министерской деятельности. Он подчёркивал, что в его обязанности не входила подготовка обзоров направляемых на имя государя всевозможных частных просьб, касавшихся служебных перипетий и проблем социального обеспечения дворян. Этим занимались статс-секретари (и это он знал совершенно точно — ведь некогда и он был статс-секретарём его бабушки). Своё мнение Державин подкреплял ссылкой на инструкцию 1763 г.

Кроме того, он напомнил монарху о том, что ему от его предшественника генерал-прокурора Сената А. А. Беклешова досталось

---

[1] РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 172. Л. 11–25 об.

«большое наследство» в виде 1340 нерешённых дел, из которых лишь 164, согласно утверждённому разграничению полномочий министров, было передано на дальнейшее рассмотрение другим министрам. Среди оставшихся 1176 дел были жалобы на решения императора и Сената, волокиту в присутственных местах, прошения о награждении чинами, пенсией, назначении на должности, «о пожаловании единовременной монаршей милости». Для решения вопроса с жалобами на решения Сената Державин с согласия императора создал две комиссии из сенаторов, которые отсортировали жалобы на те, что заслуживали внимания на общем собрании Сената, и на необоснованные, подлежавшие отказу в дальнейшем рассмотрении. Далее, ссылаясь на указы Петра Великого, Державин напоминал о запрете подавать жалобы государю на его указы, а также о позже введённом правиле подавать прошения о награждении чином, должностью, выдаче пенсии не лично дворянами, а через своё начальство.

В соответствии с этими рассуждениями министр предлагал монарху узаконить следующий порядок рассмотрения поступавших в Сенат прошений и жалоб: все прошения на имя императора должны были поступать к статс-секретарям, которые и докладывали бы о них государю; жалобы на волокиту в присутственных местах сразу же передавать губернаторам для рассмотрения по существу; прошения о чинах, должностях и пенсиях принимать к рассмотрению только после оформления их от имени вышестоящего начальства просителя; просьбы о единовременном награждении с приложением необходимых сведений и послужного списка просителя передавать императору на личное рассмотрение.

В силу решения Александра направлять подобного рода бумаги генерал-прокурору Державин представил своё мнение о том, как он собирался поступать с таким огромным объёмом прошений и жалоб. Так, жалобы на волокиту в учреждениях он будет направлять губернским прокурорам для решения на месте, обязав их одновременно представить объяснение причин проволочек; ежемесячно составлять доклады о содержании людей в казённых ведомствах и положении сирот, о поступивших жалобах по этой части; ежемесячно составлять доклады по просьбам о чинах, пенсиях и должностях с указанием служебных и личных заслуг просителей; ежемесячно составлять и представлять на личное монаршее утверждение списки просителей единовременной денежной помощи; все прошения, поданные в Сенат, но по содержанию относившиеся к конкретным министерствам, направлять соответствующим министрам. Подобным образом Державин стремился соблюдать утверждённый порядок и структуру деятельности

исполнительной власти, не допускать накопления нерешённых дел, освободить императора от личного рассмотрения мелких текущих дел, сосредоточив его внимание на безотлагательных и срочных *(см. приложение № 1, документ № 9)*[1].

Характерна и запись в реестре докладов Державина императору, датированная накануне его отставки — 6 октября 1803 г. В этот день он представил царю один доклад и одну записку. Последняя касалась просьбы цесаревича Константина о разрешении выдавать отставным рейтарам вместо земли деньги. Она осталась неудовлетворённой. Обращает на себя внимание и тон записки — отстранённо-безразличный, почти предчувствовавший неизбежное скорое оставление государственной службы *(см. приложение 1, документ № 10)*[2].

По мере углубления противоречий министерское кресло под Державиным всё больше шаталось. Он и не держался за него. Развязка наступила в начале октября 1803 г.: ему был вручён монарший указ об увольнении с должности министра юстиции и генерал-прокурора и предложение остаться в Сенате и Государственном совете с сохранением за ним министерского жалования в 16 тыс. руб. в год и Андреевская лента в придачу. На что Гавриил Романович, почувствовав себя оскорблённым, заявил отказ и просьбу о полной своей отставке с государственной службы. Его желание было удовлетворено: 7 октября 1803 г. последовал указ о его отставке и уходе с государственной службы вообще «с оставлением ему полного жалования и 6 тыс. руб. столовых денег ежегодно» *(см. приложение 1, документ № 11)*[3]. Так завершилась его более чем сорокалетняя «ревностная» деятельность на благо Российской империи, содержание которой может служить сюжетом приключенческого романа.

Причинами «остуды» императора были и происки недоброжелателей, и то, что он «сильно держался справедливости, не отступая от нея ни на черту, даже в угодность самого императора». Период службы при Александре, при котором государство управлялось интриганами и подлецами, Державин называл «несчастным»[4]. Под ними он подразумевал как вельмож старой генерации, так и недавно попавших в фавор членов Негласного комитета. О них Державин писал, что они были «людьми ни государства, ни дел гражданских основательно не знающими». Гавриил Романович с гордостью говорил о том, что он

---

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 196. Л. 10–13.

[2] Там же. Д. 211. Л. 55–55 об.

[3] РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 675. Л. 1–1 об.

[4] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 483, 493–494.

«следовал законам и справедливости» несмотря ни на какие сильные лица и противныя его партии»[1].

Спустя почти три месяца после отставки, в начале января 1804 г., Державин в письме к В. В. Капнисту писал уже в другом, спокойном тоне: «...я очень доволен, что сложил с себя иго должности, которое меня так угнетало, что я был три раза очень болен; а теперь, слава Богу, очень здоров, делаю что хочу, при дворе мне кажут довольно уважения, зовут на обеды, на балы, и вчерась был у вдовствующей императрицы, а сегодня к императору зван на ужин, да и каждую неделю удостаиваюсь сей чести от государыни. Словом, пью, ем, да гуляю, а также приволачиваюсь иногда за кем-нибудь»[2].

Отставке Державина его недруги открыто радовались. Министр народного просвещения П. В. Завадовский 16 ноября 1803 г. в письме к графу С. Р. Воронцову писал по поводу отставки Державина: «Плуг худо пашет в запряжке старого быка с юным. Общее возрадование, что князь Лопухин переменил Державина. Не дай Бог, чтобы когда нибудь в министерстве очутился подобный поэт»[3]. Примеры злорадных пасквилей на экс-министра юстиции приводил Я. К. Грот. Их острота и количество свидетельствует о том, насколько сильно и насколько многим чиновникам успел насолить Державин[4].

Но были и те, кто искренне опечалился его отстранению с этой должности. Так, один из сотрудников Коллегии иностранных дел В. Ф. Малиновский записал в те дни в своём дневнике: «Великая беда России, случайность и покровительство. Лишить места ничего не стоит, только захотелось вельможе. Буде нет случая и покровительства, с одною исправностью и честностью долго не усидишь»[5]. Вероятно, среди них был автор анонимного хвалебно-благодарственного письма, адресованного Державину 23 февраля 1803 г. Приведём его текст полностью. Некто писал: «Благодарю тебя благородный человек, и благословляю день твоего рождения! Ты утешил мою старость, и прибавил несколько лет моей жизни.— Теперь я вижу, что ты велик в уме,— велик в душе, и, велик в добродетели коль скоро

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 455.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 144.

[3] Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12. С. 277.

[4] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 836–844.

[5] Цит. по: Михайлова Л. Б. Г. Р. Державин и Ф. В. Малиновский (к публикации статьи Ф. В. Малиновского «О величестве духа») // Державин и его время: сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Морозовой. СПб., 2015. Вып. 10. С. 29–30.

рекомендованные мною получили от всех повеление, а чрез три дни ето узнал, потому что в здешнем маленьком градке и по хитрости ума сибиряков, ничего сокрыться не может, везде и многия говорили “на нынешней почте Шалимов, Зиновьев, Степанов, Кругликов и Донской получили от министра повеление”. При этом благовесте добрыя люди радовались, а подлецы задумывались. Я же слава Богу моего и с восторгом того же <...> (неразборчиво. — *Н.Ц.*) грядёт в полунощи и блажен раб... Теперь ещё идёт одна моя просьба: при удобном случае, Бога ради, верность сих людей апробуйте: ничем другим человека с пути доброго, совратить неможно, как и интересом. Эту то самую погибель пустить им можно посредством какого-нибудь постороннего доверенного человека, и ежели они, против больший суммы устоять, тогда в лучшем восхищении души моей я буду петь славу “слава в вышних богу и на земле мир в человецах благоволение”.

Здесь слухи идут: что вельможи стараются тебя отдалить, и что действий твоих добрых намерений уже мало уважаются... Немудренно, что подлецы могут плести для тебя сети, но я только уверен, что от одного взгляду твоего, Есеи тех сетей полопаются, и делатели оных обрывками сами опутаются, и исчезнут яко дым в воздухе. Иди почтенный человек своею дорогою, и знай что невинность никакою силою, и никакою наглостию осквернимы быть не может. Чтоб в жизни твоей и по смерти был сооружён вечный девиз! Бог, дружба и честь.

Почтенный человек! О себе я долгом почитаю сказать: что давно уже я занимаюсь описанием коммерческой торговли и металлических заводов здешнего края, и проектом о приведении той и другой в лучшее состояние.

Ежели старые мои силы позволят, я постараюсь в половине нынешняго года, те труды мои посвятить бесподобному из смертных!.. Тогда вы узнаете старца, сидящего при Иртыше, в уединённой хижине от зноя и ненастья времён. А теперь с благоволением воззрите на мою и ваших успехах радость; на удивление моё к деяниям великого человека; на желание вам больших успехов; наиглубочайшее почтение и на нерушимую преданность»[1].

Это письмо хранится в ОРН РНБ в бумагах Державина, собранных Я. К. Гротом. Из его контекста ясно, что Державин наказал каких-то местных махинаторов и местный житель, судя по стилистике письма, скорее всего из дворян, благодарит его за это. К сожалению, он

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 28. Л. 127–127 об.

не захотел раскрывать своё имя (опасаясь, видимо, практики перлюстрации писем), поэтому достоверно установить, кто это был, сейчас трудно. Однако случайная находка в фондах РГИА письма сибирского купца Михаила Сибирякова от 5 мая 1802 г., адресованного генерал-прокурору Сената А. А. Беклешову, позволила нам узнать, в результате какого события написал ранее указанное сообщение министру юстиции Державину анонимный автор из далёкой Сибири. В письме к влиятельному государственному чиновнику Сибиряков, ссылаясь на знакомство с ним в молодые годы и зная его расположение к купечеству, сообщал, что некий старец, «в севере живущий, шестидесяти лет и сединами покрытый», просил передать ему письмо на имя императора. Сибиряков просил оказать по ходатайству старика покровительство притесняемым местными властями служащим Тобольской губернии: статскому советнику Шалимову, коллежскому советнику Зиновьеву, титулярному советнику Донскому. Они, как замечал посредник, «достойны и стоят лучшей доли»[1].

Как следует из анонимного письма, его автор, отставной подполковник, 45 лет служивший Отечеству, «был в походах, следовал всегда добродетели, презирал зло, чужд был порокам, ненавидел льстецов». Он уже 17 лет жил в г. Тобольске. Наблюдая изменения в стране, он решился обратиться через генерал-прокурора Сената к императору. Причинами стали злоупотребления «беспечных» чиновников Тобольской, Вятской, Иркутской губерний, которые «заботились о собственных удовольствиях, грабили население, нарушали законы». Аноним предлагал конкретные меры «очистки нравов и удержания зла»: заменить проворовавшихся чиновников «хорошими, умелыми, грамотными управленцами». Так, на должность губернатора Вятской губернии он советовал назначить пермского губернатора К. Ф. Модераха — «деятельного, расторопного, знавшего своё дело и должность, сохранявшего присягу». Управление Иркутской губернией он предлагал поручить начальнику Тобольской провиантской комиссии генерал-майору Ф. Т. Куткину, «рождённому и воспитанному там, хорошо знавшему те края». Для Тобольской губернии идеальным губернатором, по его мнению, стал бы комендант Иркутского наместничества А. И. Маркловский. Оба они были «хорошего ума, благоприятны и попечительны в своём деле».

Особо внимание государя он обращал на судьбу служащих Тобольского губернского правления — Шалимова, Зиновьева и Донского. Они, «прилепленные к добродетели, чуждые пороков, ведут самую

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 89. Л. 1–1 об., 4.

лучшую и благороднейшую жизнь, гонители всякого зла, и за то самое страждут, без всякой притчины, оставлены бес призрения, и остаются в неизвестности». Они, как сообщал автор письма, «находятся в руках шайки беззаконников, беззащитны, наивны, а те, имея власть, используют её во зло». В связи с этим он, ручаясь за них, и просил монарха оказать им покровительство и «употребить их на пользу государству»[1].

Призыв о помощи угнетаемым чиновникам был услышан, как видно из ранее приведённого письма-благодарности министру Державину. Не случайно, что именно Гавриил Романович откликнулся на него — уж слишком хорошо была знакома ему подобная несправедливость. Был реализован и один из советов мудрого старца: в 1804 г. учреждённое Пермское и Вятское генерал-губернаторство возглавил пермский губернатор К. Ф. Модерах, сделавший много для благоустройства и развития этих территорий[2].

Не менее интересна история дружбы Державина и купца Сибирякова. Михаил Васильевич Сибиряков был иркутским купцом первой гильдии, представителем знаменитого сибирского купеческого рода Сибиряковых. Он родился в 1744 г., вначале занимался пушным промыслом, потом был крупным винным откупщиком, вместе с сыновьями занимался доставкой свинца и меди с нерчинских заводов в г. Барнаул и г. Екатеринбург, имел флот из шести судов на о. Байкале. Сибиряков пользовался общественным авторитетом: почти сорок лет участвовал в городском самоуправлении, будучи заседателем в городском магистрате, суде и городским головой, был удостоен почётного звания именитого гражданина г. Иркутска. В 1792 г. Сибиряков обращался за помощью к Державину, тогда статс-секретарю Екатерины II, о выделении ему государственного кредита для восстановления разорённого местными властями Воздвиженского завода по выплавке серебра. Его прошение было решено положительно — он получил искомый льготный кредит[3].

Известно, что в благодарность за помощь Сибиряков выслал Державину соболиные шубу и шапку. В ответ Державин подарил ему свой портрет в натуральную величину в подаренных шубе и шапке, изо-

---

[1] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 89. Л. 2–3 об.

[2] Кирьянов И. К. Карл Фёдорович Модерах // Пермские губернаторы: традиции и современность / под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. Пермь, 1997. С. 42–49.

[3] Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. I. Государственная деятельность в царствование Екатерины II / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2018. С. 94–95.

бражавший его на снегу у подножия скалы на фоне г. Иркутска и вод р. Ангары. Эта информация сообщалась государственным деятелем и учёным-пенитенциаристом начала XX в. М. Н. Галкиным-Врасским, увидевшим портрет в гостиной дома генерал-губернатора Анучина[1], уточнённая позже неким В. П., который писал о том, что данный портрет, висевший в доме Сибиряковых, позже вместе с проданным домом поступил в казну[2]. Действительно, этот портрет, созданный в 1801 г. художником С. Тончи, хорошо известен современникам и висел в доме Державина в г. Петербурге. В 1805 г. с него была снята копия, и в 1870-е гг. художником С. Вронским добавлен фон с видом г. Иркутска.

Участие Державина в судьбе сибирского купца в последующем продолжилось. Позже вместе с купцом Н. Мыльниковым Сибиряков активно противостоял губернским властям в делах развития предпринимательства и городского самоуправления. Так, в 1802 г. Сибиряков вместе с иркутскими мещанами и цеховиками подавали в Сенат жалобы на иркутского военного губернатора Б. Б. Леццано на «чинимые им разные злоупотребления и притеснения». По распоряжению Державина они были переданы для рассмотрения по существу в четвёртый департамент Сената. Однако чем закончилось это дело из архивного материала, нам неизвестно[3]. Апогея борьба достигла при генерал-губернаторе И. Б. Пестеле. В 1809 г. М. Сибиряков был лишён купеческого звания и сослан в г. Нерчинск в «работные люди», где и скончался в 1814 г.[4] Вместе с ним разделил такую же участь его друг, купец Николай Мыльников, отправившийся в ссылку в г. Баргузин.

В начале 1811 г. Державин по просьбе сыновей сосланных обращался к генерал-губернатору Сибири И. Б. Пестелю о снисхождении к осуждённым. По повелению императора всесильный тогда государственный секретарь М. М. Сперанский запросил у генерал-губернатора И. Б. Пестеля объяснение о положении Сибирякова

---

[1] Галкин-Враский М. Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. // Русская старина. 1901. № 1. С. 155–156.

[2] Портрет Державина в Иркутске // Русская старина. 1901. № 5. С. 234.

[3] РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 3. Л. 15–16 об., 25–26 об., 33.

[4] Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006.

Гаврилова Н. И. Сибиряков Михаил Васильевич // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / под ред. Л. М. Дамешека, Д. Я. Резуна. Новосибирск, 1997. Т. 4. Кн. 1. С. 47–48; Сибиряковы // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 103.

и Мыльникова, о чём сообщал Державину в письме от 17 марта 1811 г.[1] В ответ на присланные по этому делу бумаги Державин 18 марта того же года направил царедворцу свои замечания на объяснение Пестеля, в котором тот писал о злобе, мстительности, ябедничестве и дерзости купцов, сеявших раздор в иркутском городском обществе. Державин возражал против позиции Пестеля, обвинявшего купцов в клевете на бывших губернатора Якоби и военного губернатора Леццано, неповиновении губернским властям. Державин, хорошо знавший обстоятельства дела Якоби, отрицал участие купцов в махинациях и доносительстве. Сенатор упрекал иркутские власти в главном — в том, что купцы были наказаны без суда, поэтому он просил Сперанского провести следствие и суд по всем правилам закона, а лучше освободить невиновно ссыльных, учитывая их преклонный возраст и неопасность для общества[2]. Державин даже поручался за них, с надеждой восклицая: «...страсти человеческие, защищаемые людьми сильными, и при всём строгом исследовании и в суде с трудом прямое лицо своё показывают. Время только одно иногда обнаруживает и освещает их»[3]. Несмотря на активное заступничество Державина, судьба ссыльных осталась неизменной.

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 207–208.

[2] Ф. 1409. Оп. 1. Д. 607. Л. 3–4 об., 38–44 об., 48–61 об.

[3] Там же. Л. 4 об.

ДЕРЖАВИН-МИНИСТР ЮСТИЦИИ В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Уже в первой половине XIX в. позднейшие современники стали писать о Державине-министре и генерал-прокуроре отдельные исследования, приуроченные к разного рода юбилеям Сената и Министерства юстиции. Так, ещё до издания Я. К. Гротом биографии Державина и публикации собранных им материалов П. И. Иванов, первый директор Московского архива Министерства юстиции, давая характеристику Державину-министру, считал, что на этой должности «во всей силе проявилась вся неуживчивость его характера и страсть к раздорам»[1].

Коллектив авторов (П. Н. Милютин, А. А. Живкович, М. Я. Скропышев, А. Н. Гейне, Н. А. Мурзанов) и редактор юбилейного издания, приуроченного к столетию Министерства юстиции в России, юрист и сенатор П. Н. Гуссаковский дали ему более мягкую и взвешенную оценку. В числе заслуг Державина-министра они называли разработку должностных инструкций и штатного расписания ведомства в виде «Учреждения департамента министерства юстиции или генерал-прокурора», значительное сокращение делопроизводства, введение консультации обер-прокуроров. Среди недочётов в его деятельности, как и его преемников в первой половине XIX в., они упоминали сосредоточение внимания на сенатских делах в ущерб проблемам судопроизводства[2].

Дореволюционный юрист А. Н. Филиппов в подготовленной им серии статей к столетнему юбилею Министерства юстиции писал о Державине как о «представителе старого поколения дельцов екатерининского века». Его личность не привлекала исследователя — большее внимание он уделил роли Сперанского, подготовившего и успешно

---

[1] Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863. С. 106.

[2] Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк. СПб., 1902. С. 21–23.

проведшего второй этап министерской реформы. Главной темой для нападок А. Н. Филиппова на первого министра юстиции стал «громко заявленный, но давший мало осязаемых результатов» принцип министерской ответственности перед Сенатом. Чётко зафиксированный в манифесте о создании министерств, своим исполнением на практике он не был обеспечен. Хоть Державин и настаивал на обязанности министров отчитываться перед Сенатом, однако в реальности это требование слабо выполнялось. Годовые отчёты министры подавали лишь первые два года, а потом и вовсе забыли о них. Манифест о создании министерств, по мнению юриста, был мало продуманным законодательным актом, спешно составленным, политическая ответственность министров провозглашалась, но не гарантировалась[1].

В начале XX в. юрист С. П. Покровский обвинял Державина-министра в намеренном ослаблении власти и значения Сената. Он, по его мнению, лицемерно прикрывался щитом борца за самодержавие в борьбе с аристократией. Министр высокомерно относился к сенаторам, не допуская их до вынесения решений, узурпируя эту привилегию[2].

В советское время, продолжая заложенную ранее «юбилейную линию», был издан ряд фундаментальных работ по истории государственных учреждений, в том числе и сферы юстиции. При этом персонально Державину-министру не было посвящено ни одной работы. Не вдаваясь в историографию данного вопроса, отметим лишь монографию Н. Н. Ефремовой об истории Министерства юстиции в дореволюционный период. Эта книга и по сей день остаётся одним из комплексных исследований дореволюционной истории этого государственного органа власти. В духе того времени исследовательница писала о классовой «законности» Министерства юстиции, одного из «самых влиятельных царских министерств» на протяжении всей дореволюционной истории его существования, выражавшего политический интерес царской власти (что служило инструментом подавления революционных выступлений) и охранявшего земельные права дворянства (в нём разбирались судебно-межевые дела). Державин, по мнению юриста, в целом проводил реакционную политику, ведь совмещение должностей генерал-прокурора Сената и министра юстиции она объясняла стремлением власти укрепить самодержавие путём усиления карательного аппарата, возглавляемого министром юстиции. Из заслуг Державина Н. Н. Ефремова отметила составление

---

[1] Филиппов А. Н. Исторический очерк образования Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 9. С. 41, 52, 54–55, 69; № 10. С. 2–5, 7.

[2] Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906. С. 80.

им должностных инструкций, введение практики обер-прокурорских консультаций, подготовку проекта реформы третейского суда. Гораздо большее внимание ею было уделено роли министерства в подготовке и проведении судебной реформы 1864 г.[1]

В 1990-е гг. ситуация с изучением наследия Державина в области юстиции улучшилась. В журнале «Российская юстиция» в 1994 г. была опубликована статья московских историков А. Клименко и А. Савельева. Они высоко оценивали государственную деятельность поэта, особенно в должности министра юстиции, заключив, что «вся его жизнь была страстным служением идеалам законности, справедливости, чести и долга». Даже «под многочисленными ударами судьбы он сохранял прямодушие, неуступчивость, принципиальность», полагали они[2].

Юрист А. Г. Звягинцев (некогда заместитель Генерального прокурора РФ) и историк Ю. Г. Орлов также высоко оценивали усердие и служебное рвение министра Державина, благодаря которым за непродолжительное время его пребывания в должности министра юстиции удалось осуществить ряд важных мероприятий: была создана консультация обер-прокуроров, просуществовавшая до падения монархии в 1917 г., было сокращено канцелярское делопроизводство в Сенате, был принят указ, предоставивший осуждённым за должностные преступления чиновникам в течение двух недель обжаловать приговоры судов. Он предлагал также принять указ о взяточничестве, противодействовал непотизму и коррупции, разработал обстоятельный проект третейского суда. К тому же, как отмечали исследователи, Державин умел подбирать себе толковых, талантливых сотрудников. Исследователи с уважением писали об отстаивании им своих взглядов даже в случаях явного несогласия с императором[3].

В период празднования двухсотлетнего юбилея министерств по известной традиции также появилось немало работ по истории Министерства юстиции, в которых упоминалась деятельность первого его министра. Среди них, конечно, выделяются обобщающие работы[4]. Знаменательно, что в одном из новейших изданий об истории Министерства юстиции членами редколлегии выступили знаменитые

---

[1] Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М., 1983. С. 34–35, 41–42, 147–148.

[2] Клименко А., Савельев А. «Умом прям, а душою прост» // Российская юстиция. 1994. № 3. С. 34.

[3] Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995. С. 43–47.

[4] Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002): историко-правовой очерк / науч. ред. М. М. Рассолов, С. А. Батова. М., 2002.

юристы, министры юстиции советского периода и «новой» России разных лет, включая текущего руководителя ведомства того периода: В. И. Теребилов, А. Я. Сухарев, В. Ф. Яковлев, П. В. Крашенинников, Ю. А. Чайка. Особое, но довольно скромное внимание в этом издании его составители, разумеется, уделили первому министру юстиции. В частности, они отметили, что державинские предложения о сенатской реформе хоть и не были восприняты целиком, но идея о совмещении должностей генерал-прокурора Сената и министра юстиции была реализована на практике. Кроме того, авторы юбилейного издания подчёркивали заслуги Державина в проведении им большой работы по организации и централизации аппарата министерства. Они обращали внимание на то, что он лично разработал Положение о департаментах Министерства юстиции, отрабатывал механизм взаимодействия с Сенатом, боролся с мздоимством и казнокрадством. Однако его требовательность в вопросах соблюдения законов и жёсткая позиция по ряду дискутируемых тогда вопросов стали причинами столкновений с коллегами и скорой отставки[1].

В работе В. Д. Сысоева о времени министерства Державина отмечалось его личное участие в организации работы департамента Министерства юстиции, составлении правил внутреннего распорядка канцелярии министерства. Особо исследователем обращалось внимание на составленный министром юстиции проект третейского суда, который он намеревался объединить с совестным судом[2]. А вот Л. А. Тарасова, в свою очередь, так же, как и многие исследователи-юристы, упоминала о Державине лишь вскользь, как об организаторе работы центрального аппарата министерства[3].

Интерес к истории становления и развития органов юстиции в настоящее время не снижается, подтверждением чему служат научные работы, периодически появляющиеся в печати. Например, авторы одного из фундаментальных изданий по истории государственной власти в дореволюционной России отмечали, что именно Державин, известный больше как поэт и драматург, стоял у истоков российской системы юстиции. В период своего министерства он храбро вёл

---

[1] Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002): историко-правовой очерк / науч. ред. М. М. Рассолов, С. А. Батова. М., 2002. С. VII, 14–18.

[2] Сысоев В. Д. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002 гг.). Факты, события, лица // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 147.

[3] Тарасова Л. А. Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской империи, 1802–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13.

«борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти, взяточничеством». При этом авторитетный коллектив авторов указал на то, что «далеко не все предложенные министром новшества получили высочайшее одобрение», имея в виду проект правил третейского суда, который, по их мнению, оказался «мертворождённым»[1].

Из новейших работ, созданных людьми, причастными к сфере юстиции, что немаловажно, привлекает внимание вышедшая в свет в конце 2015 г. книга «12 апостолов права». Её автор — П. В. Крашенинников, известный современный юрист, политик, в конце 1990-х гг. занимал должность министра юстиции, ныне — председатель общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов». В этой работе, посвящённой истории рождения и развития в России идей закона и законности, права и правосознания, среди двенадцати персон (М. М. Сперанский, М. А. Корф, отец и сын Д. Н. и В. Д. Набоковы, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, В. А. Маклаков, В. И. Теребилов, Ю. Х. Калмыков, С. А. Хохлов, С. С. Алексеев) в числе первых справедливо упомянут Державин — «личность масштабная и многообразная». Его автор называет «предтечей идеологии верховенства закона в стране». Профессиональный юрист Крашенинников подчёркивает, что Державин не был юристом и образование получил, по существу, самостоятельно. Однако Гавриил Романович «был “стопроцентной” служакой, пробившимся с самых низов на самую верхушку государственной системы». С подачи Державина «идея верховенства закона была вброшена в социальную практику Российской империи». Как бывший министр юстиции Крашенинников высоко оценивает деятельность Державина, знаменитого коллеги, по организации работы одного из ведущих ведомств страны[2].

Из ряда новейших историко-правовых работ приятным исключением является упомянутая большая статья петербургского историка, архивиста Н. С. Крылова[3]. Он существенно расширил современное представление о министерской деятельности Гавриила Романовича, изучив порядка 107 дел фонда Министерства юстиции за 1803 г. и около 66 дел — фонда канцелярии генерал-прокурора Сената за 1802 г.[4]

---

[1] Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917 / науч. ред. Н. Ю. Семёнов. СПб., 2008. С. 432–433.

[2] Крашенинников П. В. 12 апостолов права. М., 2015. С. 9, 17, 30.

[3] Крылов Н. С. Министерская служба Г. Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2014. Вып. 9. С. 44–69.

[4] Там же. С. 46.

Именно он уделил должное внимание деятельности Державина-министра, введя в широкий оборот уникальные документы из архивных собраний РГИА. Его начинания, безусловно, требуют продолжения: систематической исследовательской работы как минимум в фондах архива г. Санкт-Петербурга.

Интересные выводы и обобщения о деятельности Державина как представителя властной элиты начала XIX в. содержатся в ряде исследований в сфере ментальной и политической истории. Например, историк Д. В. Тимофеев посредством реконструкции социокультурной среды изучил особенности восприятия европейских либеральных идей российским дворянством начала XIX в., используя просопографический метод, метод статистической обработки биографических данных, метод сравнительно-сопоставительного анализа мировоззренческих позиций и программных установок отдельных представителей правительственной элиты с либеральными высказываниями ряда европейских мыслителей.

По мнению исследователя, Державин как один из представителей дворянской и управленческой элиты осуществлял свою деятельность при Александре I в духе особой национальной модели либерализма — русского консервативного либерализма. Власть в начале XIX в., по мнению Д. В. Тимофеева, осуществляла преобразования «с оглядкой» в прошлое, заимствованные извне идеи задавали лишь общие ориентиры развития, достижение которых планировалось традиционными методами[1].

Историк А. Ю. Минаков позиционирует Державина как одного из основоположников, идейных лидеров отечественного национально-патриотического направления, известного как «русская партия», возникшего как реакция на процессы «западнизации» страны. Оно было сродни западноевропейскому консерватизму, зародившемуся в качестве идейно-политической реакции на идеи Просвещения и Французской революции. Державин как один из главных выразителей консервативных кругов призывал Александра I вернуться к началам царствования Екатерины II. В проекте реформирования Сената он пытался поставить под контроль патриотически настроенной аристократии либерально настроенного монарха и его советников, усилив власть Сената. В должности министра юстиции и генерал-прокурора Державин стал ярким выразителем и генератором

---

[1] Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 16–17, 188, 190–191.

национально-патриотических настроений. Этот вывод А. Ю. Минаков подтверждал инициативами Гавриила Романовича при обсуждении крестьянского вопроса, «еврейского вопроса», проблемы миссионерской деятельности католиков на территории России, военной службы дворян и пр. «Бесспорный антилиберализм, монархизм и русский национализм позволяют считать Державина одним из первых государственных деятелей складывающейся русской партии» — таково заключение историка[1].

При всём видимом обилии исследовательской литературы приходится с сожалением признавать, что собственно о Державине, предтече, основателе и организаторе Министерства юстиции (эпитеты, которые повторяют как мантру практически все авторы научных и научно-популярных работ), ещё не создано обобщающего труда, основанного на изучении уцелевших архивных документов и опубликованных материалов. Как это часто бывает, основатель «потерялся» за внушительным фасадом старейшего государственного ведомства страны, оказался «затёртым» не менее яркими преемниками. По-настоящему серьёзное, зрелое уважение потомков и наследников по юстиц-отрасли должно выразиться в создании масштабного и содержательного издания о министерской деятельности первого министра юстиции. Потребность в этом явно существует, время для реализации публикационного замысла давно наступило! Тем более что с каждым годом, несмотря на усилия архивистов, архивные документы под влиянием времени всё более ветшают, а значит, какая-то ценная информация может стать навсегда утраченной.

Итак, проведя свою скромную часть исследования, мы резюмируем следующее. Во-первых, мы солидарны с уважаемыми коллегами-исследователями в том, что Державин заложил основы работы Министерства юстиции, которые просуществовали с дополнениями и изменениями до 1917 г. Им была проделана огромная работа по упорядочению делопроизводства, интенсификации работы канцелярии генерал-прокурора и министра юстиции, убыстрению судебных слушаний в Сенате, усовершенствованию деятельности подотчётных прокуроров коллегий и губернских прокуроров. Во-вторых, в царствование Александра I Державин разработал почти 40 законов, включая те, что касались «лопухинской истории», и предписаний по предмету ведения своего ведомства. Это наисложнейшая часть работы министра почему-то всегда остаётся в тени. Между тем разработка законов «с нуля» и «под ключ»

---

[1] Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013. С. 6, 19, 28–42.

требует колоссального времени, знаний, терпения, здоровья, в конце концов! Сколькими подготовленными лично законопроектами, ставшими законами, может похвастаться современный депутат законодательного органа власти любого уровня или федеральный министр? Да, согласимся с возражениями о разной процедуре законодательного процесса и несопоставимом объёме законодательного массива тогда и сейчас. Однако сейчас существуют различные электронные справочные правовые и информационные ресурсы, которые заметно облегчают работу по составлению законопроекта. В начале XIX в. до появления «Полного собрания законов Российской империи» российское законодательство было хаотичным и запутанным, источником права было крайне тяжеловесное «Соборное уложение» 1649 г., а справочным источником служил архив Сената. Да, и решения Сената начали публиковать позже по предложению Державина. Одним словом, эта кропотливая работа заслуживает уважения.

В-третьих, при нём впервые осуждённые получили право знакомиться с содержанием судебного приговора, слишком непосильные для осуждённых наказания могли быть обжалованы. Подобным новшеством Россия делала ещё один шаг по пути законности и гарантий прав личности. В-четвёртых, он осуществил тщательную сенаторскую ревизию Калужской губернии и блестяще провёл расследование махинаций Лопухина и компании. По итогам командировки разработал пакет законодательных предложений по борьбе с коррупцией, некоторые из которых были реализованы ещё при его жизни. В этом направлении, надо признать, он особо не преуспел — могущественная коррупция оказалась сильней. В-пятых, Державин стремился упорядочить судебную систему Российской империи, для чего разработал проект реформы третейского судопроизводства. И здесь его проект опередил время. Таким образом, «юстиц-министр» основное внимание уделял выстраиванию единой и непротиворечивой вертикали Закона в огромной и разноликой стране — за что ему честь и хвала!

ГЛАВА III

Жизнь в отставке. Предложения об укреплении обороноспособности Российской империи и переустройстве армии

ВДАЛИ ОТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛ

Пятидесятидевятилетний Державин, выйдя в отставку в чине действительного тайного советника, что подтверждалось выданным 20 ноября 1802 г. патентом *(см. приложение 1, документ № 12)*[1], зажил неторопливой и размеренной жизнью бывшего чиновника высокого ранга. Его дом в Петербурге стал центром литературной жизни столицы. В нём собирались члены литературного общества «Беседа любителей русского слова», сооснователем которого в 1811 г. выступил Державин. Его члены, видные писатели того времени В. В. Капнист, А. Н. Оленин, Д. И. Хвостов, С. А. Ширинский-Шихматов и др., живо обсуждали вопросы русской литературы и языка. Любимым же местом летнего времяпрепровождения Державина была Званка — имение второй жены на берегу р. Волхов в Новгородской губернии. Оно всегда было полно гостей. В Званке Державин создал 60 стихотворений, 5 театральных сочинений, продиктовал свои мемуары[2]. Согласно воспоминаниям его племянницы П. Н. Львовой, друзей, отзывам местных жителей, Державин проявлял себя как заботливый и любящий дядя, чуткий друг, добрый и милосердный помещик. Последнее выражалось в том, что он материально помогал крестьянам, любил общаться с их детьми, раздавая им по будням крендели, а по воскресеньям пряники, выступая своеобразным третейским судьёй при их детских спорах[3]. Гавриил Романович щедро одарял родных, близких людей любовью, наслаждался природой, праздностью. Известна его любовь к животным — он не расставался со своей комнатой собачкой Тайкой.

По словам Я. К. Грота, Державин, несмотря на уважение государя и монаршей семьи, чувствовал себя забытым и тяготился своей

---

[1] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

[2] Морозова Н. П., Морозова Е. В. Материалы к хронике «званской жизни» Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2011. Вып. 7. С. 128.

[3] Львова П. Н. Воспоминания // XVIII век / публикация Е. Д. Кукушкиной. СПб., 1993. Вып. 18. С. 267.

отставкой[1]. Ранний и вынужденный уход с государственной службы явно угнетал Державина, стойкого борца по своей природе. Много позже, в конце 1815 г., он досадовал, что не мог помочь устроиться на государственную службу своему внучатому племяннику В. И. Панаеву, приехавшему из Казанской губернии, так как был «от всего в стороне»[2].

Тем не менее о нём помнили: признательность и внимание современников к отставному государственному деятелю и поэту выражались в избрании его почётным членом ряда государственных и общественных организаций. Так, в январе 1805 г. Державин стал членом Императорской Российской академии наук *(см. приложение 1, документ № 13)*[3], а в июле того же года — почётным членом вольного Общества любителей наук, словесности и художеств *(см. приложение 1, документ № 14)*[4]. В мае 1812 г. Общество любителей российской словесности, учреждённое в 1811 г. при Императорском Московском университете, также избрало Гавриила Романовича своим почётным членом *(см. приложение 1, документ № 15)*[5].

В начале апреля 1813 г. в связи с кончиной А. А. Нартова, президента Императорской Российской академии наук, Державину было направлено письмо лично от министра народного просвещения А. К. Разумовского с предложением временно занять место руководителя этой авторитетной научной организации, почётным членом которой он был[6]. Однако Гавриил Романович вынужден был отказать по причине преклонного возраста и болезни[7]. Ранее в августе 1812 г. он был избран почётным членом Санкт-Петербургской духовной академии[8] *(см. приложение 1, документ № 16)*[9]. Ректором академии тогда был митрополит Филарет (Дроздов), настоятель Свято-Юрьева монастыря в Новгородской губернии, с которым у Державина были тёплые отношения. Позже он выступил посредником

---

[1] Грот Я. К. Жизнь Державина... СПб., 1880. С. 857.

[2] Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. СПб., 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 246.

[3] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

[4] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 12. Л. 1.

[5] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

[6] РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 10. Л. 1.

[7] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 265–266.

[8] Санкт-Петербургская духовная академия — одно из высших духовных учебных заведений, основанное в 1721 г.

[9] ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 11. Д. 66. Л. 1.

между Державиным и духовной цензурой, которая отказывалась разрешить публикацию стихотворения Державина «Христос» (1814 г.) без значительных переделок. Поэт не соглашался на них, и тогда примирителем выступил архимандрит Филарет, найдя выход в том, чтобы печатать стихотворение, снабдив его в примечаниях ссылками на Ветхий и Новый Завет[1].

Не забывали о нём и бывшие подопечные. Так, в начале апреля 1806 г. к Державину, «истинному благодетелю», с благодарностью за успешное шестилетнее попечение над имениями, помощь в выплате миллионного долга, сохранение родового имения от продажи писал граф Г. И. Чернышёв[2]. Писали ему и чиновники с просьбами о помощи советами в деле административного управления. Например, новгородский губернатор А. В. Васильчиков советовался с Гавриилом Романовичем о своём намерении организовать в губернии казённые суконные фабрики. Державин в декабре 1810 г. отвечал князю в письме, что они убыточны для государства и могли быть созданы только в качестве училищ для распространения ткацкого ремесла в крестьянской среде, обеспечения их и рекрутов готовой одеждой[3].

И в дальнейшем Державин на «заслуженном отдыхе», располагая богатым и разнообразным административным опытом, не терял интереса к проблемам государственного управления. В 1808 г. он составил записку «Примечания о сокращении производства дел в губернском правлении», адресованную, по словам Я. К. Грота, тогдашнему тамбовскому губернатору Д. Р. Кошелеву[4]. Он советовал всю делопроизводственную документацию сортировать по категориям. Для этого каждая официальная бумага должна была быть оформлена на листе бумаги соответствующего формата. Регистрацией всех входящих документов занимался секретарь, советники должны были вскрывать конверты и производить отметки на поступивших обращениях о необходимости доклада губернатору. Регистраторы вносили их в особую книгу, присвоив номер и указав дату получения. Дела, которые не требовали дополнительных справок, докладывались губернатору на следующий день, а те, которые требовали уточнений, — на третий день. Советники готовили докладные реестры по входящим делам,

---

[1] Протоиерей Максим (Козлов). Жизнеописание святителя Филарета Московского // Портал информационного православного агентства «Русская линия». URL: http://rusk.ru/st.php?idar=20067 (дата обращения: 16.12.2017 г.).

[2] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 177–178.

[3] Там же. С. 203–206.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 479–488.

каждый по своей части. Некоторые дела они могли решать самостоятельно. Ежедневно велись записи в журнале решённых дел, который подписывали советники и губернатор[1].

Для скорейшего рассмотрения и опубликования особо важных бумаг (о поимке беглых рекрутов, об откупах и подрядах и пр.) при губернском правлении учреждалась должность столоначальника, или повытчика, который вёл журнал подобных бумаг и еженедельно докладывал советникам, те ставили резолюции о публикации или её отклонении. Печатные экземпляры указов и прочих важных бумаг рассылались по присутственным местам в уезды и города. В свою очередь губернское правление должно было следить за своевременным поступлением отчётов и рапортов об исполнении указов, приказов и пр.[2]

Губернатор должен был следить, чтобы деньги, выделенные губернскому правлению, расходовались экономно. Например, вместо запечатывания конвертов сургучом, Державин предлагал использовать оттиски печати правления. На сэкономленные деньги следовало поощрять старательных сотрудников[3]. В приложении к этой записке помещались формуляры делопроизводственных бумаг[4].

Четырнадцать лет вдали от государственных дел были наполнены для Державина творчеством, неустанными думами о судьбе Отечества, сердечным общением с женой, многочисленными племянниками и племянницами, друзьями и приятелями, почётом и уважением современников. Однако не всё было так безоблачно. Во-первых, жизнь омрачалась отсутствием родных детей, а также неудавшейся попыткой передать свою фамилию вначале племяннику второй жены А. Н. Львову, затем своему племяннику П. Н. Миллеру, сыну одной из двоюродных сестёр. Державину удалось лишь завещать родовое имение П. Н. Миллеру, а благоприобретённое — своей второй жене Д. А. Державиной. Причины состояли в том, что по законам тех лет передача фамилии и родового имения в случае отсутствия потомков по мужской и женской линиям свойственнику без письменного отказа кровных родственников по женской линии не допускалась. При жизни Державин по причине недружественных отношений с двоюродными сёстрами Глазатовыми (Глазатыми) и их племянниками их письменных отказов от наследства не получил, также он не оставил

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 479–483.

[2] Там же. С. 483–486.

[3] Там же. С. 486–487.

[4] Там же. С. 487–488.

письменного распоряжения о передаче после смерти его фамилии кому-либо из двоюродных племянников по женской линии. В силу этого прошение П. Н. Миллера после смерти Гавриила Романовича о передаче ему вместе с родовым имением и фамилии Державина было отклонено[1].

Во-вторых, много беспокойств доставляло шаткое финансовое положение. Оно было вызвано опрометчивым поручительством за графа Д. А. Зубова, брата екатерининского фаворита князя П. А. Зубова, который участвовал в винных откупах. Зубов был соседом Державина — его дом располагался рядом с державинским на набережной р. Фонтанки в Петербурге. Д. А. Зубов был очень богатым и жадным до наживы человеком, поэтому через поверенных участвовал в нескольких винных откупах одновременно. В результате роковое стечение обстоятельств, обман и махинации компаньонов и поверенных привели к недополучению Зубовым значительных доходов по откупам, появлению недоимок и долгов. Для Державина ситуация осложнялась тем, что он, не зная о недоимках соседа по откупам 1807–1811 гг., предоставил по откупам 1811–1815 гг. в залог свои дома в г. Петербурге, имения в Оренбургской, Казанской, Рязанской и других губерниях, частично имение второй жены в Новгородской губернии, а также находившиеся в его управлении как попечителя имения Виельгорских, внуков графини А. А. Матюшкиной. К моменту совершеннолетия последних Державин рассчитывал уменьшить долги и приумножить их капитал.

Финансовый провал был обусловлен начавшейся войной с Францией, сократившей спрос на алкоголь и вызвавшей непреодолимые препятствия в перевозке грузов. К тому же евпаторийский купец-откупщик Ф. Штиглиц, участник винных откупов Зубова, остававшийся до последнего в г. Москве, перед вторжением французов прихватил общую кассу компаньонов, заявив позже, что деньги были утрачены в пожаре. Общий долг Зубова достиг астрономической суммы — почти 3,5 млн руб. Судебные процессы о взыскании частей долга с компаньонов Евреинова, Огарёва, Таирова и других затягивались. Над залогом Державина нависла угроза секвестра. В апреле 1816 г. Державин в отчаянии написал прошение императору, в котором просил хотя бы отсрочить секвестр, дать возможность погасить

---

[1] Дзюбанов С. Д. О попытке Г. Р. Державина передать свою фамилию наследнику // Державин и культура Казанского края: мат-лы Всерос. науч. конф., посв-ой 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Лаишево, 26–28 июня 2008 г. Казань, 2008. С. 94–100.

долги из иных источников. С ведома государя имения Виельгорских были освобождены из-под ареста, а с Зубова было взято обещание не довести Державина до разорения. Финансовые трудности вынудили экс-министра приостановить издание собственных литературных сочинений.

В день смерти Гавриила Романовича, 8 июля 1816 г., был наложен запрет на имущество Державина, далее следовали его опись и выставление на торги. Секвестр был снят лишь в 1824 г. усилиями его вдовы и благодаря улучшению финансовых дел Зубова после смерти его брата Платона Александровича. В 1832 г. Д. А. Державиной удалось отсудить у Д. А. Зубова ещё и проценты за пользование вверенными залогами[1]. Указанные обстоятельства значительно подорвали здоровье и жизненные силы старевшего Державина и, вероятно, ускорили его уход из жизни.

[1] Дзюбанов С. Д. «Удостойте снисхождения старость мою...» // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Межд. науч. конф. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. Казань, 2010. С. 92–100. Он же. «Зачали уже описывать домы и деревни...» (о финансовых проблемах Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Морозовой. СПб., 2016. Вып. 11. С. 33–71.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ О РЕФОРМЕ АРМИИ И БОРЬБЕ С НАПОЛЕОНОМ БОНАПАРТОМ

Военные столкновения начала XIX в., нестабильные отношения с европейскими государствами, близившаяся война с Францией побудили Державина в 1806, 1807 и 1812 гг. подготовить ряд записок, адресованных императору. Он, по собственному выражению, «не утерпел» и составил их[1]. Известно, что экс-министр юстиции намеревался встретиться с государем лично для обсуждения состояния военных сил России. Однако монарха ход рассуждений и конкретные предложения Державина об организации армии не заинтересовали — они были отклонены. При этом проекты Гавриила Романовича интересны как всегда здравыми мыслями, предостережениями мудрого политика, хозяйственника. Пронизанные неиссякаемой любовью к Отечеству, они полны тревог за его судьбу. Не будучи искушённым дипломатом, Державин имел практический военный, хозяйственно-административный опыт и желал быть полезным государству, даже пребывая в отставке.

В академическом издании Я. К. Грота опубликованы три записки Державина, посвящённые теме войны с Наполеоном: «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (1807–1810 гг.)[2], «Мнение о обороне империи на случай покушения Бонапарта» (1807 г.)[3], «Записка о мерах к обороне России во время нашествия французов» (1812 г.)[4]. Наряду с указанными материалами обнаруженное нами в фондах РГАДА «Поданное государю Державиным мнение вскоре после Тильзитского мира» (1807 г.) *(см. приложение 1, документ № 17)*[5] позволяет полнее представить позицию видного государственного чиновника об обороноспособности страны и способах её упрочения.

В предисловии к записке «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (1807–1810 гг.) Державин задавался

---

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 500.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 439–458.

[3] Там же. С. 465–470.

[4] Там же. С. 471–478.

[5] РГАДА. Ф. 345. Д. 44. Л. 1–5.

вопросом о причинах всех войн в мире. Он был убеждён, что воюющими странами руководили месть, «лютое удовольствие злобы», а не цели завоевания и распространения владычества во имя благосостояния народов. Насильное завоевание территорий Державин категорически отрицал, видя в нём корень дальнейших конфликтов и несчастья порабощённых народов[1]. Лучшим средством для правителей обессмертить себя в памяти потомков было создание «мудрых законов», укрепление государства. Россия в силу обширности территории, достаточной для жизни, по мысли Державина, должна была быть миротворцем Европы. Расширение границ империи ей было уже не нужно, так как площадь её превосходила площадь Римской империи. Главная задача России сводилась к сохранению целостности страны, защите своей территории от внутренних и внешних врагов. Первых (под ними подразумевались казнокрады, взяточники и прочие мошенники) можно было победить «скорым правосудием», а вторых — путём реорганизации армии на новых началах[2]. Именно внешнеполитическим и хозяйственным основам армии была посвящена основная часть записки, включающая 46 пунктов.

Державин предлагал, чтобы количество вооружённых сил России соответствовало количеству военных сил противника. Причём большая опасность исходила от европейцев: против них надо было выставлять больше солдат, чем против азиатов. Армия должна была комплектоваться разными способами: солдатами по призыву, свободными людьми по контракту (рекрутами), военными запаса. Для регулярного пополнения военных сил каждая губерния должна была предоставить воинов пропорционально количеству её населения.

Для того, чтобы казне и губерниям не было обременительно содержать всю армию в мирное время, необходимо было держать на готовности только половину или треть её состава, остальная часть должна была быть в запасе. Пополнение армии надо было осуществлять «неприметным способом», чтобы мужчины не разбегались от службы и противник не знал военный потенциал страны. Державин считал, что рекрутские наборы надо было отменить, так как они сопровождались обманом и были неэффективны[3]. Он предлагал новый метод комплектования армии — воинскую повинность, которой подлежали государственные и помещичьи крестьяне, мещане, цеховики. Все губернии делились на пятисотные участки, от которых направлялось на службу установленное количество лиц. Эти поимённые списки,

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 439–440.

[2] Там же. С. 441–442.

[3] Там же. С. 443.

хранившиеся в земских судах, у городничих, городских голов, предводителей дворянства, пересматривались каждую ревизию. Ответственность за набор военнослужащих лежала на местных властях. Выбор солдат осуществлялся по жеребьёвке. Одна часть солдат шла на службу, другая же — пребывала в запасе. Державин проектировал создание военных частей, базировавшихся в городах, — так называемые полковые дворы, или штаб-квартиры. В зависимости от величины города их могло быть несколько. Срок службы в армии не должен превышать 15 лет (в то время он составлял 25). В каждом полковом дворе на случай похода полка или батальона должна была оставаться постоянная рота во главе с офицерами. Полковые дворы осуществляли первоначальную военную подготовку рекрутов перед отправкой их в армию. В случае военных потерь недостававшее количество солдат компенсировалось за счёт военнослужащих соседних губерний[1].

Военные части по родам войск должны располагаться в соответствующих им местностях: морские силы — в портах, пешие — в земледельческих районах, конные — в степных, егерские — в горных. Таким образом, местным рекрутам не надо было осваивать незнакомое им дело. Отставные рекруты возвращались домой и имели ряд преимуществ перед остальными жителями: их участки пашни и лугов не подлежали переделу, их подати были фиксированы, из их числа выбирались земские начальники, при мирских сходах они имели два голоса, в церквях и иных общественных местах им были положены лучшие места, к ним не применялись телесные наказания, детей крестьян-военнослужащих помещик не имел право забирать в свой дом без согласия родителей, дочери отставных солдат не выдавались насильно замуж. Однако все они не должны были менять место жительства и род занятий без согласия уездного начальства.

Солдаты, нарушавшие устав, штрафовались продлением срока военной службы. Тех, кто добровольно оставался в армии до 50 лет, записывали в разряд инвалидов с выдачей пенсии. Пенсия для солдат, не имевших нареканий по службе, была больше чем у тех, кто имел выговоры и пр. Детей солдат, рождённых в период службы их отцов, необходимо было с 7-летнего возраста определять в казённые полковые школы при военных частях. Там они обучались грамоте и ремеслу. После завершения обучения они оставались при полках в качестве столяров, токарей, сапожников, каретников, музыкантов и прочих ремесленников.

При каждом полковом или батальонном дворе должны были находиться склады с достаточным запасом оружия, боеприпасов, амуниции,

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 444–445.

а также боевые лошади и пр. Отставные солдаты могли призываться из запаса в случае войны, направляться на охрану границ, пополнять состав ландмилиции. При каждом губернском городе должна существовать ландмилиция со своим отдельным от армейского склада арсеналом оружия и пр. Пограничные службы также должны были быть обеспечены достаточным количеством оружия, обмундирования и продовольствия. Все военные части, ландмилиция, пограничные заставы должны были быть снабжены достаточным количеством лесного материала для починки судов, обозов и пр. Для того чтобы предотвратить расхищения имущества, следовало периодически проводить осмотры и ревизии военных частей[1].

Военные учения и смотры в армии необходимо было осуществлять регулярно, а в военных частях для новобранцев — два раза в год: в апреле и октябре, когда у крестьян не было полевых работ. Военные сборы отставных солдат следовало проводить раз в год или два сроком на неделю или две. Предусматривались и генеральные смотры или, как бы мы сейчас назвали, учения военных округов для всех родов войск и всех военных сил — солдат (проходивших срочную службу), рекрутов (пребывавших в запасе) и инвалидов (отставных военных). Они устраивались по распоряжению государя. Кроме того, все отставные солдаты должны были проводить силовые упражнения, занятия по стрельбе, физической подготовке с мальчиками старше 12 лет, тем самым готовя их к военной службе. Во время военных смотров и учений, чтобы не было недостатка в офицерах, к ним следовало привлекать местных дворян в возрасте от 17 до 50 лет. После завершения военных мероприятий они возвращались к своим делам. Дворяне, проживавшие за границей и в столицах, от этого освобождались. Отставные генералы по их желанию тоже могли присутствовать на учениях, давая советы и передавая опыт офицерам.

Для воспитания патриотического духа и подъёма военного духа начальник учений готовил их по типу победных сражений русской армии. Например, это могли быть реконструкции сражений на р. Непрядве времён борьбы с монголо-татарами, освобождения г. Москвы Д. Пожарским, битв при г. Франкфурте, г. Калуге, г. Рымнике, Чесменского боя и пр. Эти учения с элементами исторических сражений следовало проводить вблизи столиц и крупных губернских городов, чтобы население их тоже видело, а поэты воспевали бы славу русского оружия. При военных частях надо было издавать журналы, восхвалявшие победы армии, фиксировавшие жизнь прославленных

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 446–449.

военачальников. Вообще, отличившихся военнослужащих стоило поощрять наградами, письменными свидетельствами и пр.[1]

Особое внимание Державин уделял подготовке офицерских кадров и генералитета. Для отточки офицерского мастерства необходимо было при военном министерстве учредить специальный военный совет из опытных генералов и офицеров. На нём следовало разбирать планы успешных военных кампаний как отечественных, так и зарубежных, обсуждать их преимущества и недостатки. В те военные советы направлялись успешные офицеры для повышения своей квалификации. Офицеров для пополнения опыта следовало отправлять в качестве волонтёров в воюющие страны, также командировать в губернии для поверки карт на местности. Вообще, военнослужащие в мирное время не должны были отдыхать, пребывать в «неге и расслаблении»: для поддержания физической формы надо было пешим порядком совершать броски с зимних квартир на летние и наоборот; за умеренную плату привлекать солдат к строительству крепостей и дорог, рытью каналов, расчистке леса и пр. Каждый полк и батальон должен был быть обеспечен провиантом и фуражом. За этим следил начальник, действовавший во взаимодействии с губернатором. Каждую осень он должен был закупать у местного населения продовольствие, предварительно предоставляя на утверждение военному министру ведомость с указанием перечня продовольствия и закупочных цен на него. Провиантские учреждения ликвидировались, к услугам комиссионеров военное ведомство могло прибегать лишь в исключительных случаях. При этом по стране должны быть созданы и регулярно пополняться специальные магазины (склады) с продовольствием для экстренных случаев. Они должны были быть организованы при крепостях, стоявших при крупных судоходных реках для облегчения подвоза и вывоза продовольствия.

Для подавления внутренних беспорядков ландмилицию следовало комплектовать из лиц неместного происхождения. Арсеналы военных частей и ландмилиции должны были быть защищены высоким земляным рвом и живой изгородью[2]. Рекруты и солдаты запаса должны содержаться за счёт казны только на период военной службы, учений и смотров. С целью охраны границ на окраины империи следовало переселить безземельных, однодворцев, чиншевую шляхту, панцирных бояр. Казачьи войска должны были быть прикомандированы к армии и дивизии. Все военные команды и морские сигналы должны быть унифицированы во всех родах войск. Пункт о дезертирстве был не дописан[3].

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 450–452.

[2] Там же. С. 453–456.

[3] Там же. С. 457–458.

«Мнение о обороне империи на случай покушения Бонапарта» (1807 г.) содержало предостережение от войны с Францией и конкретные меры обороны от вторжения французов. Державин напоминал Александру I о том, что Россия — давняя участница европейских внешнеполитических отношений. Он коротко делал обзор взаимоотношений России и Франции в период правлений его бабушки и отца. Наполеона Державин называл хитрым и коварным человеком, обольстившим и покорившим французский народ, ведшим внешнюю политику, направленную на усыпление бдительности европейцев. Покорив Австрию, Пруссию, он обратил свои взоры на богатую ресурсами Россию[1]. Однако, по мнению Державина, Российская империя обладала рядом преимуществ, которые могли ослабить противника и принести победу в войне: протяжённость территории, изматывавшая силы врага и препятствовавшая пополнению запасов продовольствия и вооружения, незнакомый театр военных действий, возможность для России двумя удачными сражениями достигнуть перелома в войне, Англия могла ослабить морские силы французов как в Европе, так и в Америке, Швеция и Дания были союзниками России, Османская империя тоже к ней тяготила.

Для того чтобы эти преимущества принесли успех России, необходимо было грамотно ими воспользоваться. Во-первых, Державин призывал бдительно относиться ко всем иностранцам, прибывавшим в Россию, учредив за ними специальный негласный надзор. Во-вторых, следовало создать внешнеполитический оборонительный союз в составе Англии, Швеции, Дании, Османской империи и выработать единую стратегию действий. В-третьих, все французы, не принесшие присяги на верность России, подлежали высылке из страны, а заподозренные в измене — смертной казни. В-четвёртых, необходимо было ввести временное эмбарго на вывоз хлеба из России. В-пятых, официально объявить французскому народу о том, что Россия воевала против узурпатора, а не против народа Франции. В-шестых, направить казачьи войска в те страны, которые сочувствовали Наполеону. В-седьмых, надо было ослаблять французскую артиллерию постоянными вылазками российских сухопутных войск. В-восьмых, чтобы не отягощать народные силы, попросить дворян из их имений направить в армию на два года определённое количество людей с продовольствием и амуницией. В-девятых, необходимо было пополнить ряды офицеров, призвав в армию всех отставных, и право выбора генералов таких корпусов предоставить дворянству. И последнее —

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 465–467.

всех польских магнатов с имуществом вызвать в столицу с тем, чтобы рядовые поляки не поддержали бы противника[1].

После неудач очередной антифранцузской коалиции Россия вынуждена была заключить с Францией Тильзитский мирный договор. Невыгодные его условия для России (признание всех территориальных завоеваний Франции, присоединение к континентальной блокаде Англии, потеря завоёванных у Турции земель в Молдавии и Валахии и пр.) вызвали разочарование в дворянской среде. В то время многие, раздосадованные унизительными условиями Тильзитского договора, открыто выражали своё негодование и видение дальнейшего развития событий. Державин также не остался в стороне от общественной дискуссии: он составил записку на имя государя. Тон записки тревожный. Вначале Гавриил Романович вспомнил первые славные годы царствования Александра I, его реформы, заботы об армии, торговле, науке и пр. Однако центральная идея записки сводилась к опасению по поводу краха страны и «падения» монарха. «Сопряжёнными усилиями мудрости, осторожности, патриотизма и рвения, можете Вы изторгнуть Россию из бездны, в которую ввергли неопытность, надменность, невежество кабалы и всеобщее развращение», — писал бывший министр[2]. Под этой мрачной картиной он подразумевал ставшие известными тайные условия договора о присоединении России к континентальной блокаде Англии и о союзнических отношениях с Францией. Державин характеризовал последствия этого кабального договора с врагом: крайнее разочарование населения в действиях власти, упадок патриотического духа, рост чиновничьих злоупотреблений, общественного ропота, разложение армии, нехватка оружия, обмундирования и продовольствия, тяжёлое положение военно-морских сил, ухудшение жизни гражданского населения, недовольство ополчения участием в бессмысленной войне, слабое подчинение центру окраинных губерний и пр. Ущемление государственных интересов в угоду мира с потенциальным противником, по мнению Державина, показало слабость России, её непоследовательность во внешнеполитических отношениях. Бывшие союзники отвернулись от неё, что ослабило позиции нашего государства на мировой арене. В пример Александру I он приводил Петра I, который мог даже в худших для России условиях найти выход и добиться победы. Гавриил Романович всячески ободрял царя, внушая ему уверенность в стремлении России отстаивать свои интересы в Европе[3].

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 486–470.

[2] РГАДА. Ф. 345. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

[3] Там же. Л. 1 об. – 5.

В 1812 г. Державин писал о том, что враги видели в России «исполина», потенциального мирового лидера и стремились ослабить её. В покорённой Наполеоном Европе оставалась лишь Россия, способная противостоять захватчику. Державин отмечал, что враг посредством насаждения иностранных нравов и обычаев стремился поработить Россию. Державин призывал предпринять срочные меры безопасности против французов[1]. О них он подробнее написал в записке императору. Накануне вторжения французов в Москву, летом 1812 г., Державин, находясь в имении Званка, составил «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов», в которой он с «пламенным усердием» размышлял над спасением Отечества. В ней он сообщал, что дворянство Новгородской губернии снарядило в армию дополнительных 10 тыс. дворовых, которым за ратное служение обещали освобождение от крепостной зависимости. Вооружением этого ополчения или земского войска должно было заняться государство. Если не нашлось бы должного количества боевых ружей, то можно было их вооружить охотничьими ружьями и снабдить копьями вместо штыков. Ополченцев надо было заранее обучить носить ружья и копья, отливать пули нужного калибра. Оружейные казённые и частные заводы надо было пополнить новыми мастерами и людьми, увеличив производство оружия. На территории вторжения врага устроить редуты и засеки, которые могли бы компенсировать отсутствие тяжёлой артиллерии у ополченцев. Державин прозорливо замечал, что русская зима поможет ополченцам и ослабит врага[2].

Ополчение можно было увеличить лишними церковнослужащими, праздно шатавшимися людьми, заключёнными, уездными чиновниками. Правосудие на время войны следовало отправлять в третейских судах по тем правилам, которые были им предложены в бытность министра юстиции. Державин считал, что цели врага сводились к ограблению богатств России, её политическому ослаблению, расколу общества. В итоге Наполеон стремился стать мировым гегемоном, так как после разгрома России у него не осталось бы соперников.

Державин предлагал меры, которые бы «охолодили жар врага и ускромили бы стремление его на Россию». Церковные, царские и частные сокровища, равно как и продовольственные запасы, следовало вывезти из г. Санкт-Петербурга в г. Кронштадт, защищённый артиллерией и близко расположенный к союзникам; богатства г. Москвы, г. Киева и других крупных городов спрятать в специальные засеки и редуты.

---

[1] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 738. Л. 29–30 об.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 471–473.

Далее, необходимо было увеличить штаты полиции образованными людьми, не иностранцами, которые средствами пропаганды повышали бы патриотический дух населения, высмеивали Наполеона и его армию. Особенно бдительный надзор за умонастроениями и активную пропагандистскую работу надо было вести в Малороссии, Курляндии и землях, доставшихся от Швеции.

Более того, Державин советовал применить и внешнеполитические меры: финансово поддержать народное выступление во Франции, присоединить к России славянские народы Балкан, привлечь к союзу с Россией против Бонапарта новые страны, выслать французов из столицы, если они не примут российское гражданство. Французы, проживавшие в столице, должны были передать всё своё имущество в ведение правительства, а сами отправиться на временное проживание в Сибирь или в Астраханскую губернию. Пленным французам предложить российское подданство и наделение землёй на территории Российской империи, если они отказывались, то направлять на тяжёлые работы вместо российских крестьян. Через церковные проповеди внушить населению мысль о том, что в случае пленения русских французами они должны были лучше погибнуть, чем быть полезными врагу.

Дворянам Державин предоставлял право выносить приговор в отношении чиновников, виновных в злоупотреблениях и измене, «не развращая их спящим судопроизводством». В армии необходимы были дисциплина и порядок. Для лечения раненых при губернских городах необходимо было устроить лазареты. На судоходных реках заранее устроить склады с продовольствием, чтобы обеспечить гражданское население питанием на зиму[1].

О судьбе этой записки Державин ничего не узнал, так как передал её через принца Г. П. Ольденбургского, генерал-губернатора Тверской, Ярославской и Новгородской губерний, и ответа на неё не получил. Вероятно, накануне судьбоносных для страны сдачи г. Москвы и последующих событий её некогда было читать, а тем более уж использовать практические советы отставного министра.

Итак, Державин, будучи ярым патриотом, естественно, не остался равнодушным к военным неудачам страны. Несмотря на заботы и хлопоты, вызванные имущественными трудностями во время участия в винных откупах Д. А. Зубова, он находил время размышлять о проблемах государственного управления, писать обстоятельные записки об их устранении. Гавриил Романович щедро делился административным опытом с молодыми и начинавшими чиновниками-управленцами.

---

[1] Сочинения Державина... СПб., 1872. Т. 7. С. 474–478.

Будь тогда что-то наподобие мастер-классов для государственных служащих, Державин стал бы отличным наставником для них.

Державинские предложения по реорганизации армии отличали смелость, прозорливость, практичность, военная хватка. Проектируемая им воинская повинность для податных сословий, отмена рекрутских наборов были для своего времени прогрессивными, во многом опережали время. Всеобщая воинская повинность, сменившая рекрутские наборы, была введена в России в 1874 г. Весьма разумными были его предложения о сокращении срока воинской службы, создании воинских частей, военных городков, проведении масштабных военных учений, улучшении подготовки офицерских кадров, физической подготовке и воспитании мальчиков и юношей, хозяйственном снабжении армии напрямую штабными начальниками, создании системы военно-хозяйственной логистики, идейном воспитании патриотически настроенных граждан.

Целесообразными были советы на период войны ввести эмбарго на вывоз зерна из страны, бдительно относиться к иностранцам на территории империи, ввести строжайшую дисциплину в действующей армии. Здраво звучало рассуждение Державина о закреплении и поддержании высокого социального статуса военнослужащих-простолюдинов как находившихся на службе, так и пребывавших в запасе или отставке. Задумывался экс-сенатор и над учреждением в армии подразделения внутренних войск, усовершенствованием народного ополчения. Однако некоторые предложения явно были нереалистичны, например, о том, чтобы дворянство регулярно участвовало в военных учениях, военнослужащие в мирное время были задействованы на строительстве и ремонте государственных объектов инфраструктуры, военные учения проводились бы в форме реконструированных победных сражений русской армии и пр.

Мысль о том, что Россия воевала не с французским народом, а с его правителем-узурпатором, характеризовала Державина как гуманиста. Как рачительного и запасливого человека, его по-прежнему волновали вопросы создания складов с запасами продовольствия. Особое внимание он уделял идеологической работе по повышению патриотического духа населения, популяризации военных побед страны и пр. Державин был последовательным сторонником защиты национальных интересов в международных отношениях. Его мысли о внешнеполитической обстановке тех лет демонстрируют неплохие познания в дипломатии. Его предупреждения о войне с Францией сбылись. К сожалению, предостережениям о неизбежной войне и военно-стратегическим советам по нейтрализации противника никто не внял. Многое из того, что предлагалось им двести с лишним лет назад для повышения обороноспособности страны, актуально и теперь.

ГЛАВА IV

Музы Державина-политика

Для полного понимания личности Державина-политика весьма важным, на наш взгляд, является изучение его поведения в приватной обстановке, его привычек, характера взаимоотношений с близкими людьми. Так уж повелось с давних времён, что практически за каждым выдающимся мужчиной всегда стояли женщины: заботливые, мудрые, терпеливые, любящие, жертвующие, волнующие, вдохновляющие... Это были матери, сёстры, тёти, жёны, подруги, любовницы. Державин не стал исключением. Мы посчитали необходимым именно в заключительной части своего исследования написать очерк о его самых близких и любимых женщинах, сопровождавших и поддерживавших его на нелёгком пути государственной службы, вдохновлявших в творчестве.

В жизни любого мужчины особое место занимают женщины (это же утверждение применимо и к женщинам). Одних мужчин женщины могут возвысить (материально, духовно), других — опорочить и унизить в социальном и моральном отношении. Всё зависит от душевной зрелости, прозорливости, тонкости и мужчин, и женщин.

Державину-художнику и Державину-политику в этом смысле очень повезло: его окружали достойнейшие и незаурядные женщины своего времени. И в этом его можно назвать счастливчиком, баловнем судьбы. Возможно, благодаря такой поддержке он смог преодолеть многочисленные профессиональные неудачи и трудности, удары капризной судьбы. В частной жизни Державина судьбоносную роль сыграли три женщины: мать Фёкла Андреевна Державина, первая жена Екатерина Яковлевна (урождённая Бастидон) и вторая супруга Дарья Алексеевна (в девичестве — Дьякова).

Мы не утверждаем, что иных больше не было,— конечно, были, но о них Гавриил Романович, как благородный человек, не упоминал вовсе, не желая предавать их имена огласке, оставив память только для себя. Известно, что он был увлекающимся человеком, особенно в летах, чем вызывал приступы ревности у второй супруги, моложе его на четверть века. Думается, что эти увлечения были несерьёзными, частью имиджа поэта, источником вдохновения для создания

любовной (анакреонтической) лирики. Правда, есть упоминания ряда современников о более стойкой платонической симпатии к опекаемой им графине Наталье Алексеевне Колтовской (урождённой Турчаниновой), младше его на 30 лет (1773–1834 гг.). Например, внучатый племянник Державина писатель В. И. Панаев вспоминал о том, что на одном из вечеров в своём доме весной 1816 г. Гавриил Романович не отходил от неё, проявляя к 35-летней женщине, «бойкой и умной», нескрываемый интерес. По наблюдению племянника, в её присутствии он «казался бодрее обыкновенного»[1].

К слову сказать, она была женой обер-бергмейстера[2] Николая Тимофеевича Колтовского, сожительствовала с сенатором, дипломатом Дмитрием Павловичем Татищевым и по совместительству была фавориткой Павла I. Молва приписывала ей рождение внебрачных детей от императора Павла I — Павла и Владимира. Однако данные им при рождении отчества Дмитриевичи и фамилия Соломирские, принадлежавшая матери сенатора Татищева, указывают на их происхождение именно от него. В любом случае оба были успешны и довольно известны в высшем свете: один сын был полковым командиром М. Ю. Лермонтова, другой повздорил из-за дамы с А. С. Пушкиным.

Сама Колтовская, дочь крупного уральского солепромышленника и горнозаводчика Алексея Фёдоровича Турчанинова, будучи женщиной энергичной, целеустремлённой и хваткой, смогла добиться монаршей помощи в улаживании её многочисленных наследственных и имущественных споров[3]. По распоряжению Павла I Державин был назначен её опекуном и способствовал выделу ей при разводе с мужем определённой части имущества[4]. При таких обстоятельствах Державин немного «приволочился» за обольстительной «уралочкой» Колтовской.

Однако многим, и прежде всего жизнью, он обязан, конечно же, своей матери, трепетно его любившей и привившей любовь к Богу, постижению мира и ненависть к несправедливости. История мало сохранила сведений о ней. В воспоминаниях и письмах Державин всегда тепло отзывался о своей матушке и горячо горевал о её смерти.

---

[1] Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 248.

[2] Обер-бергмейстер — главный начальник над рудокопнями, соответствовал VII классу по «Табели о рангах».

[3] Мамаева Н. Н. История рода Турчаниновых в цикле сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» // Вторые Чупинские краеведческие чтения: мат-лы конф. Екатеринбург, 17–18 февраля 2004 г. / сост. Т. А. Колосова. Екатеринбург, 2004. С. 39–50.

[4] РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 919. Л. 1–137.

ПЛЕНИРА

Следующей важной женщиной в жизни Державина была его первая супруга — полупортугалка-полуфинка Екатерина Бастидон (1760–1794 гг.), дочь любимого камергера Петра III Якова Леонтьевича Бастидона и кормилицы Павла I Матрёны Дмитриевны Бастидон. Екатерину Яковлевну он ласково и любя называл Пленирой (т. е. привлекательной, пленившей его сердце). Они впервые встретились в августе 1776 г. в доме О. П. Козодавлева. Как вспоминал Державин, «тогда она уже ему понравилась, но только примечал некоторую бледность в лице». При следующей встрече в театре Екатерина Бастидон «неожиданно его изумила». Наконец, третья встреча в доме Тредиаковского, члена Герольдии, в мае 1777 г. окончательно убедила Державина в его чувствах к ней. Тогда Гавриил Романович улаживал дело о дуэли Окунева и Храповицкого. Державин, беседуя с обер-прокурором первого департамента Сената Рязановым, бывшем на обеде у Тредиаковского, сказал, указав на отъезжавших в карете мать и дочь Бастидон, что вскоре женится на молодой девушке[1]. Екатерина оставила неизгладимый след в его сердце. И это понятно: она была невысокого роста, брюнетка, круглолицая, с большими выразительными глазами, женственная и обаятельная. Державин не стал медлить — он рассказал о своих чувствах к девушке другу Гасвицкому.

На следующий день после этой встречи состоялся маскарад при дворе императрицы, на котором Державин неустанно наблюдал за объектом своей любви. Он отметил её скромность, благородство, степенность. Державин к тому времени уже вышел в отставку с военной службы, поступил на государственную службу, был служащим в Сенате, имел пожалованное имение в 300 душ в Белоруссии, а вместе с родовым имением — 700 душ крестьян, капитал от участия в винных откупах — одним словом, «взял он намерение порядочным жить домом, а потому и решился твёрдо в мыслях своих жениться»[2]. В разговорах

---

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 125–126.

[2] Там же. С. 127.

с приятелями, на обедах у знатных дворян Державин открыто называл имя своей избранницы. Знакомству и сватовству посодействовал действительный статский советник, директор Ассигнационного банка П. И. Кириллов, друг семьи Бастидон. Уже на третий день после маскарада Державин был представлен семье возлюбленной. К тому времени отец девушки уже умер и главой семьи была мать.

В доме Бастидон он заметил опрятность и чистоту, что ему импонировало. Державин сделал вывод о том, что семья его избранницы хоть «простая и небогатая, но честна и благочестивая, хорошего нрава и поведения». Екатерина Яковлевна, помимо внешней красоты, порадовала его тем, что была «не без ума и не без ловкости, приятная в обращении, а потому она не по одному прелестному виду, но и по здравому рассуждению ему понравилась». Больше всего Державину полюбилось в ней то, что она занималась рукоделием и не сидела праздной, не болтала и не хохотала, не сплетничала, желая «показать свою остроту и умение жить в большом свете». Пообщавшись с её семьёй, с ней, оглядев быт будущей невесты, Державин совершенно точно знал, что если «женится на ней, то будет счастлив». На следующий день Державин уже просил руки дочери у Матрёны Дмитриевны Бастидон. Та взяла время на обдумывание и заодно наведение справок о женихе. Державин, работая с экзекутором соседнего департамента Сената И. В. Еворским, хорошо знавшим семью Бастидон, заручился его поддержкой и обещанием положительно охарактеризовать старшей Бастидон претендента в зятья.

Как-то проезжая мимо дома невесты, Державин решился спросить мнения самой Екатерины Яковлевны, «почитая для себя недостаточным пользоваться одним согласием матери». Молодая девушка ответствовала, что жених ей «был не противен». Вскоре приехала и будущая тёща, которая одобрила помолвку. С соизволения цесаревича, великого князя Павла Петровича, сговор о свадьбе окончательно состоялся. После завершения Великого поста 18 апреля 1778 г. молодые повенчались[1]. Жениху было 34, а невесте — 17 лет. В браке они прожили счастливых 16 лет.

Современники отмечали её красоту, тонкий вкус, начитанность, впечатлительность, нежное отношение к супругу. Писатель, в будущем один из министров юстиции И. И. Дмитриев, бывавший в гостях у четы Державиных в 1790-е гг., вспоминал о хозяйке дома: «Катерина Яковлевна... с пригожеством лица соединяла образованный ум и прекрасные качества души... Она пленялась всем изящным и не могла скрыть отвращения своего от всего низменного. Каждое движение души обнару-

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 128–130.

живалось на миловидном лице её. По горячей любви своей к супругу она с живейшим участием принимала к сердцу всё, что ни относилось до его благосостояния. Авторская слава его, успехи, неудовольствия по службе были будто её собственные». Рассказывая гостю о перипетиях службы мужа в г. Тамбове, Екатерина Яковлевна, по словам Дмитриева, «не однажды отирала слёзы на глазах своих». Получив самое обычное воспитание и образование, она продолжала самообразование благодаря общению с друзьями мужа и чтению книг: читала французскую литературу, расширяла свои познания в области музыки и архитектуры. Она нежно и с любовью относилась к своей свекрови и даже после нескольких лет после её смерти со слезами вспоминала о ней[1]. Молодая женщина любила заниматься рукоделием: хорошо вышивала, украсила вышивкой соломенные обои в их доме, искусно вырезала силуэты.

Из переписки с мужем (сохранилось три её письма к Державину) видно, что она всячески подымала его дух и снабжала мудрыми советами. В письме из д. Зубриловки Пензенской губернии, где она гостила у Голицыных, в январе 1789 г. после отставки Державина из г. Тамбова она советовала мужу обратиться за помощью к князю С. Ф. Голицыну, поменьше говорить людям о своём отношении к ним, но больше о делах. Жена очень беспокоилась о делах Державина, желая поскорее с ним увидеться. В февральском письме того же года из Петербурга Екатерина Яковлевна писала о том, что друзья хлопочут за опального экс-губернатора. И она переживала о делах мужа, встречаясь с «нужными людьми», советовала подумать над предлагаемой ему тогда вакансией генерал-провиантмейстера[2]. Бывали между супругами и размолвки. Так, в июле 1793 г. в письме к своей «Катиньке, милой душе его» Державин призывал её помириться, взывая проявить смирение, те качества, которые должны быть у любой женщины и которыми она отличалась от других[3].

Боль утраты любящего мужа, «погружённого в совершенную горесть и отчаяние», звучала в письме к другу И. И. Дмитриеву, в котором он сообщал о кончине «милой, прекрасной, добродетельной Плениры»[4]. Первую свою любовь Державин помнил всегда, скучал по ней. Писатель С. П. Жихарев вспоминал, как Гавриил Романович,

---

[1] Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 196–197.

[2] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 5. Переписка 1773–1793 гг. СПб., 1869. С. 732–733, 741–742, 751, 752.

[3] Там же. С. 812–813.

[4] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 14.

уже женившись на Дарье Алексеевне, любил иногда за обедом в задумчивости рисовать вилкой по тарелке вензель «К. Д.». Однако строгий вопрос жены возвращал его в реальность[1].

Интересное исследование происхождения Екатерины Яковлевны провёл петербургский генеалог С. Д. Дзюбанов. Как он установил, её дедом со стороны матери был Дмитрий Алексеевич Чеканаев (ок. 1681 – ок. 1757 г.), служивший караульным солдатом и служителем в Царском селе. Дзюбанов предполагает, что он был финном, перешедшим в православие. Он, скорее всего, был неграмотен. Бабушкой была Магрет (Маргарита) Кирилловна (ок. 1697–?), финка-лютеранка по происхождению. Оба они принадлежали к так называемым майместам — ингерманландским финнам. Мать Екатерины Яковлевны Матрёна Дмитриевна (1734–1805 гг.) была одной из восьми детей в семье. Первым мужем Матрёны Дмитриевны был царскосельский мастеровой, финн по происхождению Матвей Исаакович Фёдоров (ок. 1730 – ок. 1757 г.), от брака с которым у неё родилась дочь Анна, умершая в младенчестве. Тогда же в 1754 г. после рождения цесаревича Павла она стала его кормилицей. Известно, что Павел очень любил её и всячески ей помогал в дальнейшем. Став императором, он пожаловал ей имение в 200 душ крестьян в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии.

В 1757 г. она овдовела и вышла замуж повторно за Якова Бастидона (? – ок. 1765 г.), португальца, прибывшего в Россию на службу из Голштинии вместе с будущим императором Петром III. Позже, трудясь в придворном ведомстве, он, как и Матрёна Дмитриевна, перешёл в православие. В браке у неё родились две дочери — Елизавета (1758–1759 гг.), умершая в младенчестве, и Екатерина (1760–1794 гг.) — и сын Александр (1762–1796 гг.)[2].

Нежная и любимая Пленира умерла 15 июля 1794 г. в возрасте 33 лет. Она была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры г. Санкт-Петербурга.

---

[1] Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 107.

[2] Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон (первой супруги Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2011. Вып. 7. С. 49–100.

МИЛЕНА

Второй женой Державина и третьей по важности в жизни женщиной стала дочь Алексея Афанасьевича Дьякова, обер-прокурора одного из департаментов Сената, — Дарья (1767–1842 гг.). Её отец был образованнейшим человеком своего времени, знал четыре языка, много читал. Мать Авдотья Петровна, урождённая княжна Мышецкая, была своячницей брата известного дипломата П. В. Бакунина. В доме Дьяковых в Петербурге собирались молодые поэты, которых привлекали пять его дочерей. Выдав их замуж, Дьяков породнился со многими знатными дворянскими родами[1]. Женившись на Дарье, Державин стал свояком писателя В. В. Капниста и архитектора Н. А. Львова, уже женатых на её сёстрах — Александре и Марии. Гавриил Романович и Дарья Алексеевна поженились 31 января 1795 г. и прожили вместе 21 год. Их союз оказался весьма счастливым и крепким. Её он называл Миленой (т. е. милой его сердцу), а она его в домашнем обиходе — Ганечкой или Мамичкой.

Как рассказывал сам Гавриил Романович, обстоятельства их женитьбы были таковы. После смерти Екатерины Яковлевны он «чтоб от скуки не уклониться в какой разврат, женился... на девице Дарье Алексеевне Дьяковой». Он подчёркивал, что выбрал её «не по богатству и не по каким либо светским разсчётам, но по уважению ея разума и добродетелей». О её положительных и симпатичных ему качествах Державин знал давно, тесно общаясь с её семейством ранее. К тому же он запомнил некогда бывший между ней и его первой супругой Екатериной Яковлевной шуточный разговор о замужестве Дарьи Алексеевны. Тогда Екатерина Яковлевна советовала Дарье Алексеевне обратить внимание на симпатизировавшего ей И. И. Дмитриева, на что последняя ответила, что вышла бы замуж только за такого мужчину, как Державин. В его сердце «поселилась искра любви» к «добродетельной и умной девице», как сам он определил своё отношение ко второй избраннице. Хотя многие богатые и знатные невесты, вдовы и девицы

[1] Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903. С. 6.

желали за него пойти замуж, Гавриил Романович был верен своему выбору. Он сделал предложение Дарье Алексеевне уже через полгода после смерти первой жены, ожидая, что их зрелый союз будет основан больше на дружбе и уважении, чем на пылкой страсти. В свою очередь Дьякова две недели изучала приходно-расходные книги потенциального мужа. Убедившись в том, что он сможет содержать семью сообразно должности и возрасту, она дала своё согласие[1].

Дарья Алексеевна была высока, стройна, величава. Она имела крупные черты лица. Филолог и издатель конца XIX в. И. П. Хрущов находил сравнение её Державиным с Минервой, древнеримской богиней мудрости, очень точным[2]. По воспоминаниям её племянницы С. В. Скалон (Капнист), даже в 46-летнем возрасте она сохраняла свою красоту и стройность[3]. Дарья Алексеевна хорошо играла на арфе. Она была полной противоположностью первой жены Державина: холодная, строгая, сдержанная, но заботливая и практичная.

При сватовстве к ней Дарья Алексеевна проявила смелость дважды: во-первых, когда запросила хозяйственные книги у Державина, уже тогда чиновника высокого ранга, во-вторых, когда не побоялась проявить свои качества деловой, практичной женщины, являясь перед потенциальным супругом антиподом его первой жены — мягкой и романтичной. Она, эмоционально сухая, сдержанная, волевая, прагматичная, с чувством собственного достоинства и понимания значимости своего супруга, во многом под стать ему, обеспечивала устойчивость их брака, организовывала дом, хозяйство, статус Державина-чиновника. Будучи умной и хваткой хозяйкой, она освободила его от множества хозяйственных забот, восстановила его убыточные имения, приумножила доходность от них: обладая предпринимательским чутьём, выгодно продавала и приобретала имения, успешно вела семейный бюджет. При этом она была не только рачительной хозяйкой дома, но и светской, статусной дамой, гармонично дополняя и выгодно подчёркивая положение своего известного мужа. Она не терялась на его фоне, являясь верной спутницей по жизни, была вполне самодостаточной личностью для женщины её круга и тех времён.

Дарья Алексеевна увлекалась танцами, музыкой, театром. Их дом на набережной р. Фонтанки в Петербурге был культурным центром столицы, в нём собирались известные и незаурядные люди: поэты,

---

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 367–369.

[2] Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903. С. 5–6.

[3] Скалон С. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 482.

чиновники, общественные деятели. Музой и хозяйкой дома, человеком второго плана неизменно была Дарья Алексеевна, которая искренне создавала для обожаемого Ганички атмосферу почитания и понимания. Она распределила эти роли исподволь, не задевая мужского самолюбия, задавала генеральный тон в семье, достойно и умело играла свою партию «второго плана». Второго — не худшего, но важного и нужного. Она была истинной российской женой — жертвенной, терпеливой, стойкой, спокойно и уверенно любящей. На таких, как она, в общем, держалась и держится Россия.

Несмотря на сложность характера творческого человека, она уживалась с его капризами, эгоизмом, невнимательностью — потому что любила его сильнее всех. Её любовь была действенной, рассудочной, но ценность её в том нисколько не уменьшалась. Дарья Алексеевна была незаменимой помощницей, опорой, собеседницей, подругой, партнёром зрелого мужчины. Она блестяще обратила в свою пользу и положение второй жены, и разницу в возрасте, и спрятанную в глубине женскую нежность. Добровольно пожертвовав свою жизнь Державину, Дарья Алексеевна при этом обрела над ним стойкую психологическую власть, обладая скрытой притягательностью для мужа. Она, вторая жена, мягко и уверенно вытеснила его первую любовь, привязанность молодости, завладев им полностью, сделав это незаметно и естественно. Державин был не против: ему это очень импонировало, он не сопротивлялся, сдавшись своей Милене. Но тайком от неё каждый год всё же посылал поминальные записки в церковь в память о первой жене[1].

Сохранилось четырнадцать писем Державина к Дарье Алексеевне: шесть записочек написаны в пору, когда она была ещё его невестой, шесть — в период его командировки в Белоруссию в июне–сентябре 1800 г. и два письма — в мае 1814 г., когда она уехала в Званку раньше него, ожидавшего в Петербурге приезда государя[2]. В них он проявил себя как романтичный, нежный, заботливый муж. Он обращался к жене «друг мой милый, Дашенька», рассказывал о том, что делал, каково было состояние его здоровья. И это несмотря на то, что он был уже далеко не юнец.

Их дом был полон молодых многочисленных родственниц, которые отвлекали Державина, позволяя чувствовать мужское обаяние и значимость. Она мудро позволяла ему различные «шалости», незаметно манипулируя и тем самым владея им психологически. И в этом был

---

[1] Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903. С. 10.

[2] Сочинения Державина... СПб., 1871. Т. 6. С. 24–26, 120–123, 291–292.

определённый шарм и даже некий эротизм. Дарья Алексеевна знала, что нужно Державину, лучше, чем он сам. Она окружала его заботой и теплом, настойчиво ограждала его от волнений и напрасной усталости: при ней старые приятели и друзья вынуждены были уходить из их дома до полуночи, намного раньше, чем при первой жене, что они с досадой отмечали. Так, писатель С. Т. Аксаков вспоминал, как она просила его не волновать своим визитом приболевшего Державина и чтением ему вслух литературных произведений, от которого он приходил в беспокойство[1]. Её забота проявлялась в строгом сдерживании Державина, известного гурмана, от употребления вредных ему продуктов и блюд. Доходило до того, что ей приходилось буквально отбирать у него тарелки с любимым, но вредным для его здоровья кушаньем. Он ворчал, немного обижался, но, понимая цель такого поведения жены, быстро забывал об обиде и смирялся с диетой.

Ей хорошо были известны допустимые меры давления и управления — так что Державин со стороны не выглядел подкаблучником. Он осознанно и с благодарностью принимал её заботу, подчинялся её советам не из-за слабости своего характера и воли, а потому что так было разумно и целесообразно для него и для неё. Державин был «разумным подкаблучником», соглашаясь на ситуативно-обыденную женскую опеку с тем, чтобы не обижать свою Милену, не нарушать установленной гармонии. В этом он проявлял свои дипломатические способности в быту. Вероятно, это нужное качество в семейной жизни помогла раскрыть именно вторая супруга. Благодаря ей Державин хорошо и спокойно для своих лет и статуса жил и творил в отдалении от государственных дел. Благодаря же ему проявились её женское начало, традиционно-консервативные качества хранительницы очага — такие понятные, естественные и ожидаемые от женщины и одновременно невероятно сложные в раскрытии. Державин доверил новой жене и себя, и свой быт, и управление деньгами и недвижимым имуществом. И ему с ней невероятно повезло, особенно учитывая возникшие финансовые затруднения в последние годы жизни Гавриила Романовича.

Хотя судьба не подарила Державину детей, он с нежностью и заботой относился к своим многочисленным племянникам и племянницам, последние подолгу жили у него в доме, заменяя родных детей. Он любил возиться и с крестьянскими детьми в Званке. Обладая статусом, Гавриил Романович помогал многочисленным родственникам Дарьи

---

[1] Аксаков С. Т. Знакомство с Г. Р. Державиным // Аксаков С. Т. Избранные сочинения. М., 1982. С. 677–678.

Алексеевны. Так, в феврале 1813 г. он представлял военному министру князю А. И. Горчакову Дьякова, племянника жены, адъютанта генерала И. Е. Шевича, как «расторопного офицера», готового исполнить любое его поручение[1]. Однако некоторые родственники Державина считали, что Дарья Алексеевна «старалась отклонить старика от казанских родных его и окружала своими родственниками». Внучатый племянник Державина В. И. Панаев, приходивший в гости к нему в декабре 1815 г. и весной 1816 г., отмечал её холодность и сухость по отношению к нему[2].

После смерти Державина в 1816 г. Дарья Алексеевна благородно отказалась от назначенной ей государем пенсии и просила его не назначать ей выплат, так как у неё не было детей и она располагала достаточным недвижимым имуществом и деньгами для жизни. Она, будучи вдовой, сохраняла силу характера и выдержку. Известно, с каким жаром она отстаивала свою Званку от покушений на неё соседа — графа А. А. Аракчеева, стремившегося увеличить площадь своих имений в Новгородской губернии. Она резко отказала ему в продаже деревни в казну. Позже они подружились, граф весьма уважал её за непреклонный характер и достоинство.

Д. А. Державина жила довольно замкнуто, по-прежнему с успехом вела хозяйство, увеличивая доходы от имений, как и прежде с мужем, каждое лето ездила в Званку. Она была не одинока: с ней постоянно проживали племянницы, приезжали гостить иные родственники, навещали друзья мужа. Несмотря на расчётливость и некоторую скупость, вдова Державина занималась благотворительностью: для нескольких способных и бедных дворян-студентов Казанского университета она учредила годовую стипендию в память об их знаменитом земляке, в г. Москве основала приют для освобождённых из заключения людей, некоторых крепостных отпустила на волю, не повышала сумму оброка для оставшихся, уволенным излишним служащим по дому помогала материально, пока они не устраивались на новую работу, и пр. Она пережила супруга на 26 лет. Похоронена Дарья Алексеевна вместе с Гавриилом Романовичем в Хутынском монастыре Новгородской губернии. Своё состояние она завещала многочисленным племянникам. Однако самую крупную его часть — Званку и деньги от продажи державинского дома в Петербурге — она завещала на общественные нужды[3].

---

[1] Письмо Г. Р. Державина к военному министру князю А. И. Горчакову // Русский архив. 1896. № 1. С. 564.

[2] Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 248–249.

[3] Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903. С. 21–27.

История с исполнением воли завещательницы, умершей в 1842 г., сыграла злую шутку, ещё раз продемонстрировав те общественные и государственные язвы, с которыми боролся её знаменитый муж. По воле Дарьи Алексеевны, которую при жизни поддерживали и племянницы, Званка и денежные средства от продажи особняка в Петербурге должны были пойти либо на строительство в Званке приюта или училища для воспитания девочек-сирот из духовного сословия, либо, в случае невозможности первого, поделены между женскими монастырями Новгородской епархии. Из-за всевозможных бюрократических проволочек, земельных споров, притязаний разных духовных учреждений завещание было исполнено лишь 28 лет спустя после смерти завещательницы. В марте 1869 г. в Званке был основан Знаменский женский монастырь и младшее отделение новгородского женского епархиального училища при нём[1]. Монастырь был закрыт в 1925 г. и окончательно разрушен в период ожесточённых боёв периода Великой Отечественной войны.

Итак, судьба наградила Державина тремя женщинами: любящей и заботливой матерью и двумя замечательными жёнами. Да и Державин умел выбирать жён — обе его супруги были достойными женщинами своего социального круга и времени, создававшими уют для знаменитого государственного деятеля и поэта. Для него очень важным и значимым был дом, в котором он находил утешение от житейских тревог, женскую ласку и заботу, получал силы для дальнейшей борьбы за правду. Державин же был хорошим мужем: он счастливо, душа в душу, прожил и с первой, и со второй женой, любил, уважал, заботился о них, нередко прислушивался к их мнению. Каждую из жён он любил по-разному: Екатерину Яковлевну — первой, пылкой любовью молодого мужчины, Дарью Алексеевну — дружеской, ровной любовью зрелого и мудрого мужчины. И каждая из супруг была счастлива рядом с ним, искренне любя и уважая Державина. Он обладал редким качеством семьянина.

[1] Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903. С. 28–32.

Послесловие

«ЛЬСТИТЬ, А ПАЧЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДЕЛЕ, НЕ МОГУ...»

Итоги государственной службы

Как ни странно, но последние два-три года государственной службы Державина оказались одними из самых насыщенных — они изобиловали сложными испытаниями и волнениями. К ним относятся и кропотливое расследование лопухинских афер, и напряжённая работа в Сенате и Министерстве юстиции, и практически единоличное отстаивание своих позиций в Государственном совете и Комитете министров, и нестабильные отношения с императором и его политическим окружением. Державин, будучи уже далеко не молодым человеком, продолжал так же, как и раньше, прилежно выполнять свой гражданский долг так, как он его понимал, и не корректировал свою позицию в угоду обстоятельств и первых лиц государства. Он всегда действовал в одиночку, не входя ни в какие коалиции и команды «по интересам». Министр имел много недоброжелателей и врагов, был прямолинейным с ними, в то время как они наносили удары исподтишка. Гавриил Романович был рисковым человеком, не боялся ходить по лезвию ножа.

Развязку многотрудных проблем неугодливого, но верного служаки Отечества взял на себя Александр I, приказав Гавриилу Романовичу «очистить» место министра юстиции. Он не был столь любезен и терпелив к беспокойному и ревностному чиновнику-поэту, как его бабушка и отец. 26-летний монарх и почти 60-летний министр так и не смогли больше найти общего языка — и наступил финал карьеры Державина. Не крах, не закат, а достойное завершение профессиональной деятельности. Вероятно, он и не мог быть иным. Как Державин служил, так и ушёл в отставку: по велению сердца, с честью, оставшись при своём мнении и видении пути развития государства. Ожесточённую

борьбу с льстецами-казнокрадами он проиграл, но поражение носило тактический характер. Стратегически победа осталась за Гавриилом Романовичем: он не пополнил ряды коррумпированных чиновников, достойно продемонстрировав, что бывают и исключения.

Вновь, как и прежде, ряд полезных предложений Державина не был учтён. Так, его инициатива о дифференцированной квалификации коррупционных преступлений на неумышленные и злостные, к сожалению, не была реализована. Для того чтобы канцелярские служащие Сената не требовали взяток от заявителей, он советовал прибавить им жалование за счёт продажи напечатанных при сенатской типографии текстов законов и указов. Это предложение власть в последующем восприняла, но вырученные от такой продажи деньги направляла не на прибавку жалования рядовым чиновникам, а в государственную казну[1]. Юридически выверенный и явно необходимый стране проект устройства третейского суда оказался отклонённым.

Вместе с тем, благодаря его усилиям в качестве сенатора, министра юстиции и генерал-прокурора, были разработаны и внедрены в практику основы государственного соляного промысла в Крыму, принято около 40 законов, вошедших в последующем в «Полное собрание законов Российской империи», заложены основы многовековой деятельности Министерства юстиции, улучшен порядок прокурорского надзора на всех уровнях власти, усовершенствован судебный процесс, процедура обжалования приговоров суда, впервые в истории страны обвиняемые получили право знакомиться с содержанием решения суда, предприняты энергичные попытки законодательного пресечения коррупции.

Державин, даже отойдя от дел, не переставал думать о государственной пользе. Он, имевший опыт беспорочной военной и гражданской службы, делился им с чиновниками, составил проекты переустройства армии. Его предложения были здравы и практичны, а предупреждения о неминуемом столкновении с французской армией сбылись.

Итак, что же осталось в активе и пассиве знаменитого чиновника с душой поэта? Сам Державин в своих воспоминаниях из многочисленных заслуг выделил четырнадцать поступков, которыми он гордился: надзор за исполнением бюджета в Экспедиции государственных доходов, саботаж «вздорных» приказов олонецкого генерал-губернатора Т. И. Тутолмина, обеспечение провиантом армии, сражавшейся под руководством Г. А. Потёмкина, обнаружение крупных казённых хищений в Тамбовской губернии, ответственное исполнение обязанностей статс-секретаря Екатерины II, затребование у Павла I

[1] Записки Г. Р. Державина... М., 1860. С. 499–500.

должностных инструкций правителя Верховного совета, проведение выездной ревизии в Белоруссии, решение там проблем с голодом, расследование махинаций калужского губернатора Д. А. Лопухина, упрощение делопроизводства в Сенате, создание обер-прокурорских совещаний в Сенате, введение практики обжалования решений судов по должностным преступлениям, разработка закона о взяточничестве, проекта третейского совестного суда[1].

Талант Державина-чиновника, в отличие от заслуг Державина-поэта, был явно недооценён современниками. Действительно, он за свою многолетнюю государственную гражданскую деятельность успел сделать много полезного для страны: «с нуля» организовать работу наместничества в Карелии, основать там город Кемь, административные и социальные учреждения; «просветить» Тамбовский край, обеспечить продовольственным снабжением столицу и армию; написать целый ряд должностных инструкций для государственных органов власти; оптимизировать работу приёмной главы государства по рассмотрению жалоб и прошений, улучшить функционирование Коммерц-коллегии, таможенной системы, казначейства, Министерства юстиции, Сената; содействовать развитию торгового флота Российской империи и интенсификации торговли с Азией; разработать полсотни законов; практической деятельностью повысить статус третейства и медиации. По поручению монарха он дважды направлялся в командировку и проводил государственные ревизии в Западном крае и Калужской губернии. По итогам первой подготовил основы для «Положения о евреях» 1804 г., по итогам второй — антикоррупционный закон. При всём этом калейдоскопе профессиональных достижений Державин успевал руководить дворянскими опеками и попечительствами. Несправедливо то, что при несомненной административной хватке и явном вкладе в дело государственного управления он вошёл в историю больше как поэт.

Столь же энергично он готовил многочисленные проекты и предложения по усовершенствованию системы государственного управления, контроля и надзора. Все державинские предложения рождались на почве десятилетних наблюдений за особенностями государственного управления в России. Они были выстраданы в многочисленных битвах с вороватыми чиновниками-чистоплюями. Можно образно сказать, что каждый полученный от этих жестоких сражений «шрам» отразился в многочисленных проектах Державина. Его проекты реформирования отдельных сфер государства — это своеобразная карта

[1] Записки Державина... М., 1860. С. 495–500.

«рубцов» на сердце Державина-чиновника. По ней можно изучать анамнез его хронической болезни за судьбу Отечества.

О своих нереализованных предложениях и невостребованных властью инициативах Державин всегда сожалел. Весной 1816 г., за два месяца до смерти, в одном из разговоров со своим внучатым племянником В. И. Панаевым, помогавшим ему разбирать бумаги перед отъездом в Званку, на удивлённый возглас последнего о том, что дядя за свою жизнь написал столько много записок и по разным вопросам, он спокойно ответил: «А ты разве думал, что я писал одни стихи? Нет, я довольно потрудился и по этой части, да чуть ли не напрасно: многия из полезных представлений моих остались без исполнения». Более всего Державина утешало то, что он способствовал мирному разрешению многих семейных судебных тяжб[1].

Его профессиональная жизнь состояла из крайностей. На крутых виражах государственной службы он, «неправильный» чиновник, пробыл долгих и нелёгких 42 года. Своё истинное предназначение Гавриил Романович видел в беззаветном служении Отечеству. Он храбро и честно сражался на баррикадах законности и справедливости. Державин самозабвенно отстаивал эти принципы вопреки всем и всему, зачастую в ущерб себе, но никогда не интересам России. Порой даже кажется, что очередной поединок с коррупцией, чиновничьими ханжеством, цинизмом и изворотливым лукавством ещё больше закалял его, придавая сил для новых раундов борьбы. Причём не важно, каким исходом он заканчивался, а завершались эти стычки часто не в пользу Державина.

Некоторые преследуемые им лихоимцы, недруги-коллеги, озадаченные его неформатным поведением монархи уважали такого несгибаемого чиновника. Для большинства же представителей знати и политической элиты он был неудобен, непонятен, иногда опасен. Неподкупный, прямолинейный, юридически грамотный, практически неутомимый в работе, с острым умом и языком — Державин был грозою для государственных воров и воришек, «благородных» лодырей и дармоедов, в то время как мелкопоместное дворянство, купечество, часть крестьянства видели в нём своего защитника и ходатая.

И, невзирая на всё это, Державин сумел стать политическим долгожителем. В чём секрет? Вероятно, он кроется в целом комплексе причин. И, пожалуй, важное место среди них занимали природные одарённость и витальность, банальная удачливость, которые определили благосклонность монархов, некоторых вельмож, нейтрализацию

---

[1] Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 252.

врагов, политическую живучесть в итоге. Не последнюю роль в поддержании общего жизненного тонуса сыграла и вторая жена, Дарья Алексеевна, создавшая для него комфортные хозяйственно-бытовые условия и стабильный эмоциональный фон для насыщенной государственной и творческой деятельности.

Державин в письме к В. Н. Каразину в марте 1814 г., за два года до смерти, писал о своём желании того, чтобы в «правителях частей государственных» «возбудилась ревность к истинному патриотизму и прямому усердию к истинному благу Отечества», «а без того едва ли успехов ожидать можно будет»[1]. Даже в старости его не покидала мечта об идеальном устройстве государства. Удивительно, что до самых преклонных лет Державин, верный высокому нравственному императиву, верил в лучшее. Он сохранял чувство чести и справедливости, исключительную порядочность и правдивость, честность и благородство, «пламенное усердие» в государственных делах и мыслях о его благополучии.

Под конец жизни Державин, размышляя над своими успехами и неудачами, среди прочих написал себе такую эпитафию[2]:

Сребра и злата не дал в лихву
И с неповинных не брал мзды,
Коварством не вводил в ловитву
И не ковал ничьей беды;
Но, верой, правдой вержа злобу,
В долгу оставил трёх царей.
Приди вздохнуть, прохожий, к гробу,
Покоищу его костей.

В одной из дореволюционных газет в июле 1816 г. был помещён некролог о Державине, поистине ёмко отразивший суть его яркого и многотрудного жизненного пути: «Сего июля с 8-го на 9 число скончался знаменитый Российский Песнопевец Гаврило Романович Державин, в усадьбе своей Званке, 73 лет от рождения. Сей почтенный муж, родившийся в Казани 3-го июля 1743 года, к лаврам Поэта умел присоединить гражданский венец усерднаго сына Отечества и с одинаковою ревностию посвящать деятельную жизнь свою Музам и Фемиде» *(с. приложение 1, документ № 18)*[3].

---

[1] Письмо Г. Р. Державина к В. Н. Каразину по поводу его речи, произнесённой в Филотехническом обществе // Русская старина. 1900. № 11. С. 482.

[2] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 3. Стихотворения. Часть III. СПб., 1866. С. 504.

[3] Некрология // Русский инвалид. СПб., 1816. № 164. С. 670.

Г. Р. Державин, российские историко-политические традиции и архетипы правосознания: связь времён

Для того чтобы разобраться в политическом феномене Державина, необходимо учесть важные, с нашей точки зрения, управленческие, социально-политические и исторические традиции, а также национальный архетип правосознания. Именно их познание в связи с административной деятельностью Гавриила Романовича позволит определить причины частой «остуды» к нему монархов и неприязни высших сановников, влиявших на принятие государственных решений. Утвердившееся представление о конфликте несдержанного, прямолинейного и правдивого чиновника и его более сговорчивых с властью и между собой сослуживцев разного ранга как минимум выглядит очень простым. Мы уже отмечали то, что не Державин сталкивался с бюрократией, а система и выпавший из неё неформатный элемент. Проведённое исследование политической биографии Державина позволило нам углубить этот вывод, посмотреть на державинские столкновения с чиновничеством с позиций политико-правового архетипа России.

Ведь современный модернизационный процесс имеет глубокие исторические корни. России свойственно развиваться в трансформационной парадигме в интересах самосохранения господствующей политической власти, элиты и идеологии[1]. Достаточно точно по этому поводу высказался отечественный историк и политолог Ю. С. Пивоваров, указав на то, что в «нашей стране господствует самодержавная политическая культура», характеризующаяся персонифицированной властецентричностью[2]. Власть в России априори моносубъектна. Она представляет собой своеобразный микс из византийского лукавства и азиатского коварства. Природа российской власти такова, что ведущим участником государственной и равно общественной жизни является само государство. И от того, кто возглавляет политическую систему, многое зависит.

---

[1] Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

[2] Пивоваров Ю. С. Русская политика в её историческом и культурном отношениях. М., 2006. С. 17.

Диалог между государством и обществом всегда строился далеко не на равных позициях. Изначально общество всегда было гораздо слабее и пассивнее власти. В образованной части социума столетиями существовала патологическая властебоязнь, к которой ещё примешивалось вековое чувство вины перед народом. Однако в периоды повышения уровня общественного самосознания и его инициативности государству всё же приходилось совершать временные уступки в виде реформ. Завоёванные достижения позже нивелировались чередой контрреформ. Связка «реформа–контрреформа» стала апробированной основой волнообразных трансформационных процессов в стране. Дихотомия «консерватизм–либерализм» стала ответной общественной реакцией на неё.

При слабой институциональности государственного аппарата огромное влияние на политический процесс оказывали внесистемные его элементы: Ближняя Дума образца XV–XVI вв., опричнина, Тайная канцелярия, Преображенский приказ, Кабинет его императорского величества, Негласный комитет и т. д. Они были прочно аффилированны с властью. Эта прочность усиливалась неформальными институтами (родственными, дружескими, коррупционными), которые успешно конкурировали, а порой выигрывали у формальных. Скрытые механизмы власти на деле зачастую оказывались эффективнее гласных институтов.

XVIII (с небольшим перерывом на «дворцовые перевороты») — начало XIX в. — это очередной виток масштабного транзитарного политического процесса. Екатерина II и Александр I вслед за Петром Великим были активными акторами системных преобразований. Государственная система приобрела новые импульсы развития. В российской политике последней трети XVIII – начала XIX в. происходили качественные изменения в государственном аппарате. Державин, будучи частью этого процесса, представлял собой нетипичную модальную личность. Будучи прагматичным консерватором, он выступал за реформы в интересах сохранения государственности в виде самодержавия.

Ещё раз сошлёмся на мнение Н. Ю. Семёнова о том, что в России остро стояли «проблема “безлюдья”, отсутствия государственных людей на вершине пирамиды власти и проблема “средостения”, за которой скрывалось политическое недоверие самой власти к своему же собственному аппарату»[1]. Ссылаясь на отзывы современников о нехватке одарённых и государственно мысливших людей

[1] Семёнов Н. Ю. Об особенностях государственной власти в России // Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 15.

в правительстве, учёный убеждён в том, что шедшие сверху жалобы на «безлюдье» в высшем эшелоне власти не были случайными и мнимыми. Они объяснялись спецификой формирования российского правительства, которое было чисто бюрократическим. Требования к кандидатам были строгими, что значительно сужало круг потенциальных чиновников: канцеляризм, «бесцветность» и умение подчиняться. Медленное восхождение по служебной лестнице с соблюдением устоявшихся негласных формальностей и традиций выхолащивало компетентность чиновников: она приобретала более канцелярский, нежели сущностный характер. В связи с этим доступ в аппарат власти умным, инициативным, независимо и нестандартно мыслившим был почти закрыт или крайне затруднителен. Хотя были и яркие исключения (Д. А. Милютин, П. А. Валуев, А. А. Абаза, М. Х. Рейтерн, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте и др.). Однако их положение было двояким: с одной стороны, власть нуждалась в их знаниях и опыте, с другой — она и её бюрократическая элита относились к ним с оттенком дистанцирования, неприятия как людей «другого круга».

Недостаток в талантливых государственных людях на высших ступенях власти был результатом осознанной кадровой политики верховной власти. Блёклость государственного аппарата власти была выгодна для правителей, во-первых, с позиций личного спокойствия за безусловность собственного верховенства в системе власти. В этом проявлялась банальная человеческая ревность монархов к людям более умным и способным. Во-вторых, ориентация на людей средних способностей, «не отцвечивавших», диктовалась политическим (не служебным) недоверием верховной власти к лояльности чиновничества: «серыми» и лишёнными инициативы подчинёнными было легче управлять, контролировать их и при необходимости смещать с должностей. Тем самым власть не позволяла политически укрепиться бюрократии, стать независимым и сильным игроком в государстве.

Аппарат управления страной был наводнён посредственными людьми, которые и породили такие «визитные карточки» бюрократии, как волокита, бюрократизм, взяточничество, несогласованность между ведомствами, зависимость от нажима сверху («ручное управление»). Усилиями власти бюрократия превратилась в «средостение», т. е. преграду между властью и обществом. Эта эгоистичная и властеохранительная линия привела к тому, что во второй половине XIX в. бюрократия при слабевшей политической воле власти усилилась, а ряды врагов власти пополнила интеллигенция, жаждавшая перемен. В итоге это привело к революционному взрыву 1917 г. В Советском

государстве эти черты царской государственной кадровой политики и логики взаимоотношений с бюрократией возродились[1].

Державинский феномен состоит в глубочайшем чувстве Родины, стремлении защитить отечественную ментальность от западного влияния и трансформации, национальные интересы страны в целом. Он стремился практическими действиями сократить отчуждение бюрократии от общества, для этого он боролся с взяточничеством и казнокрадством. По своим взглядам он был охранительным либералом или либеральным консерватором — тем самым конструктивным элементом в политической структуре России, уравновешивающим звеном между безоглядным перечёркиванием прошлого и оголтелой модернизацией, с одной стороны, и упрямым следованием отжившим идеалам — с другой. Именно такого устойчивого балансира России всегда не хватало, не достаёт и сейчас.

В нём было сильнó сохранение национальной самоидентификации государства. Всё это заставляло его буквально фонтанировать идеями государственного переустройства, рациональными предложениями, демонстрировать боевитость и решительность. Несомненно, Гавриил Романович был оригинальным государственным деятелем, желавшим принести максимальную пользу. В контексте рассуждений об особенностях рекрутинга высшего чиновничества, могуществе неформальных институтов и практик можно смело утверждать, что Державину повезло «пробраться» на самый верх политического Олимпа, усидеть там почти двадцать лет и добиться внедрения некоторых своих административных предложений. Несмотря на впечатляющий перечень достоинств, для верховных правителей и сановников он оставался чужаком. И всё потому, что пытался преодолеть раскол между абсолютным законом и законом земным, исходившим от государственных правителей, естественным и позитивным правом. Именно об этом в стихотворении «Песнь из 14-го псалма Правдолюбцу, Министру, Пииту и Философу», посвящённом Державину, писал анонимный автор[2]:

Поведай, Господи! Кто внидет
В твой светлый лучезарный храм.
Кто на святую гору взойдёт,
И свой окончит подвиг там?

---

[1] Семёнов Н. Ю. Об особенностях государственной власти в России // Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 16–23.

[2] ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 28. Л. 102–102 об.

Не тот ли, кто здесь без пороку
Всей жизни поприще идёт,
Кто правоту хранит жестоку,
И в сердце истину блюдёт!

Языком хитрым не ласкает,
Не хочет ближним зла творить,
И клеветам не попускает
В свои чувствилища входить.

Лукавых не в велико ставит,
Но праводушных и благих
И сердцем и устами славит,
И держит клятву слов своих.

Гнушаясь мерзостью мздоимства,
С невинных не берёт даров,
Сребра не даст из лихоимства,
Но туне бедным дать готов.

Кто так себя располагает,
Тот не подвижется во век,
И храма славы достигает
Как твёрдый мудрый человек.

В «готовности умереть за правду» (эту черту подметила Е. Н. Львова, дочь друга и свояка Н. А. Львова)[1] Державин был близок к народному правосознанию. Идея справедливости, как отмечают многие исследователи, является одним из важных архетипов российского сознания. Правда, которая включала истину и страдание за неё, понималась как ответ на произвол и авторитаризм государственной власти[2]. Однако в общественном сознании отчётливо выделялся приоритет морали и нравственности как социального регулятора по отношению к абстрактному праву. Право как выражение государственного контроля обладало меньшей ценностью, было вторичным по отношению к морально-нравственным ограничениям и запретам.

---

[1] Львова Е. Н. Рассказы, заметки и анекдоты из записок // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 409.

[2] Стёпин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 24.

Общественное сознание было этикоцентрично, страдало от дефицита правосознания.

Важными детерминантами отечественного правового менталитета были религиозность и терпимость ко злу, в том числе исходившему от власти. В случае спора россияне стремились и стремятся до сих пор поступить «по совести», а не «по закону». Высказывание Александра Невского «Не в силе Бог, а в правде» ёмко и точно выражает суть правового менталитета россиян. Это породило то, что незнание законодательства, а нередко и полное к нему предубеждение, является характерной чертой русского национального самосознания. Без понимания нравственной сути закона, его общественной справедливости для русского менталитета невозможно уважительное отношение к нему. Юридические законы должны основываться на моральных установках, быть близки к архетипу правового сознания и поведения. Державин стремился перекодировать общественное сознание: сблизить Закон и Правду. В связи с этим не кажется парадоксальным то, что Державин был востребован в качестве поборника правды и справедливости и порицаем как защитник законности. Концепты «законности», «правды — справедливости» расходились как в государственном, так и в общественном восприятии, а на практике — почти всегда.

Державин, будучи частью своего времени, пытался органично соединить эти полюсные представления. Однако он постоянно спотыкался о столетиями укоренившуюся практику правоприменения, не в силах переломить её. Зная эту особенность российской правовой культуры, становится понятно, почему Державин, блестяще знавший государственные законы и стремившийся к установлению режима законности, что в целом соответствовало внутриполитическому курсу «просвещённых» монархов, вызывал всеобщую неприязнь как несгибаемый правдолюб, следовавший морально-этическому кодексу, нормы которого применять было сложнее, чем нормативно установленные.

Неудивительно, что при Александре I Державин, несмотря на дерзкую горячность, острый и меткий язык, вспыльчивый нрав, был необходим как «ревнитель законности» и «неумолимый преследователь лихоимства». Император с интересом выслушивал мнения Державина относительно «перекосов» в деятельности Сената, поручил подготовить расширенный доклад о сенатской реформе, поставил во главе Министерства юстиции, отправил расследовать факты злоупотребления в Калужской губернии, одобрил проект преобразований третейского судопроизводства. При этом досадовал на его непреклонное стремление к правде, той самой, понимаемой в естественно-правовом смысле. Александр I отклонил державинские проекты реформы Сената

и третейского суда, не санкционировал применение мер ответственности к калужскому губернатору Д. А. Лопухину, уличённому Державиным в казнокрадстве и превышении должностных полномочий. Наконец, разозлившись на частые отказы министра юстиции контрасигнировать указы (т. е. скреплять своей подписью), вынудил его вовсе уйти с государственной службы.

Дихотомия «закон — правда», осложнённая новой расстановкой политических сил и интересов при дворе Александра I, особенностями характера Державина, не позволила, на наш взгляд, раскрыть Державину в полной мере потенциал министра юстиции. Да и молодой император со временем стал тяготиться «старыми служивцами» своей прославленной бабушки, приближая к себе близких по духу дворян, разделявших его интерес к либеральным заигрываниям. К тому же на политическую сцену уже вышли сильные соперники вельмож «старого кроя» — Н. Н. Новосильцев, М. М. Сперанский и др. Они, не цеплявшиеся за идеалы прошлого, не обременённые авторитетом времён екатерининской и павловской эпох, мыслили свежо и действовали смело. То была вполне естественная и закономерная смена бюрократических элит.

В своих предложениях, записках и проектах Державин задевал болевые точки государственного устройства России, высвечивал его слабые стороны, давние проблемы, предлагал сложные с точки зрения национальной ментальности меры их решения. Делал он это крайне рьяно и не всегда деликатно. За это его не понимали и осуждали современники. Его обвиняли в горячности нрава, нетерпеливости, вспыльчивости — и совершенно напрасно: он был истинный потомок мурзы Багрима — решительный, самолюбивый, смелый, самостоятельный, в меру хитрый. Он умел соблюдать баланс между почтительной угодливостью и бесстрашной независимостью. Излишние гибкость и пластичность характера, несомненно, удобные в жизни качества, снижают ощущение собственного достоинства, как внешнее, так и внутреннее. Принципиальность, справедливость, нестяжательство, верность данному слову и людям — это те качества, которые затрудняют жизненный путь личности. Однако подобный путь в жизни выбирается сознательно и рассчитан на немногих.

Принятые сокращения

ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН — Институт русской литературы Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

Источники и литература

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 96 (Державин Г. Р.). Оп. 9. Д. 5, 14, 16, 17, 21, 24; Оп. 11. Д. 66.
2. ОР РНБ. Ф. 247 (Державин Г. Р.). Оп. 1. Т. 24, 28, 34; Оп. 2. Д. 10, 11, 12, 14, 31.
3. ОР РНБ. Ф. 636 (Репинский Г. К.). Оп. 1. Д. 54.
4. РГАДА. Ф. 345 (Селивановский С. И.). Оп. 1. Д. 44.
5. РГАДА. Ф. 1261 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 1431, 1491, 1495.
6. РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 1. Д. 11.
7. РГИА. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 14. Д. 10.
8. РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 84. Д. 675.
9. РГИА. Ф. 1101 (Документы личного происхождения, не составляющие отдельных фондов). Оп. 1. Д. 223.
10. РГИА. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 г. при Государственном совете). Оп. 1. Д. 66.
11. РГИА. Ф. 1374 (Канцелярия генерал-прокурора Сената). Оп. 2. Д. 919; Оп. 5. Д. 3, 65, 66, 89, 122, 125, 126, 169, 170, 174, 181, 183, 185, 188, 189, 190, 191, 194, 195, 196, 197, 198, 201, 202, 206, 210, 211, 212, 213а, 214, 215, 216, 218, 222, 226, 228.
12. РГИА. Ф. 1400 (Документы из уничтоженных дел Сената и Министерства юстиции (коллекция)). Оп. 1. 716, 720, 721, 737, 738.
13. РГИА. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 1. Д. 5059.
14. РГИА. Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества канцелярия). Оп. 1. Д. 172, 607.
15. РГИА. Ф. 1486 (Бумаги статс-секретарей Молчанова, Кикина и Муравьёва). Оп. 5. Д. 114, 127, 146, 187, 188, 244.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Аксаков С. Т. Знакомство с Г. Р. Державиным // Аксаков С. Т. Избранные сочинения. М., 1982. С. 666–686.
2. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб., 1878. Т. 3.
3. Архив Государственного совета: в 5 т. СПб., 1899. Т. 4.

4. Архив князя Воронцова: в 40 кн. / под ред. П. И. Бартенева. М., 1877. Кн. 12.

5. Благодарность императора, объявленная Сенату Державиным // Русская старина. СПб., 1900. № 6. С. 682.

6. Болотов А. Т. Памятник претекших времён или краткие исторические записки о бывших произшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875.

7. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 т./ ред. С. Я. Штрайх. М., 1928. Т. 1.

8. Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 305–381.

9. Галкин-Враский М. Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг. // Русская старина. СПб., 1901. № 1. С. 147–196.

10. Граф Ф. В. Ростопчин и Г. Р. Державин // Русская старина. СПб., 1899. № 9. С. 615–616.

11. Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886.

12. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 179–204.

13. Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955.

14. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг.: в 2 т. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888.

15. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг.: в 2 т. Т. 2. 1810–1812 гг. СПб., 1891.

16. Записки Г. Р. Державина 1743–1812 с литературными и историческими примечаниями П. И. Бартенева. М., 1860.

17. Из неизданных произведений Г. Р. Державина (сообщение И. С. Шукшинцева) // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5. С. 49–74.

18. Львова Е. Н. Рассказы, заметки и анекдоты из записок // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 403–413.

19. Львова П. Н. Воспоминания // XVIII век. Вып. 18 / публикация Е. Д. Кукушкиной. СПб., 1993. С. 267–298.

20. Некрология // Русский инвалид. СПб., 1816. № 164. С. 670.

21. Отчёт о деятельности Рязанской учёной архивной комиссии за 1899 г. Рязань, 1900.

22. Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. СПб., 1867. Т. 3. Сентябрь. С. 193–270.

23. Письмо Г. Р. Державина к военному министру князю А. И. Горчакову // Русский архив. 1896. № 1. С. 564.

24. Письмо Г. Р. Державина к В. Н. Каразину по поводу его речи, произнесённой в Филотехническом обществе // Русская старина. СПб., 1900. № 11. С. 482.

25. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXVI. 1800–1801 гг. СПб., 1830.

26. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXVII. 1802–1803 гг. СПб., 1830.

27. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXVIII. 1804–1805 гг. СПб., 1830.

28. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Т. XXXII. 1812–1814 гг. СПб., 1830.

29. Портрет Державина в Иркутске // Русская старина. СПб., 1901. № 5. С. 234.

30. Сборник археологического института: в 2 т. / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1878. Т. 2.

31. Скалон С. В. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост., вступ. ст. и прим. И. И. Подольской. М., 1988. С. 661–485.

32. Собственноручные письма и указы императора Александра Павловича к Державину // Русский архив. 1863. № 1. С. 460–466.

33. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 3. Стихотворения. Часть III. СПб., 1866.

34. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 5. Переписка 1773–1793 гг. СПб., 1869.

35. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 6. Переписка 1794–1816 гг. СПб., 1871.

36. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. Т. 7. Сочинения в прозе. СПб., 1872.

37. Тихомиров И. Строгая ревизия. Эпизод из калужской жизни начала XIX столетия // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Калуга, 1898. № 3. С. 8–28.

38. Устав третейского совестного суда, составленный в 1801-м году Державиным. СПб., 1862. С. 1–54.

39. Четыркин И. Д. О последствиях ревизии в Калуге в 1802 г. Г. Р. Державина // Известия Калужской учёной архивной комиссии. Калуга, 1895. № 4. С. 17–26.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берендтс Э. Н. Проекты реформы Сената в царствования императоров Александра I и Николая I // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: в 5 т. СПб., 1911. Т. 3.

2. Берестов А. Калужское следствие (Г. Р. Державин в Калуге) // От наших корней: культура и искусство Калужского края. Калуга, 2003. С. 39–45.

3. Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История — статистика: в 4 т. СПб., 1882. Т. 1.

4. Брафман Я. А. Книга кагала: материалы для изучения еврейского быта. Вильно, 1870.

5. Вознесенский С. В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800–1860 гг. М., 1932.

6. Гаврилова Н. И. Сибиряков Михаил Васильевич // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / под ред. Л. М. Дамешека, Д. Я. Резуна. Новосибирск, 1997. Т. 4. Кн. 1. С. 47–48.

7. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

8. Гогель С. К. Правительствующий Сенат в XIX столетии. Компетенция. Делопроизводство. Уголовный процесс. Охранение прав личности. СПб., 1911.

9. Грот Я. К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880.

10. Дзюбанов С. Д. О попытке Г. Р. Державина передать свою фамилию наследнику // Державин и культура Казанского края: мат-лы Всерос. науч. конф., посв-ой 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Лаишево, 26–28 июня 2008 г. Казань, 2008. С. 94–100.

11. Дзюбанов С. Д. «Удостойте снисхождения старость мою...» // Г. Р. Державин и диалектика культур: мат-лы Межд. науч. конф. Лаишево, 13–15 июля 2010 г. Казань, 2010. С. 92–100.

12. Дзюбанов С. Д. Родственное окружение Е. Я. Бастидон (первой супруги Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2011. Вып. 7. С. 49–100.

13. Дзюбанов С. Д. «Зачали уже описывать домы и деревни...» (о финансовых проблемах Г. Р. Державина) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Морозовой. СПб., 2016. Вып. 11. С. 33–71.

14. Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность // Русский архив. 1868. № 10. С. 1527–1656.

15. Егоров В. В. «О устройстве евреев» от 9 декабря 1804 г. как источник законодательства, регулировавшего правовой статус еврейского населения Российской империи в начале XIX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2012. № 4. С. 330–334.

16. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

17. Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М., 1983.

18. Ефремова Н. Н. Развитие органов юстиции в период административных реформ первой четверти XIX века // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 128–138.

19. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Тайные советники империи. Российские прокуроры. XIX век. М., 1995.

20. Иванов П. И. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863.

21. Иллюстров И. И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. Репринт. изд. М., 2011.

22. Казанцев С. М. Сенатская реформа 1802 г. // Правоведение. 1980. № 4. С. 55–62.

23. Калягин В. А. «Конституция» Г. Р. Державина // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 116–124.

24. Кирьянов И. К. Карл Фёдорович Модерах // Пермские губернаторы: традиции и современность / под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. Пермь, 1997. С. 42–49.

25. Клименко А., Савельев А. «Умом прям, а душою прост» // Российская юстиция. 1994. № 3. С. 31–34.

26. Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства (1800–1850-е гг.): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

27. Коркунов Н. М. Проект устройству Сената Г. Р. Державина. СПб., 1896.

28. Корнева Н. М., Перегудова З. И. Министерство юстиции // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. СПб., 2001. Т. 2.

29. Крашенинников П. В. 12 апостолов права. М., 2015.

30. Крылов Н. С. Министерская служба Г. Р. Державина (по материалам Российского государственного исторического архива) // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2014. Вып. 9. С. 44–69.

31. Левенсон М. Л. Правительствующий Сенат. СПб., 1912.

32. Мамаева Н. Н. История рода Турчаниновых в цикле сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» // Вторые Чупинские краеведческие чтения: мат-лы конф. Екатеринбург, 17–18 февраля 2004 г. / сост. Т. А. Колосова. Екатеринбург, 2004. С. 39–50.

33. Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013.

34. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902: исторический очерк. СПб., 1902.

35. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002): историко-правовой очерк / науч. ред. М. М. Рассолов, С. А. Батова. М., 2002.

36. Михайлова Л. Б. Г. Р. Державин и Ф. В. Малиновский (к публикации статьи Ф. В. Малиновского «О величестве духа») // Державин и его время: сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Морозовой. СПб., 2015. Вып. 10. С. 28–35.

37. Морозова Н. П., Морозова Е. В. Материалы к хронике «званской жизни» Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. П. Морозова. СПб., 2011. Вып. 7. С. 127–213.

38. Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX в. Л., 1956.

39. Парусов А. И. Административные реформы в России первой четверти XIX в. в связи с экономической и социально-политической обстановкой: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967.

40. Пивоваров Ю. С. Русская политика в её историческом и культурном отношениях. М., 2006.

41. Писарькова Л. Ф. Непременный или Государственный совет был в России в 1801–1809 годах? (к вопросу об уточнении терминологии) // Отечественная история. 2008. № 5. С. 127–130.

42. Писарькова Л. Ф. Реформы государственного управления 1801–1802 гг.: замыслы и воплощение // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 35–51.

43. Покровский С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906.

44. Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

45. Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924.

46. Приходько М. А. Создание министерской системы управления в России в 1-й трети XIX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

47. Приходько М. А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2012. № 11. С. 119–129.

48. Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3 т. / предисл. Н. А. Котляревского. Пг., 1918. Т. 3.

49. Сафонов М. М. Самодержавие и борьба вокруг государственных реформ в первые годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

50. Сафонов М. М. Конституционный проект П. А. Зубова — Г. Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. X. С. 226–244.

51. Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998.

52. Сибиряковы // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 103.

53. Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2005.

54. Стёпин В. С. Гражданское общество, правовое государство и право // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 24.

55. Сысоев В. Д. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002 гг.). Факты, события, лица // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 147–155.

56. Тарасова Л. А. Министерство юстиции в системе государственных органов и учреждений Российской империи, 1802–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

57. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006.

58. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917 / науч. ред. Н. Ю. Семёнов. СПб., 2008.

59. Филиппов А. Н. Исторический очерк образования Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. СПб., 1902. № 9. С. 39–73; № 10. С. 1–26.

60. Хрущов И. П. Милена, вторая жена Державина. СПб., 1903.

61. Цамутали А. Н. Планы либеральных реформ в начале царствования Александра I // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 201–230.

62. Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. I. Государственная деятельность в царствование Екатерины II / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. и доп. Тамбов, 2018.

63. Цинцадзе Н. С. Г. Р. Державин: на службе у трёх императоров: монография: в 3 ч. Ч. II. Государственная деятельность в царствование Павла I / науч. ред. Ю. А. Мизис. 2-е изд., испр. Тамбов, 2018.

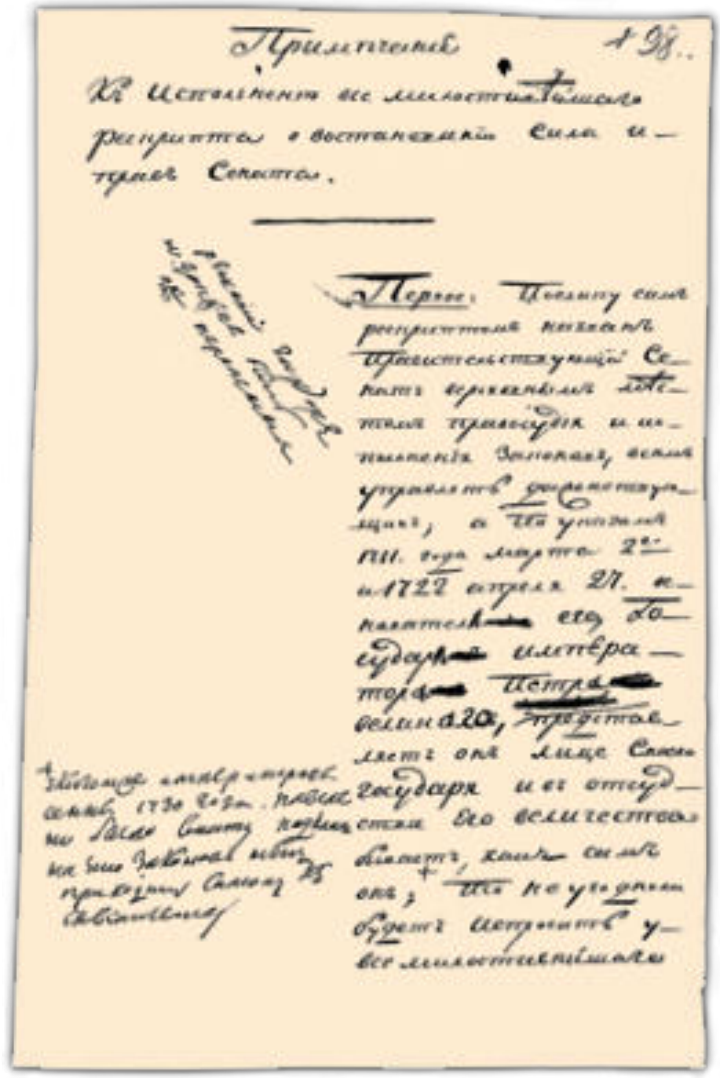
64. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006.

65. Шильдер Н. К. Александр Первый, его жизнь и царствование: в 4 т. СПб., 1897. Т. 2.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Документы к общей и служебной биографии Г. Р. Державина (1801–1816 гг.)



Документ 1а–р. *Записка Г. Р. Державина «Примечания к исполнению всемилостивейшего рескрипта о восстановлении силы и прав Сената» (июнь 1801 г.). Писарский почерк, на полях пометы Г. Р. Державина. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 98–106*

2

Государя возпрещенъ
сего Сенату преиму-
щества, и чрезъ сіе
оному лишать указа-
нія, которыми они
предъ протчими
тѣсть: 1е Сенъ-
ного и сію великому
доступу, ~~и на пер-~~
~~вомъ~~ ~~засѣданіи~~ ~~быть~~. 2е
стоять по тронѣ Сво
ушедъ 1760 году ав-
густа 16го дня хра-
бры Сенаторы имѣли
право и власть пред
ставлять, или пред-
лагать Сенату о
какомъ либо дѣлѣ го-
сударственномъ изъяс-
нивъ сіе учини-
мое, и требовать
отъ онаго изслѣдова-
нія и рѣшенія за
законнымъ. 3е
стоять по указу 1763го
году мая 6го дня

99

Каждой Сенаторъ
изъявляетъ высочай-
шія именныя пове-
лѣнія о Сумнительныхъ и-
дѣлахъ изъ тѣхъ уже
доложенныхъ; ибо
отъ нѣкоторыхъ времени
всѣ ее производилъ
трое одного Генерала
Прокурора + 4е стоя
особа Сенаторы не
имѣетъ приношенія,
писемъ, ни отъ
моихъ, ни отъ постороннихъ,
повѣдая каждому ис-
тинно почитаемое ис-
полненіе всего
Сената. 5е стоя
отъ Высокаго Госу-
дарева приказа
общаго Собранія, не-
имѣя ни съ кѣмъ ис-
Сенаторомъ, никакой,
ни тайно, не тѣмъ
переписки Суда; ни
внѣ. а по общимъ
Законамъ не лишаемъ
ни

в Сенат

Статскій Киев и Сенаторов и награжденіи
Орденомъ Александра Невскаго
Генералъ Прокуроръ

4

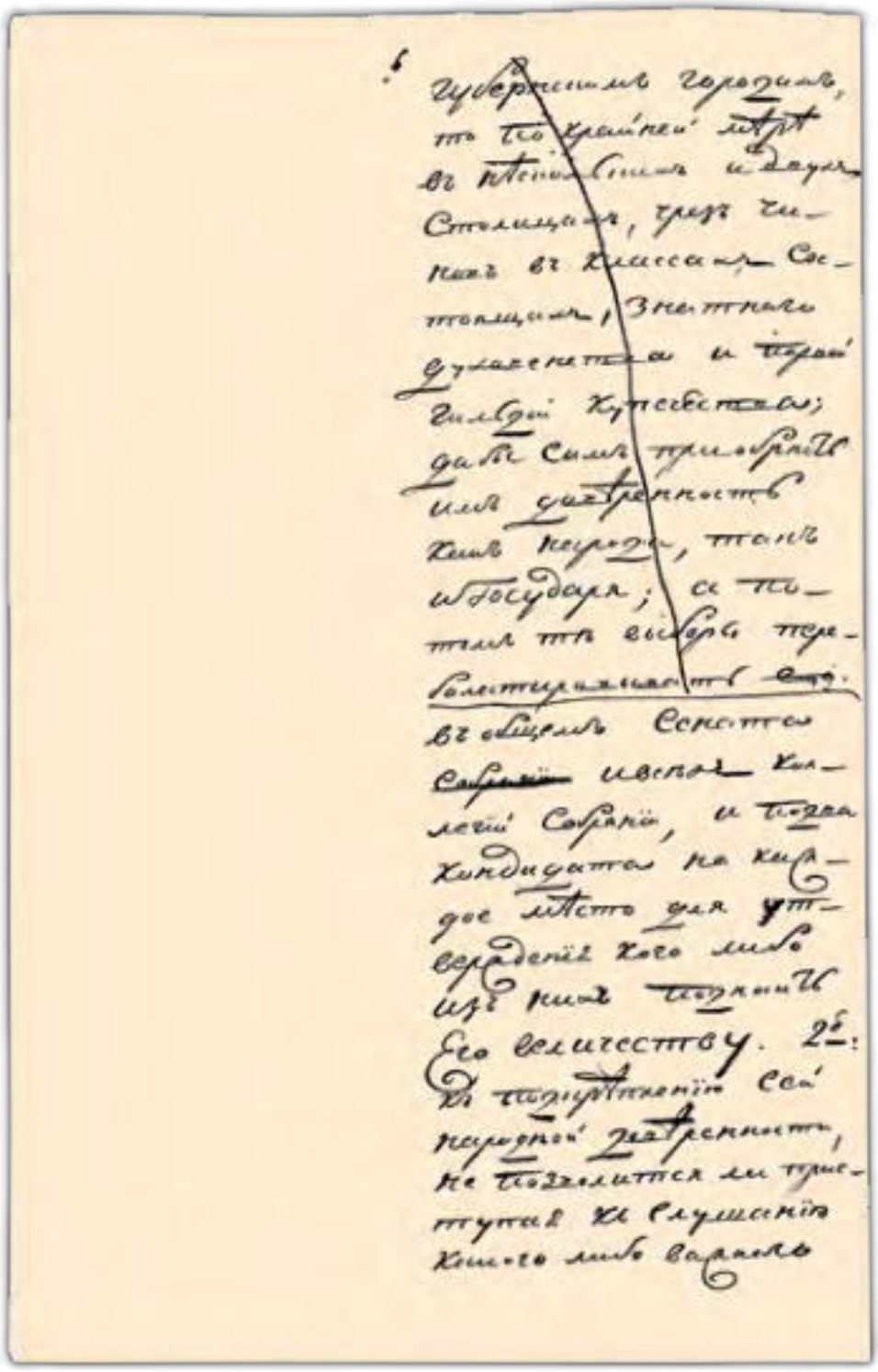
Лиля ни места, ни
звания, ни чина, ни
свободы, ни имения
[illegible]; но то-
Сенат да всегда имеет
[illegible]
[illegible]
[illegible]

180

5 Ему, учившихся
шкалистными.

Второе: в Сенате
стали вышеписанные
указы, тем-
лишу Господа Сена-
торы должны имеют
все тех качества и
способности какие
требуются высокой
должности их службы;
что не малоучёными
будет непристойно у
Ея Величества ми-
лости 1. чтоб
согласно указу 1722
года генваря 12.
предписывается,
выбирать не малых
в Генерал Прокуро-
ры и президенты,
выбирается теперь в
Господа Сенаторы
из шляхетства или
иных ~~чтоб~~ ~~чтоб~~
~~чтоб~~ шляхетства,
неудобно, ~~чтоб~~

Можно оставить.



Губернским городам,
то по крайней мере
в Петербурге и Дерпте
Столицам, трех чи-
сел в Риге Столицам, Знатные
Дворянства и Город-
ской Купечества;
дать Сим привилегiи
или доверенность
Своих городов, тако
в Государя; а по-
тому тех выборов
Баллотированных
в общем Собрании
Собрать числом Ка-
лежей Собрать, и тогда
Кандидатов на ка-
дое место для уп-
раздней кого либо
из них подлинно
Его Величеству. 2е:
В Депутатов сей
народной доверенности,
не позволится ли при-
ступать к слушанiю
Какого либо вопроса

7 101

Дѣлы, прочитывать
в Сенате господам Се-
наторам или тому
и тѣмъ в бытностяхъ
Судей предъ-
явленъ дѣлы тѣ-
кающихся. Зъ ре-
шенiи общаго Сената
Собранiя разумѣется
только отправленiя
дѣлъ, во все неудобное
время чинить.

третье: Его Вели-
чество, все имѣ-
ющiе [illegible] имѣнiя
обыкновенно права и
преимущества Пра-
вительствующему
Сенату, такожде
по возможности осно-
ванiй Коих Государ-
ственный Законъ;
а Государь Импера-
торъ такъ Великiй
указамъ Сената 1714
года повелѣлъ и са-
мые имянные

8 Случайные или се
перестные указы рас-
смотрение. 1722го
году апреля 11 дня
что нехлебо в упадак
разурядить. 1723го
года Генваря 6го раз-
ные указы объ отнят
для разбирания что
надлежит убавить
исправить. 1722го
маїя 11. и 724. ген-
варя 20го входить
в ведомство откуда, ка-
сается здѣлать не-
можетъ нежду прочее
только к вседомашнему
установлению при-
частъ, к регламен-
тамъ или уложенїю.
Государыня импера-
трица Екатерина
великих указовъ
Самым 1763. г. дла ран
6го дня [illegible] еди-
ных по экземпляр
Коллегиѣ [illegible]

№ 46 никакъ прибытие никого в Сенатъ
въ должности Генерал прокурора
и подлежащем ему прокурорам
Адмиралтейств, Берг. Колл.
Ратушному суду медицинской
и аптекарской управы по Сенатскому
Сенат № 1698 Сенатскаго

107

4) Если случится в которой губернии или в каком-нибудь ~~губернии~~ недоразумений в законных; то учиненный отсюда запрещение прокурора разрешается с докладом Императорскому Величеству по предложению Министра в законодательном департаменте и вносится по предложению Государственного Совета на высочайшее утверждение.

в Прокурорских Секретарях.

5) В случаях отбытия Императорского Величества из Империи Случившаяся неожиданная надобность в каком либо Законе или постановлении, то сие должно исполнять по предложению вообще четырех Министров

В.

всему общему Департаментъ Собранія, по определенію которыя Законодательной Министръ высочайше повелѣнныя предметы предполагаетъ осочинѣлому Запискѣ вносить тѣмъ же утвержденіе общаго Сенатскаго собранія, откуда отсылается въ исполнительный департаментъ для единообразнаго по исполненію, въ книгу Записныя / до Конфирмаціи Императорскаго Величества не относятся /

10. Сенаторы по всѣмъ частямъ для своего собственнаго изъясненія изъ Законодательной Департамента потребной Записки имѣютъ Собраніе не только Законодательной Министръ можетъ: но и обязанъ, Которые и старается содержать въ готовности

103

От современных дел-
ных обстоятельств
предвидимых законы
и положениям другим
Европейских держав.

11. Трактаты политические и торговые с другими державами, гарантированные, формальным образом ныне существующие отпустить и подтвердить хотя не-
могут почесться законами непременными, но весьма ка-
жется заключенные договоры
приведены в исполнение:
по однажде заключенным
договорам имеет быть
предмет высочайшего
конфирмования предва-
рительное соглашение,
ибо что условлено
клонящееся к вреду

Императ или ве-
личество тою части,
по которой относится
какое либо временное
постановленіе, или
учрежденіе, то сов-
щаетъ только къ
Министру той части
свое заключеніе зака-
сающее оное усобя
въ Департаменте Ка-
сурскаго, доноситъ
отъ ля Император-
скому величеству и
остается Столоначаль-
никомъ.

12е ~~Такое~~ примѣчаніе
Законохранительнаго де-
партамента ~~Сената~~ Ка-
щемъ всѣхъ Департа-
ментовъ Сената
предполагается только
на выслушиваніе ви-
сочайшихъ ~~повелѣній~~,
разсмотренія ихъ
Законовъ, исправленія
Старыхъ, Составленія
Новыхъ, и предложенія объ
нихъ мѣръ, или —

169

По чрезвычайным
Указам либо приз-
шествиям в Ю. . уп-
мянутых . в пре-
емах, под начальством
сего Законодательного
Департамента Состоя-
щей Коммиссiи о сочине-
нiи проекта нового уло-
женiя съ ея Секрета-
ми и сочинителями
Шесть Книгъ Исполни-
дольныя Листъ Экзем-
пляровъ Иностранныя
а въ особенности рос-
сiйскiя Книги, или
щiя полезныя пред-
меты познать . Изъ
числа дольныя Листъ
Исторiя Экземпляр
чтобъ предоставить вос-
путь, морскую, Сухопу-
путь и иностранную
политическiя . Де-
партамента сей до-
ленъ Листъ скабрезъ
тскаго Библiотеки
Касающiяся до предмудре
щiя

Строчных частей.

13. Упразднение окончательно
Формирующихся Бит-
тенных образов:
Когда министерство За-
конодательной учреж-
дения сама по какой
либо части не совер-
шенства, или по
сообщению другаго ми-
нистерства найдет
по какому либо казусу
надобность внесения
новаго Законоположе-
ния, тогда испросив,
или Высочайшее повеле-
ние повеление, предло-
жить тот казус
Сенаторским, ко-
торыя Здравыя мне-
нии Свои Записки
отдают в Комиссию
для обработы-
вания, по окончании
которого вносится на
разсмотрение Государ-
ственной

185

В 1-м Департаменте Сенаторов и увольняется общее Министерством Законодательным а потом вносится тому вышеписанному в общее Собрание.

14 В Законодательном Департаменте Делопроизводство; потом Краткий журнальный Записки Именным Высочайшим повелением.

Прочая текущая переписка Министра Законодательного, Как то представлений в Сенат и прочим Министерствам и другим лицам хранится в Департаменте как переписанная в Книгах

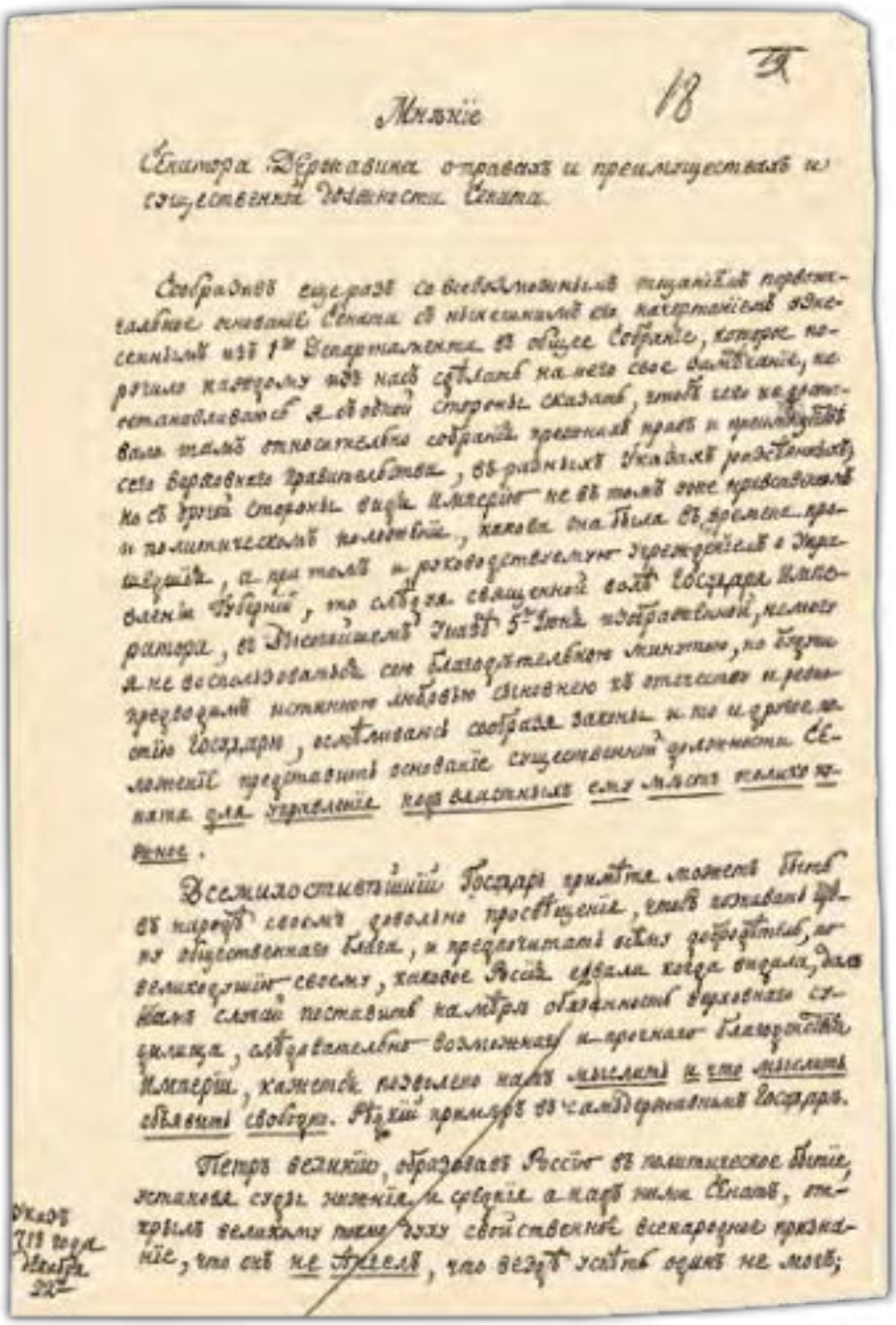
Перепечатывать погоды
от отдельного лица
чиновника того вхо-
дящаго в сношение, по-
коим какое представ-
ление или отношение
сего последовало.

15. Законодательной ми-
нистръ должен до-
носить Император-
скому Величеству
обзоры кратчую ме-
лиру упражнениям
Законодательнаго
департамента, об-
ъявленнымъ какой
законъ исправленъ
или въ сочинении ка-
кого либо упражнялся

16 Наполеонъ, всѣ по-
становленія изъясня-
ющія Законодатель-
наго департамента
подписываетъ всѣми

108

Сенаторам и
Конфирмованным
Императорским Ве-
личествомъ Со-
ранятся и переплатные
шнуры въ два галуна
раздѣленные на-
вытъ
шеременные по-
стоянными, и Хра-
нятся ясно Солнеч-
ные Тѣмъ Царствования Госу-
даря въ которое они
Состоялись.



Мнѣніе 18

Сенатора Державина о правахъ и преимуществахъ и существенной должности Сената.

Соображая еще разъ со всевозможнымъ тщаніемъ первостепенное основаніе Сената съ нѣкоторыми его капитуляціями изъ сенныхъ изъ 1-го Генваря въ общее собраніе, которое почтило меня своимъ ко мнѣ свое заключеніе, не ограничиваясь я въ одной сторонѣ сказать, чтобъ его не простиралъ только относительно собранія прежнихъ правъ и преимуществъ сего Державнаго Правительства, въ равныхъ укладахъ разсѣянныхъ, но въ другой стороны видя Имперіи не въ томъ оное превосходство и политическомъ положеніи, какова она была въ время прошедшей, а при томъ и рокового отечественнаго Управленія Губерній, то слѣдуя священной волѣ Государя Императора, въ Высочайшемъ Указѣ 5-го Іюня изображенной, желаю я не воспользоваться сею благодѣтельною минутою, по коей предводимый истиннаго любовью ревностью къ отечеству и ревностію Государю, вспомнивъ сообразя законы и то и другое положеній представить основаніе существенной должности Сената для управленія надъ областными его мѣстами только нужнѣе.

Всемилостивѣйшій Государь примѣтя можетъ Вашъ въ народѣ своемъ довольно просвѣщенія, чтобъ познавать цѣну общественнаго блага, и предпочитать всѣмъ добродѣтель, величайшее совершенство, какое Россія едва ли когда видала, для коей самъ поставилъ примѣръ обязанности Державнаго сердца, слѣдовательно возможную и прочную благодѣтель Имперіи, кажется позволено нами мыслить и что мыслить объявить свободно. Такой примѣръ въ самодержавномъ Государѣ.

Петръ Великій, образовавъ Россію въ политическое бытіе, истаскавъ сперва жизнію и сердцемъ и царя или Сенатъ, открылъ великимъ тѣмъ духомъ свойственное всенародное признаніе, что онъ не дѣлалъ, что безъ усилій одинъ не могъ;

Указъ 7-го Генваря 1722

Документ 2а–ё. *Записка Г. Р. Державина «Мнение о правах и преимуществах и существенной должности Сената» (июль 1801 г.). Писарский почерк. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 716. Л. 18–21*

а поелику совершенство достигается временем и крепкими опытами приключаемых неудобностей, то и Он конечно устроил Верховное свое Правительство удобнейшим и надежнейшим ко отправлению дел, и теперь подтвержденный регламент, если только время оные его не переменит: ибо не могли скрыться от проницания сего Монарха те пользы, что со славою Империя управлять и оную ее щастливою, в рассуждении ее пространства, разных народов в ней обитающих, Религий, обычаев, нравов и темпераментов владеющих, никто зделать не можетъ кроме Государя Самодержавного, действующаго по законам, которого верная соображая оным воля исполняется скоро, и содержание общими повиновения согласие и крепость Государства, что никакое политическое тело без власти, или силы ему потребныя сохранить и управлять порядочно не можетъ, что к существованию его необходимо: власть законодательная, власть судебная, власть исполнительная и власть оберегательная.

Что в Самодержавном правлении все власти сии представляет в едином лице Государя, а какъ всякой таковой единоначальной властитель или Самодержавец не Богъ, или какъ сам Он сказал не Ангел, который один исправить всего нелепостей; то и нужно чтоб в оных изъ помянутых властей Вышнему Монарху определенных, которыми Он яко солнцу лучами своими освещать и согревать Вселенную изволил обращения или к себе, сохранил в них и Свое и свои; что наконец без такового тщания сего Монарха во вверенных своими мудрыми законами, или скорого исполнения, или отвращения правосудия, или надежной безопасности, и даже собственной Самого Государя быть не можетъ.

1711. Марта 2. 1722 апреля 22. 1719 Июня 15. 1722. апреля 17. 1719. Марта 29. 1722. апреля 27.

На сей конецъ Петръ Великий на время отлучек своих из Государства учредил Вместо себя Правительствующий Сенат, во время присутствия своего представил в нем лице Президента, всю помянутых сил или власти свои вверил сему Верховному Правительству, с тем чтоб,

/ 5) 20

чтобъ онъ самъ всѣ утвердилъ и совершилъ собою; далъ имъ во
общее силу управлять именемъ своего Величества, надъ всѣми они
или поставя себя главою, учинилась Конституціонная Монархія всего
и въ ней или самаго себя. Словомъ: онъ сдѣлалъ что Сенатъ былъ
въ немъ, а онъ въ Сенатѣ? Якъ-какъ по частямъ его статьями и
разными великими заключеній, не имѣя онъ времени, какъ ду-
мать должно) предѣлить правъ его на совокупныя и нерушимыя
ственныя, а по тогдашнимъ простымъ правамъ, будучи от-
лы въ свободномъ и мягкомъ обращеніи, не имѣя мѣтей для
и нужды разсѣчитать ей власти между себя и назначить для
каждой изъ оныхъ границъ и къ себѣ или пути особенныя, какъ
къ своему средоточію, кромѣ одной власти оберегательной;
то и вышло, что ей власть по правѣ начальства въ надъ
Канцеляріею Сената, не коснулся его, во время Царствованія
Императрицы имѣя свободный и единственный доступъ
къ престолу взялъ въ себѣ всѣ орудія силы и власти.
По всѣхъ же насильства онаго чиновники со всѣми ихъ способно-
стями и ревностію къ службѣ не могли одни себя по-
должностямъ прежней власти, всѣхъ предѣлать, всѣхъ раз-
смотрѣть и всѣхъ исполнить, всего предостеречь какъ бы не-
доглядѣли, то и было сего послѣдствіемъ, что всѣ власти Се-
ната составляющія, стали принимать приказанія, и чи-
нили рѣшенія ихъ, не самы лично Государь, а чрезъ третій
руки, большею онѣ посредствомъ власти оберегательной. Но
какъ не возможно, чтобъ въ одномъ человѣкѣ оберегательной
власти была въ тоже время власти судебною, исполнитель-
ною и законодательною; то естественно что законода-
тельная, иногда не предъ осмотрѣвъ, судебная потрясла,
исполнительная и въ правомъ дѣлѣ затрудняла, оберегатель-
ная же подъ видомъ власти въ себѣ, сама на себя от-
носить не стала, присвокупляя же къ тому, что линіей
лѣта не подчинены будучи Сенаты, существовали не въ-
ирномъ кругѣ дѣлъ, а часто и по одному предмету разно-
образно, отъ чего всѣ вообще отрасли государственной власти

яко-правительственныя тѣла совокупно другъ другу дѣйствовать, другъ друга побуждать и надзирать, должны пересылаться съ равнодушными областей членами Сената, верховнаго правительствующаго Имперію вездѣ въ своей ревности, и изъ сношеній въ отдѣльности своей материала собирать. Сими ведомостями составлять силу и существенную дѣятельность сего правительства, относительно управленія всѣми губернскими мѣстами, на которыя основаніемъ учрежденія и прочими правительственными по нимъ обязанностями, къ взаимному облегченію производства дѣлъ и къ точному исполненію законовъ, полагая и должныя помянутыя власти раздѣлить въ Сенатѣ одни отъ другихъ, и лицамъ къ которымъ они присвоены будутъ, позволить свободно доступъ ко Государю по дѣламъ ихъ правительственнымъ, предоставя имъ вести такожде переписку, по своимъ частнымъ и таковымъ же властями, въ Высочайшемъ учрежденіи изъясненными, такъ же съ Президентами и начальниками другихъ мѣстъ, для того и раздѣлить Канцелярію Сената по надлежащему составу, обезпечя ее лучше нежели нынѣ отъ оборотовъ. Не ръшительныхъ же приговоровъ указъ да пойдетъ самъ по себѣ отъ лицъ Сената, что ихъ касаются вообще членовъ сего въ надлежащей написанной, то будетъ совершенно съ тѣмъ согласенъ, имѣя только часть разсмотрѣнія приличія тѣхъ не нижеслѣдующія пункты.

Ур. о правительствующ. Сенатѣ. Статьи 81. VII. 115. VIII. 194. XXVIII.

№ 1-й Благородная и прекрасная мысль, чтобъ не подписывать Государю смертныхъ приговоровъ, и оставлялось бы ему только милованіе и прощать тѣхъ существъ богоподобнымъ; но чтобъ жребій судьбами не подвергнетъ быть славнымъ только изрѣченіе тѣхъ; кто будетъ подносить Государю рапортъ; не прикажетъ ли будетъ за часъ предъявить время исполненія, дохлый рапортъ отъ другой довѣренной особы возвращенъ будетъ въ Сенатъ съ объясненіемъ, что по онымъ донесеніямъ Сенатъ милости на нихъ собственноручно Его Величествомъ подписано не будетъ, тогда отмѣнствуютъ законы.

№ 2-й Для пресѣченія впредь затрудненій Высочайшую власть подтягивать апелляціями въ Сенатъ, неугодно ли будетъ—

21

20

вопросить осмѣлюсь и вѣкъ законоположений? тебѣ въ предписанныхъ
всѣмъ пунктѣ указахъ о вопрошающихъ отцѣ, ничего удовительно не
сказано. Наказанiемъ извлечь изъ естества преступленiй, тѣмъ то время
Петра великаго крови была тверже, смерть обыкновенное дѣло,
мнѣнiе пустое, мнѣнiе христолюбивы, мнѣнiе фрасканiевъ, мнѣнiе
дѣлъ, – кiемъ же совѣтомъ другое. Въ прочемъ для общественнаго Сената
отъ тѣмницы, нужно бы кажется изобрѣсть средство къ сохра-
щенiю производства оныхъ.

№ 3-й Конечно приговоръ общаго Собранiя не должно исполнять по бо-
шинству голосовъ; ибо сила сильнымъ отнималась бы важное право у
каждаго Сенатора, равенства ихъ сановъ и отличiя предъ своимъ
Государемъ. Въ-третьихъ единогласный приговоръ общаго Собранiя,
для чего бы непозволить печатать для народнаго свѣдѣнiя –
съ одной стороны для того, чтобъ пріобрѣсти имя болѣе въ Государ-
ствѣ справедливости, а съ другой чтобъ отъ была средствомъ напе-
чатать примѣръ молодыхъ людей, когда теперь знаютъ они
въ архивахъ, не принесши никакой пользы обществу. Вѣдать это
предосудительно, будетъ дѣла рѣшены справедливо было въ маловѣрiе и
ересь. недолго только вѣкъ Сената Сенаторамъ. Мѣста ужасны
отъ просвѣщенiя народнаго потеряли и знезнемъ.

№ 4-й Само по себѣ разумѣется, что если приговоръ подписанъ всѣми
Сенаторами въ Департаментѣ; то одна печатать дѣлъ должно, не
естьли оберъ-прокуроръ противнымъ мнѣнiемъ отзовется къ Ге-
нералъ-прокурору, тогда по предписанiю его постановленiе то одно
въ общемъ собранiи, какое и изъ онаго по мнѣнiю Генералъ-проку-
рора къ Его величеству.

№ 5-й Весьма справедливо предполагаетъ Вашъ Депутатскiй при
докладѣ Государю различныхъ мнѣнiй Сената: то естьли хо-
тячiй Сенаторъ имѣлъ нѣкоторыя голосами своими противъ об-
щаго Собранiя подавшими предъ лицемъ Государя три раза себя
Вашъ неудостоинымъ увѣрилъ, то неравнодушными будетъ, тѣмъ
онъ подвержатъ Вашъ какимъ либо предубѣжденiемъ. Силѣ сильнымъ отъ-
нять противъ пресѣкутъ недостаточны голоса, а въ другой дѣлъ
пріобрѣтутъ отъ Государя честь; которая единственно долж-
на одушевлять первыхъ людей въ Государствѣ, равнодушно
для того бы не Вашъ Депутатскiй при докладѣ голосовъ и на
опасность рѣшенiя всего Сената? когда каждому особо честь—

своего защищать позволяетъ, то чтобъ всего Сената, которое достоинство уменьши, и чиновникамъ Пенъ для отвращенія правительного пути Государемъ! Сенатъ потерпитъ стыдъ, дабы отвращать отъ себя, и такимъ простымъ похвалы, по которымъ безбоязненно прежде бывшій отъ прежнихъ своихъ, хотя бодрый по должности Его величества разсматриваніе трудовъ, на Сенатъ, какъ должность Пенъ не изъ присутствующихъ въ Сенатѣ, дабы отвращать опасность Пенъ и медленіе пресѣчь.

№ 6[1] Нестерпимое отягченіе Пенъ должны будутъ по настоящему Регламенту, потому что дѣлами не отягощенъ, и безъ которыхъ, по такой каждой Сенаторъ имѣетъ право требовать экземпляровъ свободно пересматривать въ свои Коллегіи, имѣетъ бы нужно власти въ общемъ приговорѣ своей повѣренной взысканія за исполненіе за медленіе онаго, за неисправленіе, и чрезъ Обласкательную пресѣченіе Пенъ отъ отмѣнныхъ имѣетъ пустой тяжести, особливо изъ пространныхъ дѣлъ, требуетъ выписки сверхъ секретаря и секретаря, и которая не обязывалась Пенъ, когда по такой будетъ дѣлопроизводство, и которая имѣетъ отъ Пенъ дѣлъ отъ самого себя назначенія отъ дѣлу, Пенъ на столѣ отягощены, дабы можно было объявить что нужно процессъ и обвѣстить отъ дѣлопроизводства. Сколько вотъ сей канцелярской принужденія, отвращая ужасной злоупотребленіе, отъ которыхъ отягощенія древнихъ времянъ пользы и права Сената, вмѣсто бы Пенъ отъ существенныхъ его постановленій подробно, и шагъ и за шагомъ отъ начала отличайшія по самой подлежащій противъ словъ, дабы не вторгали пали какія безпорядки или приписки дѣлопроизводства, а отъ того и неправосудія, которое теперь по большой отягощенности иногда встрѣчаемъ.

№ 8[2] – 13[2] Когда вступитъ Сенату столь великая власть и преимущество, что безопасно должно отъ выбора Сенаторовъ имѣть вообще такому основательному. Когда Екатерина великая повелѣла выборы по такимъ Стуѣ въ разныя мѣста, а Петръ великій, при первоначальномъ учрежденіи Сената, дабы Генералъ и

22.

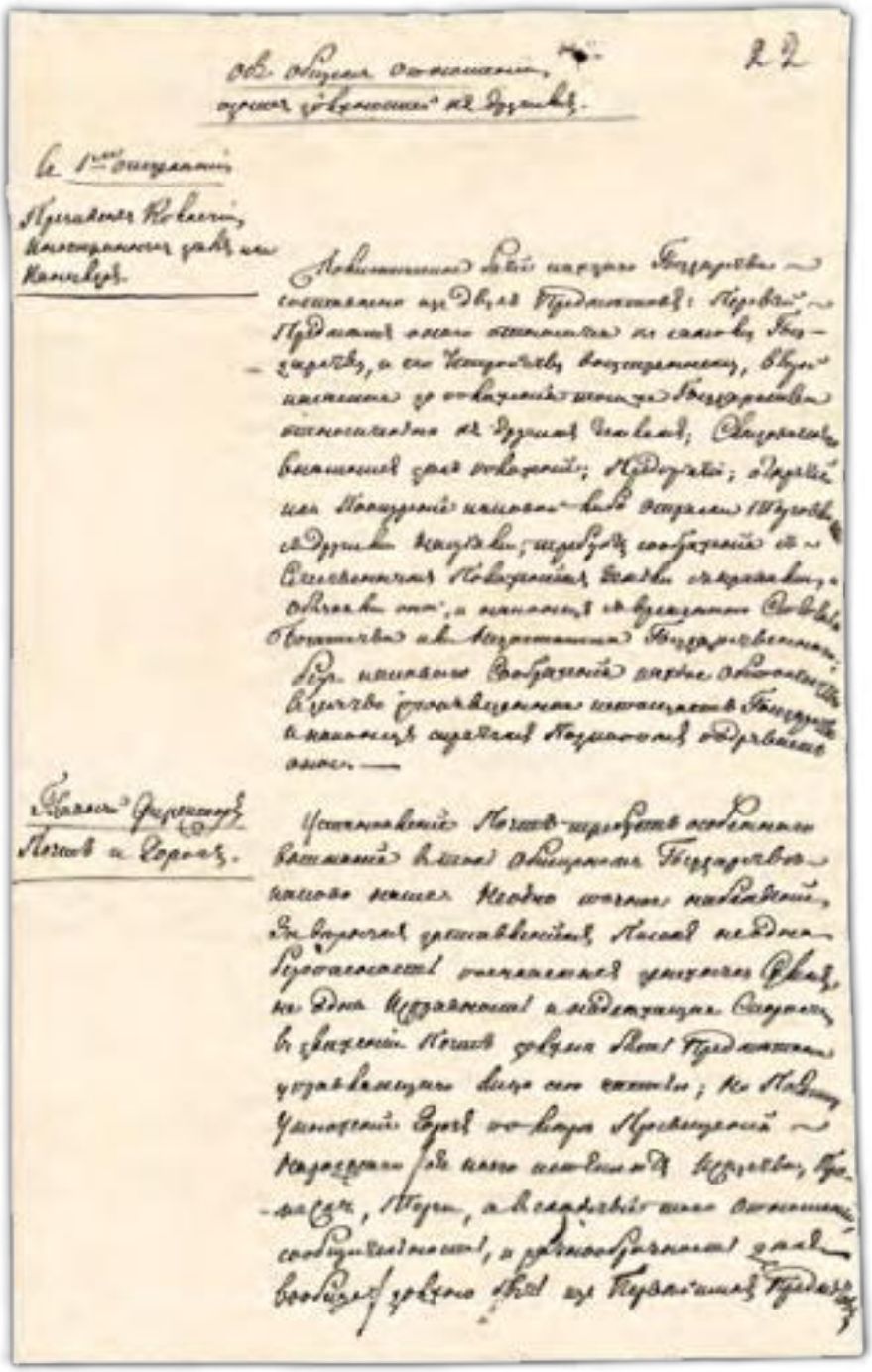
21

Обер-Прокуроръ Св. Синода, Президентъ и прочіе, что ихъ сего Вы хотите не спросите сею Знаменитаго отличія, своё по выбору Коллегіи Кандидатовъ въ Сенаторы, изъ всѣхъ другихъ Присутственныхъ Мѣстъ и Знаменитыхъ особъ въ Столицѣ представленныхъ Его Величеству на утвержденіе.

Ежели Благодѣтель будетъ примѣтить въ Васъ, что представленіи Его Величеству, не хвалъ Вы основать существенную должность Сената, то можете написать архангельскому сіе правительствующему, какъ въ оной каждой Власти или Коллегіи ресурсъ свой исправляетъ и отношеніи къ другимъ, такъ чтобъ они отвѣтствуя отвѣтствуя изъ оныхъ и обратно, побуждая такимъ и переимѣть другъ друга, обѣстоваться порядокъ и свободно вездѣ, но не такъ однако стремительно, какъ бы могла одна ревностная Государемъ сила нарушать иногда чтимыя Предѣловъ и Коренныя Законы.

Наконецъ: Богъ Вамъ свидѣтель призываю! и да снидетъ вѣчно проклятіе на Васъ и на домъ мой, если Вами дѣло это какое пристрастіе, какая личность первый лицамъ, или иные какіе виды, а не правое желаніе устанавливать Законы, благотворящіе самодержавной Монархической власти верховной Правительство. Вѣчна не истекаетъ вѣрность къ моему Государю; не искренно ревнѣе къ благочестію моего любезнаго отечества меня должно быть.

Наподлинномъ подписано
Гаврилъ Державинъ.



Документ 3а–з. *Записка Г. Р. Державина «Об общем отношении одних должностей к другим» (1801 г.). Писарский почерк. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 720. Л. 22–26*

Управляющего сими Департаментами, то и
обязан он сообщать им по принадлежности
Духовные и Мусульманские Дела и Иностранные
Вероисповедания касающиеся Дела Полиции,
кроме тех Дел, которые по силе Учреждения
Губернского подлежат ведомству Губернского
Правления, Палаты Уголовного Суда, Палаты
Гражданского Суда, Казенной Палаты, Приказа
Общественного Призрения, Врачебной Управы,
Строительной Комиссии, Губернского Казначейства,
Губернского Архитектора, Губернского Инженера,
Губернского Землемера, Губернского Лесничего,
Губернского Механика, Губернского Доктора,
Губернского Аптекаря, Губернского Ветеринара,
Губернского Акушера, Губернского Повивального
Мастера, Губернского Фельдшера, Губернского
Ветеринарного Фельдшера, Губернского Ветеринарного
Врача, Губернского Ветеринарного Фельдшера,
Губернского Ветеринарного Врача

Глава 2-я Существо власти Государственной.

2 3

чем преступление Государство имеет разнообразные Качества, и Государства отлично. Усовершенствованные и Умножение Продуктов составляет и Силу и Богатство Государства, — Средство же Умножения Продуктов состоит в Умножении средств к Первому основ[ание] — [Производительности] — [Капитала] — [Труда] — [Природы] — [Капитала] — [Труда] — [Природы] — [Капитала] — [Труда] — [Природы

и ограничивают большую часть Долины Сосновой, Подгорной Заводской, продолжение Сев. Фонтан, Садовой, Новой, Тихой до конца Зап. и Университетской.

Государственное Дворянское Земледельческое Банковое учреждение имеет в Губернском городе Красноярске его отделение, имеет право производить ссуды под недвижимые имущества, принадлежащие дворянам, владеющим населенными имениями в Губернии, равномерно. Правила сии разделены на 4 части: 1-е Предварительные, для получения ссуды должно дворянство в Губернии, 2-е Заключающие в себе порядок, 3-е Сохранение ссуды, 4-е Предосторожности, принимаемые при ссудах. 1-е Предварительные правила. Земледельческие работы не по плану Комитета. 2-е Сохранение ссуды и ее сохранность. Земли в обеспечение. 4-е Предосторожности, принимаемые при ссудах. Ссуда выдается на определенный срок, по истечении которого ссуда должна быть возвращена. Ссуда выдается на определенный срок, по истечении которого ссуда должна быть возвращена.

Государственный Казначей

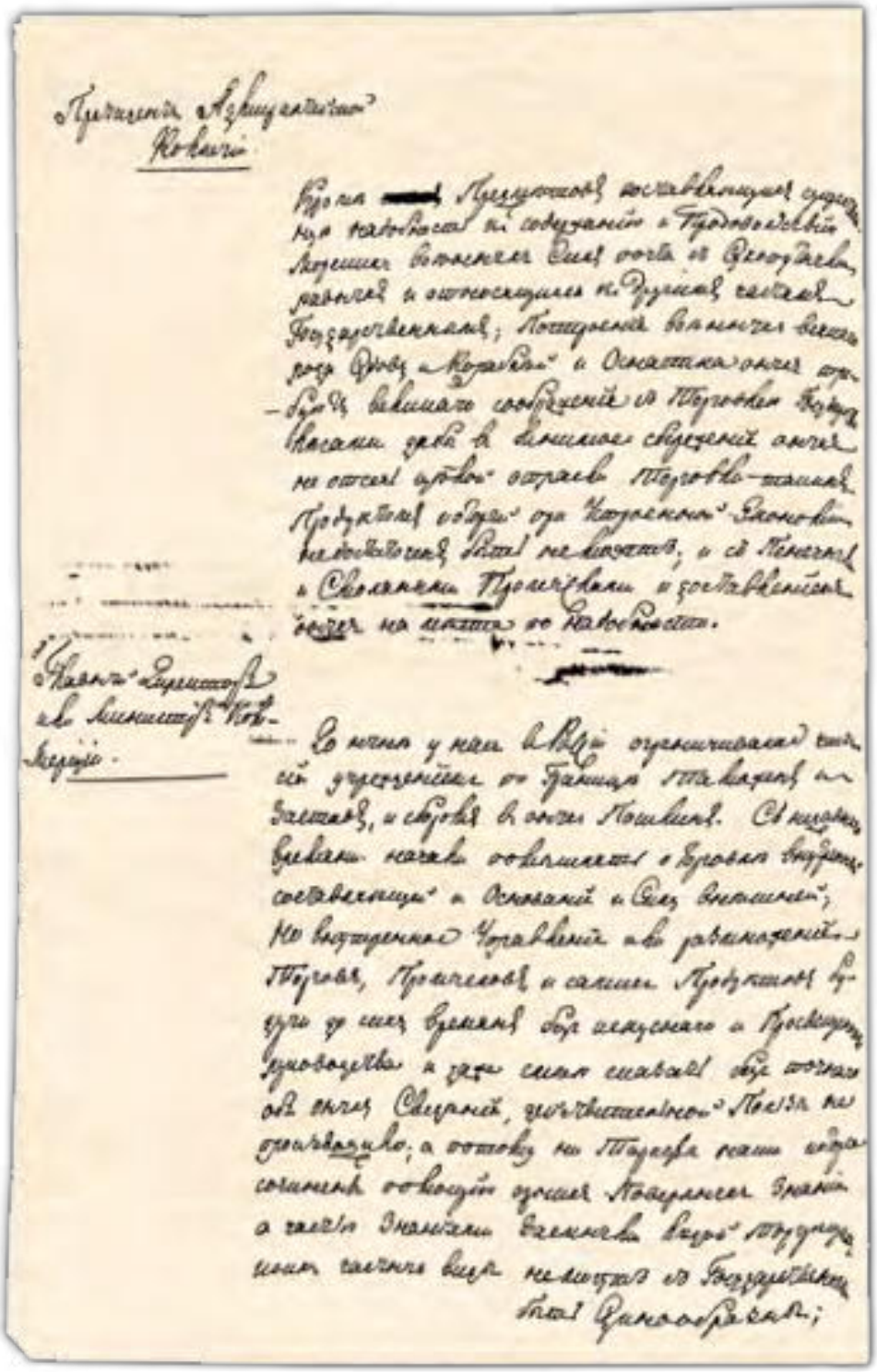
Один Земский Начальник выдает денежную ссуду, расписку; один Государственный, выдает ссуду и имеет в наблюдении Земли по Губернии в Губернском Городе от Сих пор имеет расписку; Земский Начальник и Государственный Казначей, получив ссуду, должны сообщить Земскому Начальнику,

§ II

Цель Кадетских Воздухоплавательных школ в будущем Положении, чтоб детям было предоставлено в достаточном или обеспеченном, а отчасти и обнаруживающем свои дарования от воспитания Воздухоплавательных классах обучение ~~полное~~ начальных отчасти существенных и прочих Наук в объеме отделения на Кадетских.

Причисление воспитанников Кадетских

В Начале сих Отделений сведений о числе воспитанников Школ, о их содержании, о местах и средствах Военных Школ нужных, о Инженерных Военных и Военных ~~Школах~~ на Кронштадтской Военной Морской Академии, а по сему отсутствие тех соображений ~~нельзя~~ ~~невозможно~~ ~~нельзя~~ ~~невозможно~~ ~~нельзя~~ ~~невозможно~~



ники Комитетов Сельскохозяйственных Товариществ и Правлений содействующих курсов изучению в сравнительном, за денежную сумму для — желающих выгодно исполнению — от Вольного Экономического Общества и Главного Управления Земледелия и Сельской Промышленности, и Сельскохозяйственных Факультетов сего ей должно также быть в Курсовых Поведениях.

Главный Директор Департамента Земледелия. Хотя Вольное Экономическое Общество и Главное Управление Земледелия и сельской Промышленности составляют собственно одно: но в каждом отдельном Департаменте необходимы Председатель Директор Секретарь Делопроизводитель, и каждый распределяет Производственные Дела по своей части: Главный Директор Департамента Земледелия Продукции в Курсовых делах; а по Департаменту Производственных Дел и Земледельческой Продукции отдельно в равномерной, буде его на — нем другая часть отдельно распределена. — Конечно под руководством главных Директоров Департаментов Вольное Экономическое Общество имеет Ученый и Хозяйственный Комитет, Комитет Фабричный и Ремесленный в Мануфактурах, от Комитетов Земледелия, Комитетов Комитетов в Фабричных отделениях и Мануфактурах; от чего Вольное Экономическое Общество и Департаменты Земледелия Продукции распределяются по Ученой и Хозяйственной Экономической Части — ученых от Учебных Комитетов Земледелия и Сельского Хозяйства Земледельческая Продукция Земля не обработана; и о Сельскохозяйственных Заведениях работающих в фабричных отделениях не Сельских —

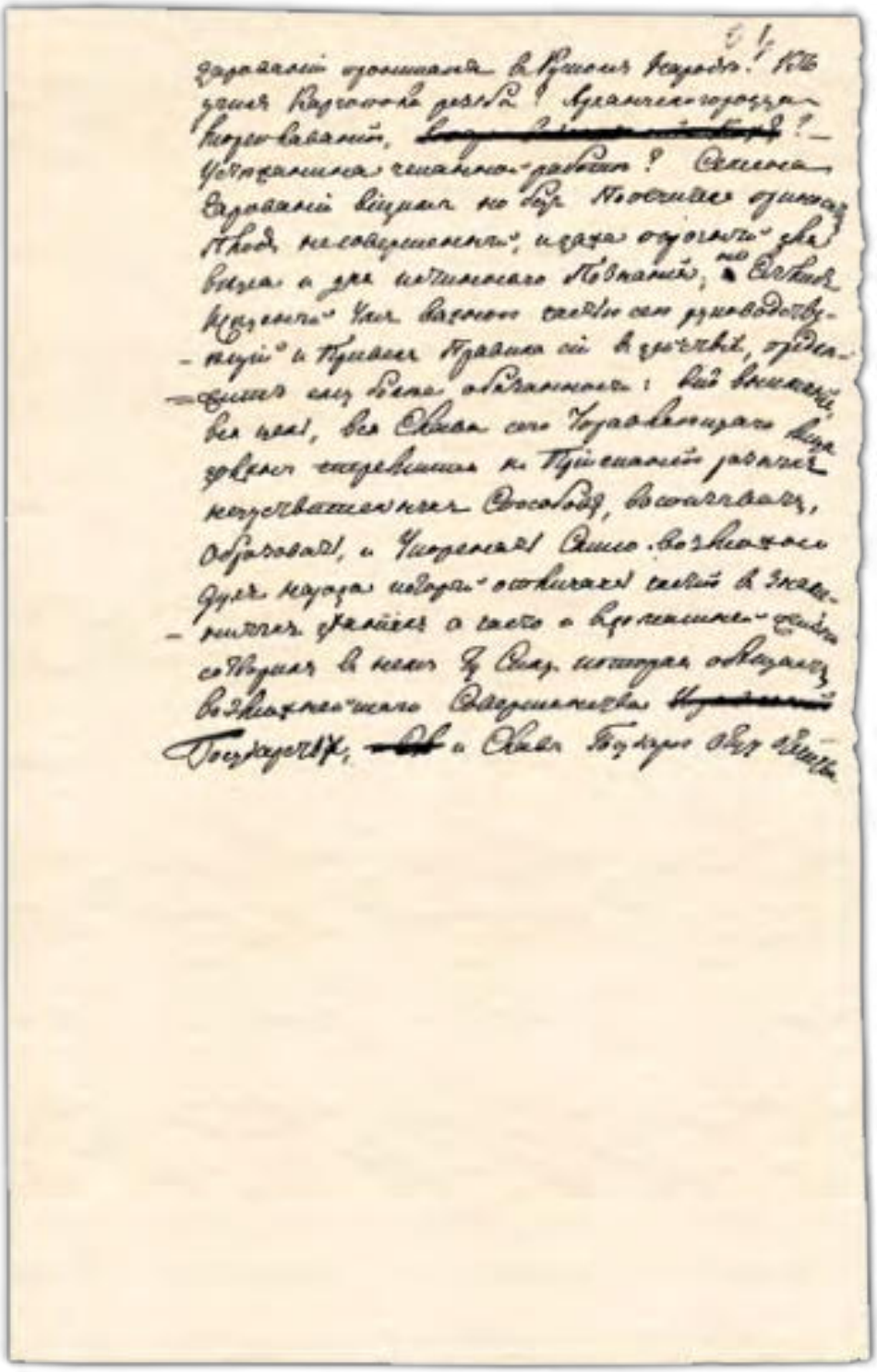
и определяет размеры штатов Академий.

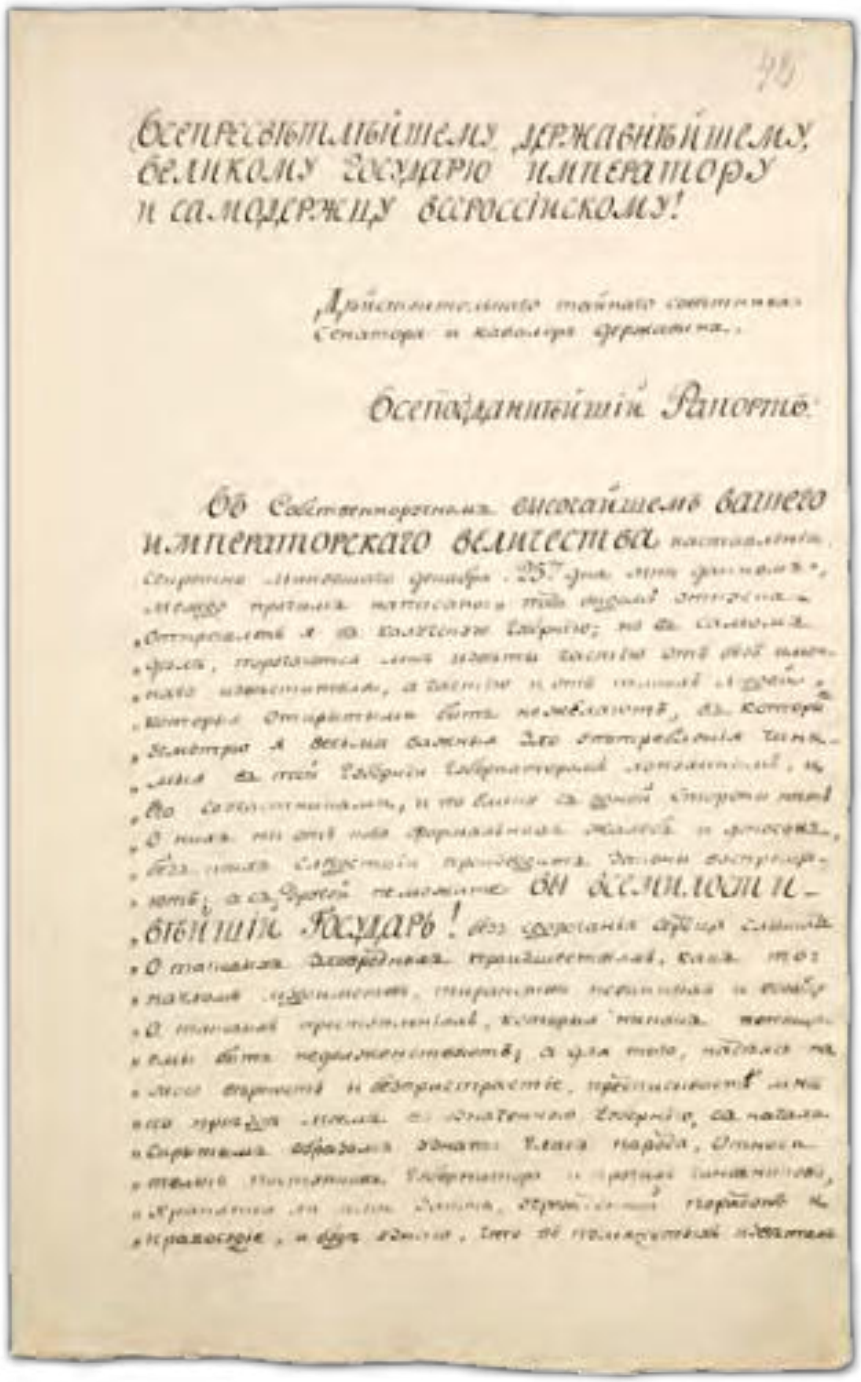
Указ Сенату. Об учреждении Народного Просвещения в Российской Империи

Желая вместе с тем исполнить наш отеческий обряд отдать Божественное Провидение вверенный нам народ: Установляем Государственный Совет для соображений, а Комитет Министерский для соображений Государственных и самый Сенат для толкования законов.

Предоставляя каждому Сословию его права и преимущества, установленные нашими предками, и сохраняя в полной силе свою власть Самодержавную, и данную Нами Сенату, Синоду и Государственному Совету, мы признаем необходимым, для народного просвещения, учредить Министерство Народного Просвещения. — Основание Сего Народного Плана должно заключаться в Христианском Законе, преподающем Любовь к Ближнему, Кротость, Терпение и все Добродетели, которые Божественный Основатель Христианской Религии преподавал Своим Ученикам. —

Каждое Учебное учреждение; существующее Академии, Университеты, но нигде учреждаемые Училища должны быть приведены в Устройство одного Общего Плана, основанного на общих Правилах Христианской Религии, и учреждены по всей Империи Нашей Академии, Университеты, Училища Главные, Уездные и Приходские. Все Училища





Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему,
великому Государю Императору
и самодержцу всероссійскому!

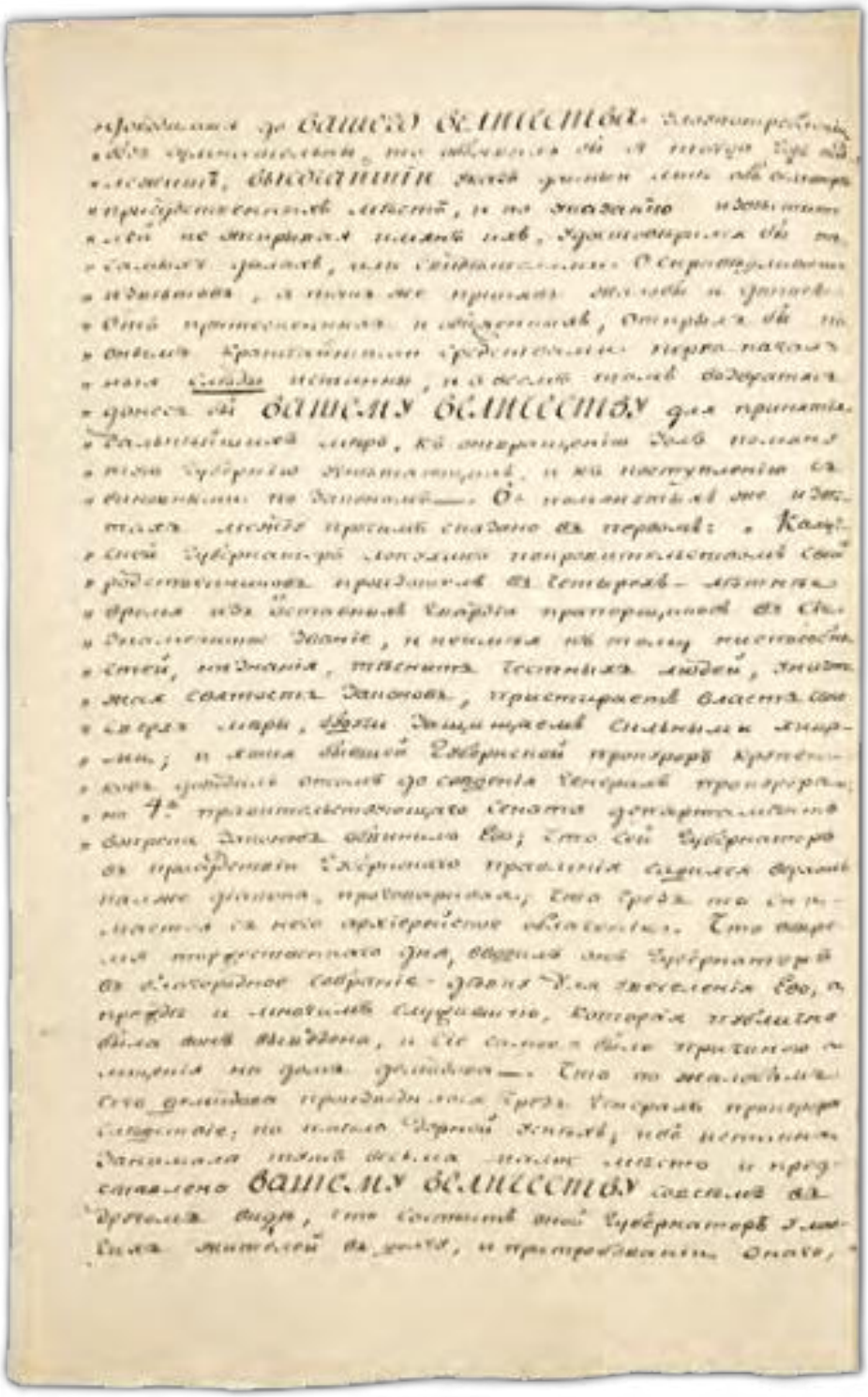
Архистатического тайнаго совѣтника
Сенатора и кавалера Державина.

Всеподданнѣйшій Рапортъ.

Объ Собственноручномъ высочайшемъ вашего
императорскаго величества повелѣніи.

Сентября 25-го дня сего года,
„между прочимъ написано, что будучи Энгрессомъ
„отправлять я въ Калужскую Губернію; то въ силу сего
„указа, поручается мнѣ изыскать способы объ всѣхъ мнѣ
„лично извѣстныхъ, а паче по этой службѣ
„которые отправленіемъ быть неудовлетворительны, въ которой
„Губерніи я весьма важныя для отправленія тѣхъ
„дѣлъ въ той Губерніи Губернаторскій помѣщикъ, и
„во сообщеніи, и по близи съ дворомъ откроетъ тѣ
„о нихъ по этой мнѣ формальной жалобѣ и доносить,
„безъ всякой скрытности приводящихъ. Должны выступить
„хотя; а съ другой тѣмъ ожидаю
„вѣрнѣйшій Государь! безъ сохраненія обрядъ службы
„О такихъ дѣлахъ Губернаторахъ, какъ мнѣ
„какимъ недоумѣніемъ, тѣмъ самымъ подлинно и точно
„О такихъ преступленіяхъ, которыя такъ
„имѣ быть недоумѣваемъ; а для того, надѣясь на
„мою ревность и безпристрастіе, предписываетъ мнѣ
„сіе предъ лично о вышеписанномъ Губернаторѣ со всякою
„скрытностію образомъ знать всѣхъ народа, относя
„тѣмъ Высочайшаго Губернатора и другихъ начальниковъ,
„Управляющихъ по сей Должности, отправленіе порученныхъ имъ
„правосудія, и дѣлъ вѣдомо, что по полученіи сего

Документ 4а–р. Рапорт Г. Р. Державина о ревизии Калужской губернии (15 марта 1802 г.). Писарский почерк. ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 9. Д. 5. Л. 42–50



43

Далее вопреки правила для делающих Ужасные Святотатства, получивши от него предложение Клятвенное Утверждение, Дерзнули волю, Что вопреки присяги, наверно-подданническую **Вашему Величеству** службе, в храме божием и в присутствии всей собравшейся для того, напали на упомянутого Святителя Святителя тибетцы удалили лично и Кому обидно, от которого получили отпор подражающий им посты начальника, и вопреки священнейшей Коронации в Москве, от бреющих и **Вашего Императорского Величества.** Присяги судьи пятого, надевание безаконника и не подтверждение тому подобных три высокопоставленнейших лицами и от Генерал Лейтенантов Комиссией, оставило все сие без защищения Своей тесть, во вторых: пять же изъятителя повторая вышеписанных просить Святое дознание. Его было сохранно в руках **Вашего Величества,** и Достойна пред небом не Кому подражаемо на исследование подлинных они Сами в Петербурге придет. **В третьих:** Уроды третий рати дошедшие, Что послушать подлеца из Белорусского Монастыря родившись, посвященные от Губернатора Следователем с приказанием допросить присутствие вышеписанных Святителей, пришедших лицами, тайно без человеческого осуждения, того даже терпеливым умных руки, и конь прямая похитителя отступились, что их Отправдали **Всемилостивейшим** Монархом, в Коей Кадинской подобная история известна Именилась; то послано было от Губернатора тихонько в Боровск, для этого дела Губернским прокурора и Святителя толкователь. **В Четвертых и пятых:** Что послушать Известную дорогу Хитрая до подражательство Его получил Губернатор от бартышниковых Ломбардных билетов на. **37.000.**[rr] и продуктов их у себя несколько лицемеров представил в Уголовную палату тогда, Коих Хитрость обманул Одних в отей, и Что Сверх билетов полученных

Сенатом ещо отд[а]ть Секретарю Зверинатороному 3000 р. за издержанныя имъ изъ собственныхъ 10000 р. денегъ, и за все сіе взять задняго числомъ всемъ и каждому повелѣть отстойное показаніе, что полученныя деньги за тѣ вѣщи получены, тѣмъ самымъ отнять всякое сомнѣніе, подлежащее въ семъ дѣлѣ за платежа то сдѣлалъ, достоинства въ томъ отнять никакого сомнѣнія не имѣетъ. Въ шестыхъ Калужская губернія извѣстится наглостію и дерзостію отставной Губернаторы Лопухина, что подошедшимъ до высочайшаго престола отъ имянныхъ ея Императорскаго Величества Самодержицы всея Россіи Лопухина Свѣтлѣйшія княгини Катерины Ѳедоровны обер Гофмейстеръ тарасова и Сенаторъ Наумовъ имѣли сказь въ Генералъ прокурорской Канцеляріи и отъ Секретарей прошеніемъ объявили что тотъ предъ лицемъ Вашего Величества въ томъ винѣ, а представляющія оное построѣлись, что не отъ[и]мная отъ дерзостныхъ Салтыкова, и отдали ко Губернатору предъ Секретаря Ѳед Тумакова, которой приказалъ въ палатѣ вѣдомыя поношенныя мнѣ дѣла, хотя оные теперь нѣсколько сотъ вашихъ Императорскихъ, что возлѣ царствованія тайнаго совѣта Императора, коего княгиня Лопухина играла при Дворѣ важную роль, приказалъ въ Долгомъ помѣщеніи Секретаря и затребовавъ сочиненіе, что онъ игралъ въ запрещенную игру въ карты, истащилъ его Бѣлгіею и сослано въ Сибирь, Ростовъ не знаетъ куда. Она дала Губернаторской вѣдомости на 20000 и недостаетъ ему еще 25000. что Секретарей и нынѣ имѣетъ. А послѣ того придавалъ онъ Губернаторъ къ себѣ Калужскаго помѣщика Хитрова Головкина молодого, худо воспитаннаго, и глупаго, что онъ прогналъ отъ дерзкаго его съ собственнаго имѣнія, обѣщая ему тако же Сибирь, и тотъ его взялъ. Сіе что отъ любимца своего Губернатора. Потомъ Княгиня за ходатайствомъ Вашего Императорскаго Величества, просила о Князѣ и Зарѣчнѣ. Дѣйствіемъ Вашимъ самимъ въ Дѣлѣ безъ отдачи денегъ, и получа отказъ поступила

* Не высокато рутель ее ст=

Полной земской суд на заводе Ее по сенату; а сей
Оставлял Канторе Ее в деньги, забирал тогда стра-
жю людей и отдавал не сколко времянем лишито-
ровать, принуждал клеветать своего господина; но-
неважно в толк, основ Власть сокрушающаго и ви-
новатого, отдавал с росписью книги и деньги от-
ранял. А хотя Достойнаго и приносил отвам
Губернатора жалобу; но вместо защиты получил рас-
тельство за подозрение его отвам тако прибавля-
ся и отвред поступать. Сие Вышеречения полицмей
Хитрость Канцелярия тиранска людьми сотни, и отпра-
вается, что приводили они сие за намерение Ее родна-
брата; но Губернатор пріехав из нему из Дерпта,
взял с него 30,000. рублей и запрет Вело Вашу,
подобя Закона, что показания отв людей на честнаго
своего принимать не должно. И наконец, сии тво-
вымъ же мудрствованием решительности и просвещен-
ной Отмены Фаворитов, брать с господа стоимо-
нина с дьякона по 100. с дьякона по 200. а с
попа по 300. рублей взятно. Отв сего достойнаго Ви-
нарисы остаются праздными, а некоторы полицмея уволь-
поступают на место или не принадлежащия. — Со-
вершенно вышеизображенно Высокомонаршаго настав-
ления, только Власа первая в Тобольской моей Грозе мимо
и в проезжие мое в Калуге подала мне Вышеписанныя
Ставленныя людей надобностей, согласовалъ с изъяс-
нем до Высочайшаго престола достигшим, то 23. Ген-
варя отправил по Вышеписанному Высокой монаршей ука-
Сенатской Отпуск в Губернском Суде присудствующи
менем, предложили Губернскому правлению, и сообщил
Духовному начальству, чтобы что приезд моей здесь бы
Знать всем мирским и обывателям Губернии, и
стоял торжественно мне люди, по надлежащей мимо
ехать конно людьми от них Городской и Сельской по-
лиции предоставленно было. А тогда же забрав вся-
нейшия дела в изъятие волокитства и затрудне-
ние Вотчасти моей в пользу до 20. Февраля, по-
дождавши Ведомостей, или по Вручении Отпускных
списков Дворян, рассматривая оные, приписывая
Деловых и должных, достоверных по ним Справлялся,
и опросивши приносителей людей, и отпустив Со-
мнения крайнейшими средствами переписывал

Сверх помимо из них отличительных грамот; и здесь
те давнишних лет, по которым были дополнительные
должны разрешены дела общего свойства, по каждому
городу отдельные и местные дополнительные; а
другие печати должны быть отменены. Они рас-
ряжения же, кроме по первой литературной записки,
были изданы постановлениями 22. 1800.го года Апреля,
дав в продолжение губернскому правлению, которое со-
брало об этих указах и дополнительных печатей сведе-
ния, и все по объявленной инструкции к высочайшему
вашего императорского величества сведению
с подробностью со следующей самой основательною от-
подробнейше поднесло. А между тем, по теории об
изъятиях расположительному, должно найти или дать
за другими, и таковыми почти уезды, монастыри и города
сего не краткие по делам предписанные для сведения
со вашего величества объяснения здесь изложены.

1. Сверх производства губернаторов, поставлены от Ея
Императорского Величества государственный Его Сена-
тория. Не смотря на перед Его отменою или подчи-
ненные Губернаторам, и потому производство по теории
в первых числах, отправлены они были из Сенатора
производимых 22. 1781.го года, принять от Сената за сен-
тября 22. 1740.го, заметей, 22. 1741.го, почти принятой 22. 741.
22. губернаторы, 22. тогда же чтоб отнять отноше-
ний со переименованием в прежнее звание, потом отъ
принять 22. тогда же чтоб Губернаторы Сената со самой
подчинены Сенатским, 22. 1797.го 22. высшее подчинены
ряда со самой Кабинетской Сенатским. Въ тогда же
22. Сената Сенатским, 22. 798.го подчинены губернато-
ва они и в местностях вице Губернаторы. 22. 799.го за
исход 22. Губернаторы. 22. 1800.го 22. Губернаторы
ственные Сенатские Сенатским 22. 1801.го Царской Орденом
сенатор Заата Иерусалимского. И тогда 22. Сенатор
Сенатора 22. 1796.го 22. 799.го чтоб Губернаторы
чтоб Губернаторы. ! А тогда прежде должны и
тогда 22. Губернаторы чтоб не Губернаторы при отношении
Губернаторы чтоб Губернаторы, и подчинены и 22. Губер-
торы. — Они же должны быть подчинены Губернаторы
Губернаторы и Сената Губернаторы 22. Сената подчинены
Губернаторы и Сената Губернаторы 22. Сената, что и подчинены
Губернаторы 22. Губернаторы подчинены.

45

2. Касательно способности Его Губернатора [illegible] и знания должности, и того ли ныне состояния [illegible] Христофора Сытосевъ, распространяетъ власть свою сверхъ мѣры по первоначальномъ [illegible] быть защитникомъ сильнымъ [illegible], слушать [illegible] слушитъ вторымъ доказательствомъ непрасположения Его [illegible] и поступки, открытыя ныне самое высочайшаго вашего Императорскаго Величества постановленія. Безъ чего бы обитателямъ [illegible] такое строгое повелѣніе нужно [illegible] ясно объяснить резолюція, бывшая въ [illegible] шнѣ — А между тѣмъ къ прискорбію Императ[illegible] нія, на деньги благосклонности Его, а Дворянства Христіанія, приложатся [illegible] совѣсти сохраненіе службы [illegible] сиятельнаго подъ литерою А: изъ него видно, какъ спорительство [illegible] Христіанскаго Дворянства [illegible] а другихъ [illegible] оставляетъ безъ уваженія.

3. Относительно притѣсненія нынѣ Губернаторомъ Христіанія, бывшимъ Губернскимъ Прокуроромъ [illegible] пенинымъ, а особливо по дѣлу мѣщанина Субботина, [illegible] за что онъ приговоренъ былъ правительствующимъ Сенатомъ. А: документами подъ № 2, подлинными отъ Дворянства обстоятельство, [illegible] радѣнія Христіанскаго Дворянства, происшедшей изображающія, отъ высочайшаго вашего Императорскаго Величества. [illegible] висятъ страдать или обвинить Его Христіанскаго. Б.

4. Совѣтъ неблагопристойнаго поступка Губернатора Христіанія [illegible] въ присудствіи Губернскаго правленія, частію доказывается, [illegible] опровергается. В.

5. Касательно распутнаго поведенія самаго Его Сіятельства Губернатора Христіанія [illegible] Жестяннаго дня въ Каѳедральномъ соборѣ, по [illegible] причины Губернатора, въ отсутствіи [illegible] Гвардіи прапорщикомъ [illegible] и протчихъ отъ того полку [illegible]

Окончивъ сообщаемой Генералъ-Лейтенантомъ, Князь Сергѣемъ Голицынымъ, по случаю нынѣ торжественнаго дня праздника, и отстоянныхъ отъ службы соотечественниковъ поздравленіи моихъ отъ сихъ событіяхъ, по которымъ изъ нихъ отходящихъ отправленіе, а другіе Сухопутными, Сіе Ваше Императорское Величество изволите заключить мнѣ изъ предложенныхъ Вамъ, сего Августа 30 числа. Ф. Ф.

6.го Что Губернаторъ лѣтошняго 7 числа въ среду, Сіе всталъ поздно, а какимъ образомъ онъ платилъ ихъ предшественникъ, даже въ присудствіи Сенатора въ Калугѣ, когда онъ отпущенныхъ, колокольнымъ звономъ и барабаннымъ боемъ, отъ донесено подлинно актомъ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКАМУ ВЕЛИЧЕСТВУ отъ 1.го февраля 5 ——

О прочихъ же событіяхъ въ семъ изъятъ полицейскихъ, случившихся въ Москвѣ вскорѣ по Коронаціи ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Коронаціи тогда именованныхъ тамъ особъ, потребъ я обязанностію своего какое либо Сомнѣніе въ нихъ открыть, потому, что ВЫ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! пожелали мнѣ тако ко узнать обязанностямъ въ полученіи Губернатор.

7.го О пожженіи богатой рядами Бронницкой Покровскаго Монастыря, подлинно производилось Слѣдствіе, при ѣзжею Судебною полиціею, потомъ особливъ Коммиссіею и Составленъ планъ нарочно для того изобрѣтенія а тѣлѣ ихъ потребленными Зрящественными вещами. Но умолъ Купецъ преписалъ только разъ Бронсенъ; и поставилъ Его изъятья, Монастырей полу гимной цѣны Ворота и Христіанская Женщина Жестоко истязань почитаніемъ и сверхъ Человѣческихъ плотяныхъ Силахъ и рока, приключившемся Ворота на брюхо и Грязнаго раздавленіемъ Грязи, тѣмъ что Монастыря Мѣсто и пять и Бѣлыя Кладбища ряды тѣсного Тѣлами подвинулись, и Жилыя прежде

ряно подлинное, и коего объявлено, и по сему спрашивается Запрестанным Кредитителем. Е.

8.е Сте 1.го февраля я имею Высшему Величеству донесть, что Губернатора Лотошина съ городничимъ Бутеринымъ и секретарем Его чудовым послали Высочайшему Двора тышацкима хитрова, коего выпустил или и сообщников Его барышниковых и лишенных достоинства чрезвычайно Столько въ прошлой Его хитрости поправительство по сему Делу, Сколько и въ Высочайшем приказе Вседанной Комиссарной бумагой. —

Послед того этодержится или не хитрой въ должительстве Этого Губернаторым Самым Совсем и тредъ Бутерина въ полиции и въ острогъ, Даже посло вместо Кнутов, по ним плоскъ бескелой задними числами на 30000. рублей. Тожъ и въ настовлении Его хитрости тредъ приписенно или Губернаторой въ полицію реларто, Кона показыват отцы Кнутам, Которы при Экзаме будет въ половине тилато. Ж.

9.е Прежнюю жалобу подполковника Сентарова и поведомлев разстерашенных чиновников доказывается, что подлинной денеги въ 20000. рублей Ему Сентарово принадлежащей Экзекутор Губернаторой Лотошинъй и взято или въ Этого Сентарова въ Займе сверхъ сего денеги, но только не. 25000. а. 3000. рублей, при отъезде въ прошлой годъ въ Петербургъ. З.

10.е Сте вынудил Губернатора Лотошина этот плутишка худо воспитаннаго хитрова, Который теперь скрытся въ смертоубийстве брата своего, въ Займе денеги, но только не. 15000. а. 5000. рублей. Сие справедливо доказывается, показаніями хитрова, барышникова, Бутерина Губернатора и денеги. З.

11.е Тако же, что подлинно Коллежской Экзекутор Суд-

Година позорета на железной дверь кандалы заключенных, отвлекавшая тамъ канторы, книги, архивы, засѣдавшія подъ стражею служителей, а иныхъ и самъ, стѣснивая ихъ въ этомъ заключенномъ тѣснѣ; но тѣмъ не менѣе, просила взятокъ не. 10,000. коей заключенный въ тѣхъ темныхъ кельяхъ терпѣлъ обвиняетъ г. Ж.Ж. рѣчей. Сіи между протчими и совокупленныя того суда во всѣхъ томахъ тяжкопреступленія доказываютъ и терпѣніемъ Губернаторовъ. — и

12. Отъ 1.го февраля донесъ я ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что жалобъ и доносовъ на превосвященнаго архіепископа о взяткахъ съ священно-служителей, полныя не дождешься, но столько послѣдуетъ извѣстно, для того, что заключенныя предосторожность; однако поспѣшилъ и донесъ, что слѣдующіе доносъ и жалобъ, только самыхъ по дѣламъ матеріаловъ,

13. Доноситъ Губернскій регистраторъ семеновъ: 1. что тотъ секретарь взятокъ жалованья было удержанія. 2. что въ отмѣнѣ Губернскаго правленія опредѣленіи оставилъ онъ себя послушна отмѣнъ, и среда того, невѣдѣ канцелярскія сложностяхъ предоставленъ по товарищества въ тѣмъ, а только изъ не выслужившіе жалованья мѣсяцъ и неносящіе службы. 3. что преждебывшій архіепископъ Губернаторъ Уголовныя дѣла дѣлалъ своимъ мнѣніемъ, а спасанной книгой заключеніе ихъ мировыхъ вѣдомъ вѣсколя. 4. что по сообщенію Комиссіи отмѣнъ архіепископъ Губернаторъ въ своихъ комнатахъ пристрастныя допросъ, спѣши служителей во отмѣнъ до 20 человѣкъ. Тутъ и отмѣнъ отмѣнъ, а Губернаторъ по сообщеніямъ и заключеніямъ служилъ, а онъ они попадались истязаніемъ допрашиваютъ. — Ж

14. Подчинена полныя жалобы трехъ семинаристовъ студентовъ Архангельскихъ, протѣснявшихъ, что Консисторіи семинаріи профессоръ отмѣнъ ихъ въ семинарскомъ правленіи передъ экзаменомъ тѣмъ же тѣмъ, до того,

47

Сего и прочие[ѣ] требовать, несмотря на то, что такое запрещение противно не только дарованным регламентом и другим законам, и что по вторгому Сенатскому, его императорского величества не имеют они владеть сих отцовских защищать. К.

15. Представляется городской Думы просить, что в прошлом 1797.[м] году мая 17.го для напечатания листов, собранных с градского общества лишних товаров, несмотря на то, что не Высочайше правительствующаго Сената последнем было запрещено. А

16. Сей же голова просит, что городовой Ветошной листа до представления во ис полнительству о вновь одолженных комнатных товарах детали ему нынешу прибавить, будто нестрадающих ныне от падения цивилизованного Гражданина, хотя они имеют полной листов, апробовал Второй губернатор Крестьянинов, и сколь часто имеет продажу служителя во родовых заплат полагается Силы отличных, на губернатора так жить тонкие городского представления, подобно Котторого имеются во многих Стрит Магистратов в Гильдейской книгах переправить надлежит во присутствии купцов и подтвердить сие бедности Судейств Ратушных палатах. М.

17. Приносит земской комиссии депутат, что по продолжении любви от жестоких ея постоянных со Хрестьянами, порядной губернатор получил известие, видевся в их нужду, и непредвиденно повелительство Ея Императорской, подтвержденной подтвержденными в городах, и приходя для постоянства желания, Правительствующий двор; и когда они не исполнились, что городовой Ветошной, не отнятельных из под опеки старых домов в одних на имение Ея прочность во 1000. рублей которое должно по другой части же из 10000. Сие предложение внесенное Сенатскими членами Ея Императорского Величества Остзейских губерний Губернаторов и Вице Ея, и полицмейстеров предложений, что они подтвердительно имеют, Сенатскими Стороннего крестьянства и Земской, Которые тяжкие Сенатские Жалобы. Мое всё денежную сведений, и прочим от Императорских Ратуш Земледельцев. И

18. Принесен жалобу отставной каптенармус Гаврил Курсев, что по правой жене во свояцтве, Александр Сайдарной, а тамошняя живет ныне во побеге и притеснялся по представлению Губернатора Якушина, без всякого исследования, разбирательством и суда, таро[ж]ной Земской суд отнял имею жены его, а за тем заплатил и отпустил. Доношение Сие предлагается Губернатору, и выписка регистрата того суда. О

19. Приносит жалобу отставной поручик Ефим Ермолаев за подобные же притеснения на предместника его Якушина, что по правой тещи его Ермолаевой Трапезной бабушки, что [з]дала в побег жену его, и до возвращения его ныне на имя его вексель, обязанной взял за калину среди толстого пристава, и хлеб не давши тогда Якушин не велел, а поверстил тогда за службою. Якушину предлагается, а между тем за неправильность дела тещи его жены, с вышеписанным и его собственным забрать назад. А Губернатору повелено потребительство отнять, а может даже способ отыскивать разбирательное его ей ныне, и она тамошней обратной то Ее время пожалуется без имения, без жены дочери и подсудимых. Сие самое доношение Справочное П

20. Приносит жалобу отставной Елисавет Алексеев Ермолаев, что тарской Земской суд остался противу своей должности за разбирательство Крестовой, отнял было по прошлые полицмейстер у Ермолаева хлебную имея знать Землею. А Губернское правление по рассмотрении сего дело тогда, и на прошлому его прошение велено вступится опять надлежащей порядочно и тогда дело теперь за Губернской палатой; по непришедшей отсрочки предлагается, а имеет Земли. Сие тоже Справочное дополнение. Р

21. По Высочайшей Вашего Величества милостивой Жалованной отставной подполковник Ассесор Ермолаев, что по Высочайшей Конфирмации 1794 года апреля 11 дня сего Его Ц[арского] В[еличества] указанному за вечное пользование в пределах Ве

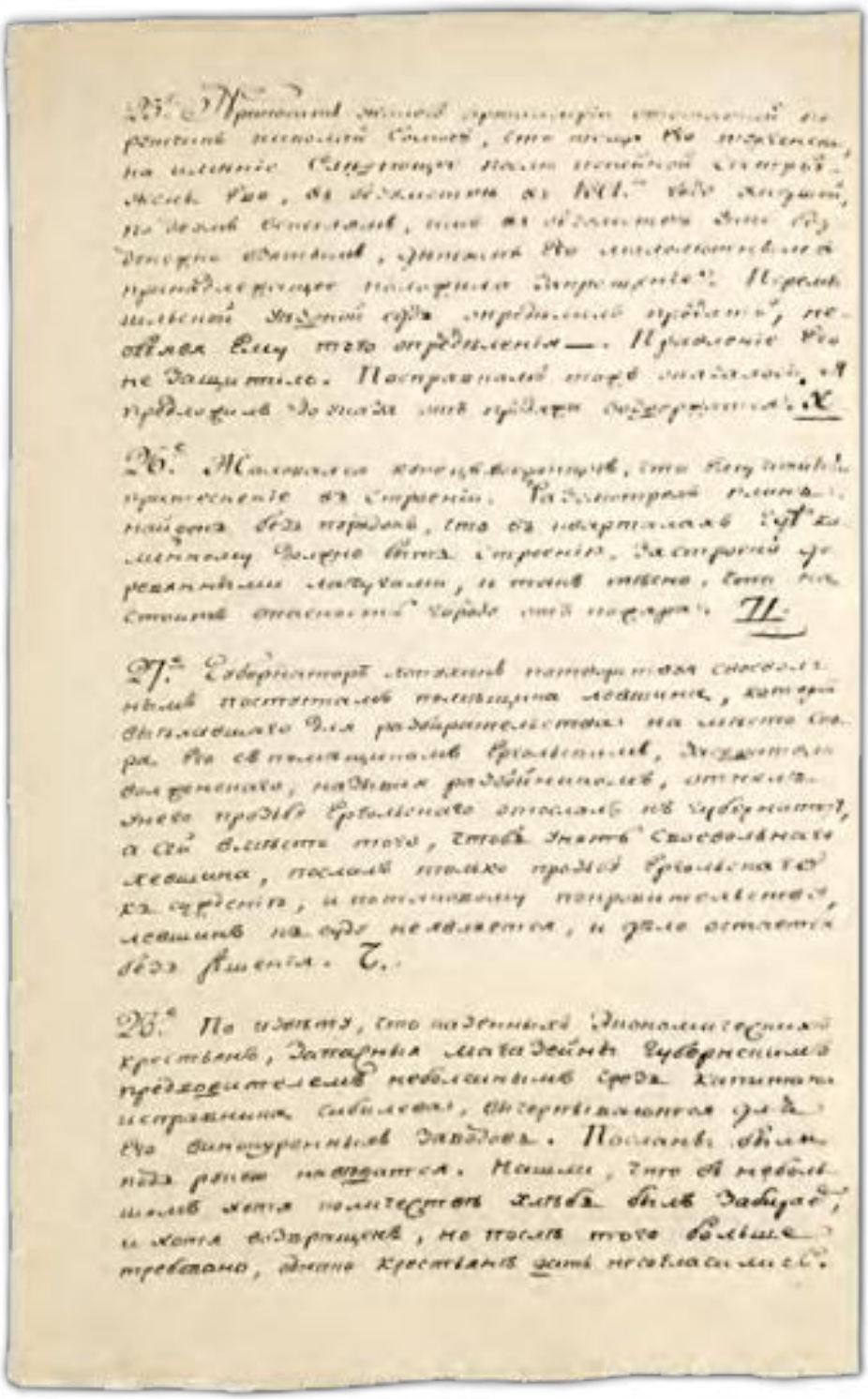
18

к Государственному Совету Вам было угодно сообщить и об подвергнутой пресекшему попечению и отказе — Но Сенатские правления с возвращены Вам все — Построенный по отводной Вашей Высочайше утвержденный подробный фасад Вашего Императорского Высочества дворца строения 2.го апреля 1801.го года хотя сдан и принят, отчет Вами по оному не представлен, а потому сметные по оному деньги возвращены — А подробного плана обмежевания Вашего Величества поместительного по Высочайшему Его Величества 1799.го года, того и исполнено — С

22.е Приносили жалобу с Московской почтовой Экспедиции, что бывшей почтмейстер, почтовых дел Подмастерье Московской Губернии Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Дмитрий Ивановичь Ключарев, должность свою с 1.го прошедшего года, с 2.го подлинно отправлять священник. П.

23.е Приносите жалобу отставной подпоручицы Дмитрий Екатерины, что покойного отца Ея Егора Алексеева, сенатора и кавалера Екатерины — из оставшихся на Ея счет капиталов, разных дел за неизвестно Ея по отцу, Генерал-Прокурор Вяземской письменный Сенатский из Судебного того столько передать несмыслена Экономии из отец из Гражданского суда, который определение Вам отдается Ему формою суда — Сие приложенными копиями из тисей Генерала Прокурора и Судебного дополняется. Я.

24.е Жалуется помещик Тобольской, что Генерал Действительной Камергер Князь Христианин Ив, Долгорукой суд следовал Слов, и потому Жалобы не отправлены; а требование Залоги Талантов, Губернское правление Жустивишла Доносить Свою Сенату Земского суда, на отсылало на судебное против 96.го статьи Высочайшего Предписания — Ф.



43

А предложил Губернскому правлению наблюдать, и врачу на приглашаемых освидетельствованиях, сделав распоряжение предводителям по сей части. Записать III.

24. Исключить из отношения приказа общественного призрения, стол Орловскому Уезду по принадлежащим ему сделав справку. Согласно Городового 333. Статьи — Предложено было Казенной палате сделать опыт. Определилось: что суммы поданные не покрывали описания Городовой и данного сбора, более 1000 р. в один год, и в Палате Государственного Старения, о верности расходов и цельности Казенной палаты Хозяйственного Старения еще Сведений не имело. — Предложено сделать Справку — III.

30. Исключить повальное свидетельство Степанова без подписи за выбором взять объяснения — Доказано должностью Губернатора допущена и Губернским предводителем несправедливость. Взятые объяснительные и показательные справки. Дабы виновные, за нанесенное повреждение истца, не оценена лишность монарха, которого Ваше Величество всемилостивейше возвратить изволили, право избирать себе Судей; Предлагается при сем подписка бывшего Старосты — Б.

31. Исключить Славенскую Сельскую полицию из исследования Известных дел. 61.
32. Открыть вотки — Б.
33. Исключить распространение власти Судебного пера до предела Этого. Б.

34. Исключить по Конторскому порядку без порядочная регистратура. 10

35. Исключить православие и присоединение не Чувашских и нехристей инородцев. Д.

1126 сент., по Черепетской округе. VII.

По Тихвинскому реестру. Я.

Экстракты изъ журналовъ присутственныхъ мѣстъ при следствіяхъ судимыхъ дѣлъ.

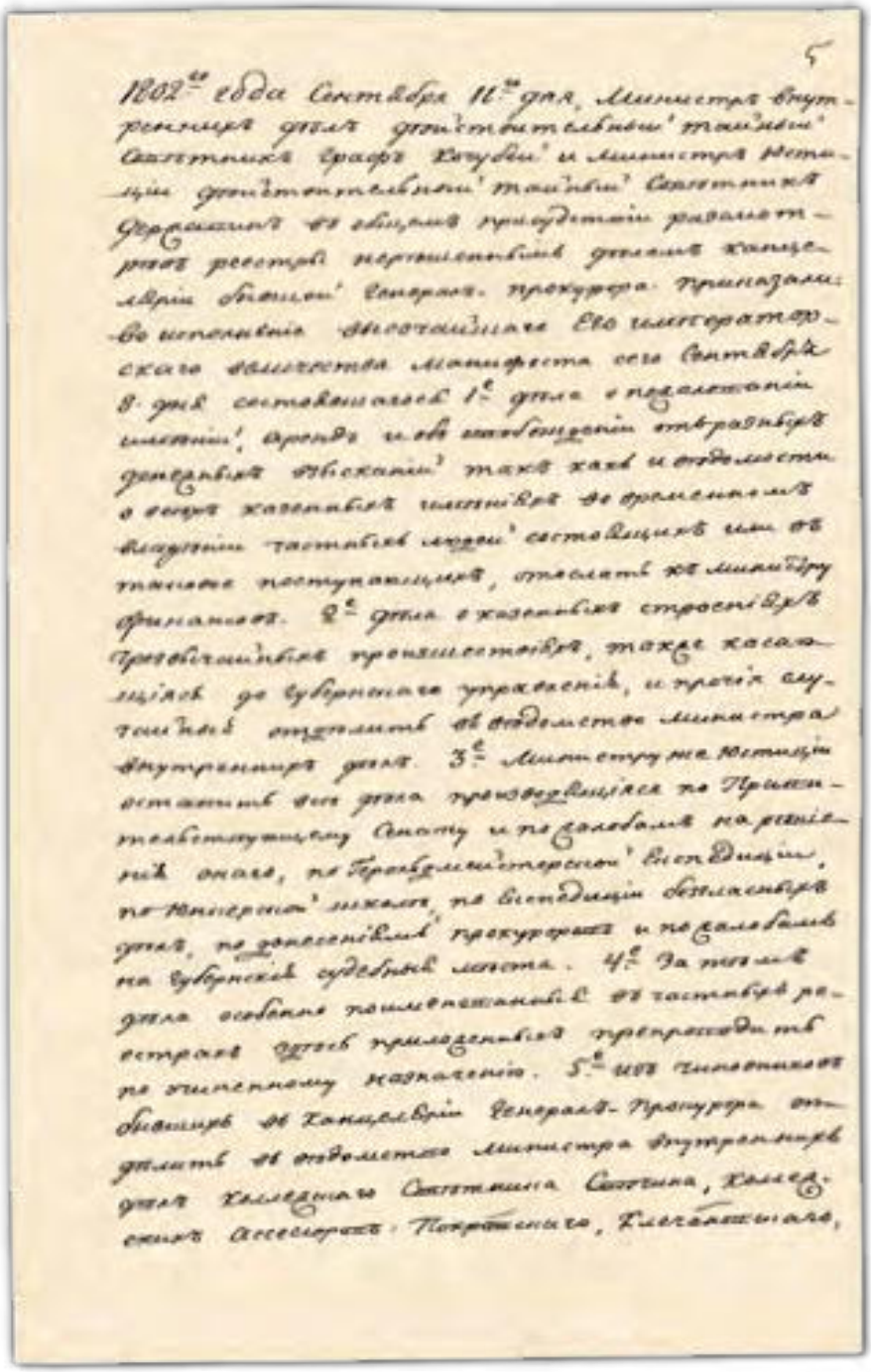
При всѣхъ этихъ записяхъ, актахъ, реестрахъ и экстрактахъ, по каждому дѣлу порядокъ подписыванія объясненія, показанія разныхъ лицъ, свидѣтелей, присудственныхъ мѣстъ и мое перо писка въ пятнадцать подлистовъ.

По всемъ вышеписанныхъ подсудимыхъ дѣлъ, ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволитъ изволитъ, общее разсмотрѣніе въ полномъ Сенатѣ: — Не сохранялось законовъ, не соблюдается порядокъ въ отправленіи по дѣламъ, и следственныя дѣла, и по отправляется самое производство. Личная безопасность состояніе не надежна. Когда Сельская полиція своей отвѣтственности и по начальственныхъ предписаніямъ, что въ бытность мою следственнымъ судьею и многіе преслѣдуетъ самой кражи. Такимъ ветхимъ дѣло апелляціи пятнадцать, нынѣ при мнѣ пятнадцать, и еще не обвѣдомленныхъ, а потому особо записки не объяснено; а значится въ общемъ реестрѣ нумерныхъ листъ. — На протяженіи сего времени я свидѣтельствую, что по кодинской волости, ни малой не донесено де мною не было. Кромѣ только того отъ кодинскихъ крестьянъ въ отправленіи ревизскихъ сказокъ Сводъ, и исправленіи дѣлъ следующихъ. Такъ же, Экстрактомъ кодинскихъ крестьянъ земли на дачи и мѣстной принадлежности, по кодинской палатѣ со всѣмъ тѣмъ сдѣланнымъ съ своей стороны всѣ отвѣты доношеніе. А, сверхъ кодинскихъ я не самовольствовалъ, сколько по принятіи по ряду дѣлъ въ сей палатѣ отправлялись, столько по краткости времени, не достававшаго мнѣ дѣла слѣдственныя. А болѣе для того, что порядокъ самовольствія кодинскихъ, Судомъ нашу тяжелый мнѣ быть Судопроизводствомъ Отвѣтственной. Отдалъ такъ справедливости. Заведенныя приказъ общественнаго призрѣнія. Если они всѣ въ такомъ порядкѣ, какъ были мнѣ представлены, то въ теченіе мое

Благородная Вдовица, Вдовица, сирацкаго Дому, Смотрительница, Попечительница, Благодетельница и Дама Ордена, Отдала я тщетно и отвратительно во оныхъ. А потрясала моими Питомцами Воспитанницами Вдовиха, Владычными и прочихъ, всѣ отдавались Богомольно и Благословляютъ Отца отечества насущный хлѣбъ и теперь имѣютъ пропитанія. Равномѣрно недостатки въ Селѣ и Финѣ по Владычествѣ нашемъ видно. Цѣны свѣстныя притасой противъ обыкновенныхъ не превосходятъ.

На конецъ донесетъ Всемилостивѣйшій Государь! Всеподданнѣйшее мое донесеніе я должень теперь: Что по обыкновенной Благотворительныхъ дѣлъ, удержася тѣсной Силы, Всемилостивѣйшаго Имя наставленія, отправлять я Самократайшими Средствами порядочныя только Силы истинѣ. Дѣлнѣйшія же Здоставленія въ Запонахъ предписанныя, по тѣсному обыкновенію преступниковъ, какъ-то: Злыхъ Словесныя перепросы, Обѣдня Стояніе и самыя Священническія Возношенія, предоставляя я тѣмъ Кому Вашемъ Императорскомъ Величеству Точно перенять Идетъ окончить Сіе Существо. Чтобъ однимъ мнѣ столько узелъ обвратить, преступленій обѣлять и отпустить вины Порядочныхъ, а притомъ въ Столь Короткое Время, не Удобно, и при всей моей ревности, исполнить Священнѣйшую волю Ихъ и недолжно. А потому, Ежели сіе угодно, Благоволите Великодушный Монархъ! Окончить силы человѣка.

1802.го года
Марта 15.



***Документ 5а–в**. Приказ о разграничении сфер деятельности министерств финансов, внутренних дел и юстиции (11 сентября 1802 г.). Писарский почерк, подписи-автографы В. П. Кочубея и Г. Р. Державина. РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 196. Л. 5–6*

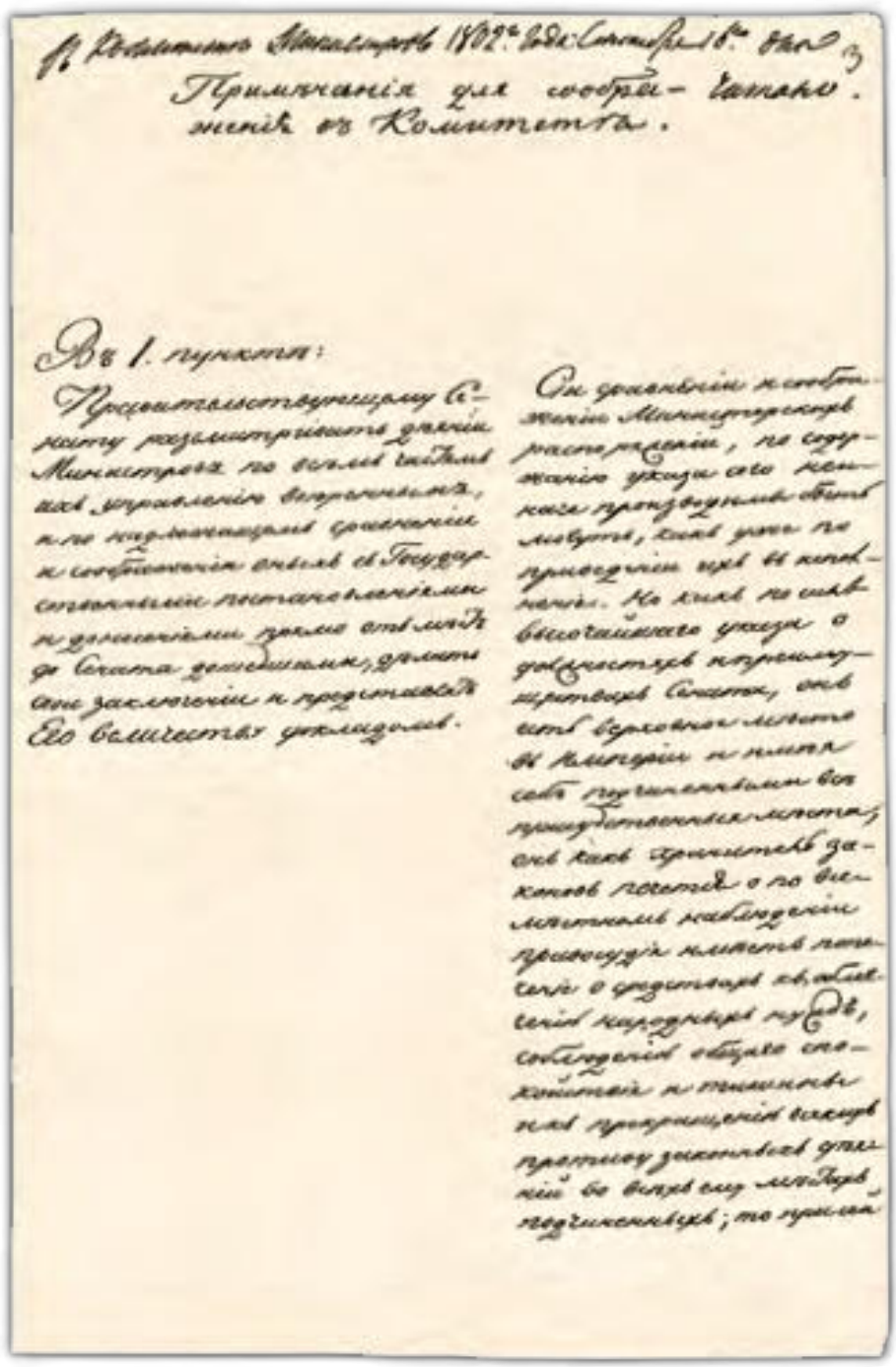
Протасевского, Тишихина, Кейзера, Капитана Лаганевского, Титулярных Советника Хилкевичевского и Регистратора Филипповского, которые ему до составленія впредь штатов для Канцелярій Господ Министров чиновъ получать жалованье, кромѣ Совѣтника состоящаго на своемъ содержаніи, по прежнему изъ Сенатскаго Казначейства. Прочіе же остаются при Министерствѣ впредь до Высочайшаго повелѣнія. Правителя Канцеляріи Статскаго Совѣтника Безака, Коллежскихъ Совѣтниковъ Молчанова, Сухопрудскаго, Яковлева и Аверина, Надворныхъ Совѣтниковъ Евтеевскаго, Яценка и Крупскаго, Коллежскихъ Асессоровъ Деларусскаго, Ефименкова, Хотовскаго, Самойловскаго и Злобина, Титулярныхъ Совѣтниковъ Федорескаго, Дока, Финкенхагена, Цибинскаго, Данилевскаго, Фролова и Жерлѣевскаго, Губернскихъ Секретарей Сухопрудскаго и Войнаго, Провинціальныхъ Актуаріусовъ Старженскаго, Свободнаго регистратора Тишихина, Коллегій Юнкеровъ Дощинскаго, Захарьевскаго, Фонина, Рахманова, Живухина Волховскаго, Коллежскихъ регистраторовъ Озобенскаго, Кекалевскаго, Никифорова, Пешурина и Мирошкова, и Канцелярскаго Маркина и Бородавкина. б.е А какъ по распоряженію бывшей Канцеляріи Генералъ-Прокурора дѣла не поступаютъ отдѣленіями, были для храненія въ Архивѣ, неполныя еще сформированныя

6

экземпляр, то Министерство Юстиции примет-
лет на себя напрасный труд отыскивать об
отдаленного его остающихся для разбору книгъ
и отсылки по содержанію ихъ въ охранительно-
му ушелію куда слѣдуетъ. Прочимъ же не-
помѣщенныя деломъ сочиненія книги отдать
онымъ для храненія въ архивъ Правительст-
вующаго Сената, достаточно коихъ объ описи
въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ и остав-
шемуся же при дѣлахъ Министерства Юстиціи.

Графъ В. Гудовичъ

Гавріилъ Державинъ



Примѣчанія для сообра-
женія въ Комитетѣ.

Въ 1. пунктѣ:

Предоставляется Сенату разсматривать дѣла Министровъ по всѣмъ тѣмъ частямъ управленія впрочемъ, какъ подлежащимъ ревизіямъ и сообщеніямъ онымъ въ Государственномъ Контролѣ, и дѣлающимъ донесенія Государю Императору, такъ и отъ Сената донесеніямъ, дѣлать оныя заключенія и представлять Его Величеству докладомъ.

Въ дополненіе къ сообщенію Министерскихъ распоряженій, по сохраненію ухода сего рода, производимыхъ въ Губерніяхъ, какъ ихъ по приведеніи ихъ въ исполненіе. Но какъ по сему Высочайшаго указа о Министерствѣ юстиціи Сенатскихъ, онъ есть Верховная власть въ Имперіи и имѣетъ себѣ подчиненныя во всѣхъ Губерніяхъ мѣста, онъ какъ Хранитель законовъ имѣетъ право и по всеподданнѣйшимъ наблюденіямъ примѣчать имѣетъ мѣста въ дѣйствіяхъ Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ, соблюденіи общаго спокойствія и тишины, или прекращеній всякихъ противу законныхъ дѣйствій по всѣмъ сихъ мѣстъ подчиненныхъ; то нужно

Документ 6а–е. *Мнение Г. Р. Державина о подведомственности дел, поступавших в Сенат. Рассмотрено на заседании Комитета министров 16 сентября 1802 г. Писарский почерк. РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 201. Л. 3–6*

4

Во 2.м три первые Коллегіи состоять каждая во ведомствѣ своего Министра, которой также управляетъ всѣми актами и дѣлами отъ нее зависящими.

Въ 4.м Должность Министра Коммерціи состоитъ на основаніи предъизданныхъ узаконеній.

Въ каковыхъ же отношеніяхъ Министровы сіи должны быть съ Президентомъ Коллегіи и другими членами оной, и какой образъ производства дѣлъ въ оныхъ быть долженъ, по общимъ ли судебнымъ или по большинству голосовъ дѣла будутъ получать свое разрѣшеніе, или по одному предложенію Министра оной исполненіе во всемъ томъ быть долженствуетъ? и нужно ли существованіе самыхъ Коллегій.

Министръ Коммерціи по предмету его инструкціи долженъ былъ входить о представленіяхъ въ Правительствующій Сенатъ

Спрашивал отъ него сенатъ
случаяхъ разрѣшенія; почему
надобно каретъ разрѣшить
по предмету ли постановленія
ему поступать, или по 4-му
пункту Манифеста объ
Министерствѣ, объявл. что
въ такихъ случаяхъ разрѣ-
шенія отъ себя.

въ 4-мъ пунктѣ кар-
дер лишено обязано
посылать ежегодныя
мемеріи къ
своему Министру
обяхъ техъ
дѣлахъ.

Каретъ сіе не можетъ
относится къ Министру
Юстиціи, которой только
отъ Правительствующаго
Сената долженъ получать
Мемеріи для представ-
ленія онаго Его Вели-
честву; и за разсужденіи
прочихъ частей весьма
опредѣлительная каретъ
можетъ быть остано-
ка отдаленія дѣлъ, кроме
по рѣшеніямъ келіпозія

5

ограничать на мемориіи замѣчаній отъ Министровъ, а паче изъ листовъ отдѣльныхъ.

Въ томъ же пунктѣ: Министръ соображая ближе дѣло и пользуясь выгодами ближнихъ частей ему современныхъ, оныя найдетъ за нужное, дѣлаетъ ихъ замѣчанія, а на предписаніяхъ дѣлаетъ рѣшительныя отмѣтки.

Высылаютъ дѣла и почасткамъ Управленія сопряженныя въ части судебной, то ими послѣдніе разрѣшаются ли сами Министры; сверхъ сего въ 7. пунктѣ о должностяхъ Правительствующаго Сената сказано, что всѣ принадлежащіе листа оному подчиненные, въ случаяхъ важныхъ и сомнительныхъ должны относить къ нему рапортами и отношеніями, то не представляетъ ли здѣсь противорѣчія сихъ узаконеній?

въ томъ же пунктѣ: Когда не взирая на вторичное представленіе, Министръ настоятъ будетъ, чтобъ исполнено было по его замѣчаніямъ, тогда записывается мнѣніе присудствующихъ въ журналъ и чинится исполненіе.

Мнѣніе присудствующихъ долженствуетъ быть записано въ журналъ прежде представленія Министру; что самое и составляетъ Мемуріи того предмета; а по томъ по полученіи отъ него предложенія могутъ нужды мнѣнія свои записывать въ журналъ вновь, а надлежитъ только записать его предложеніе и по оному исполнить.

въ 10-мъ пунктѣ: Предѣлы власти Министра опредѣлены будутъ въ особыхъ инструкціяхъ.

Предѣлы сіи нужно коротко опредѣлить совмѣстно точностію и ясностію.

въ томъ же пунктѣ: По высочайшемъ утвержденіи доклада Министра, возвращается онъ

Сотыми сіи докладъ представленъ будутъ Правительствующимъ Сенату только для отдачи, то постановленія чрезъ сіе

6

Дѣлами дѣйствительныхъ и обѣдалехъ Правительствующаго Сената завѣдуетъ.

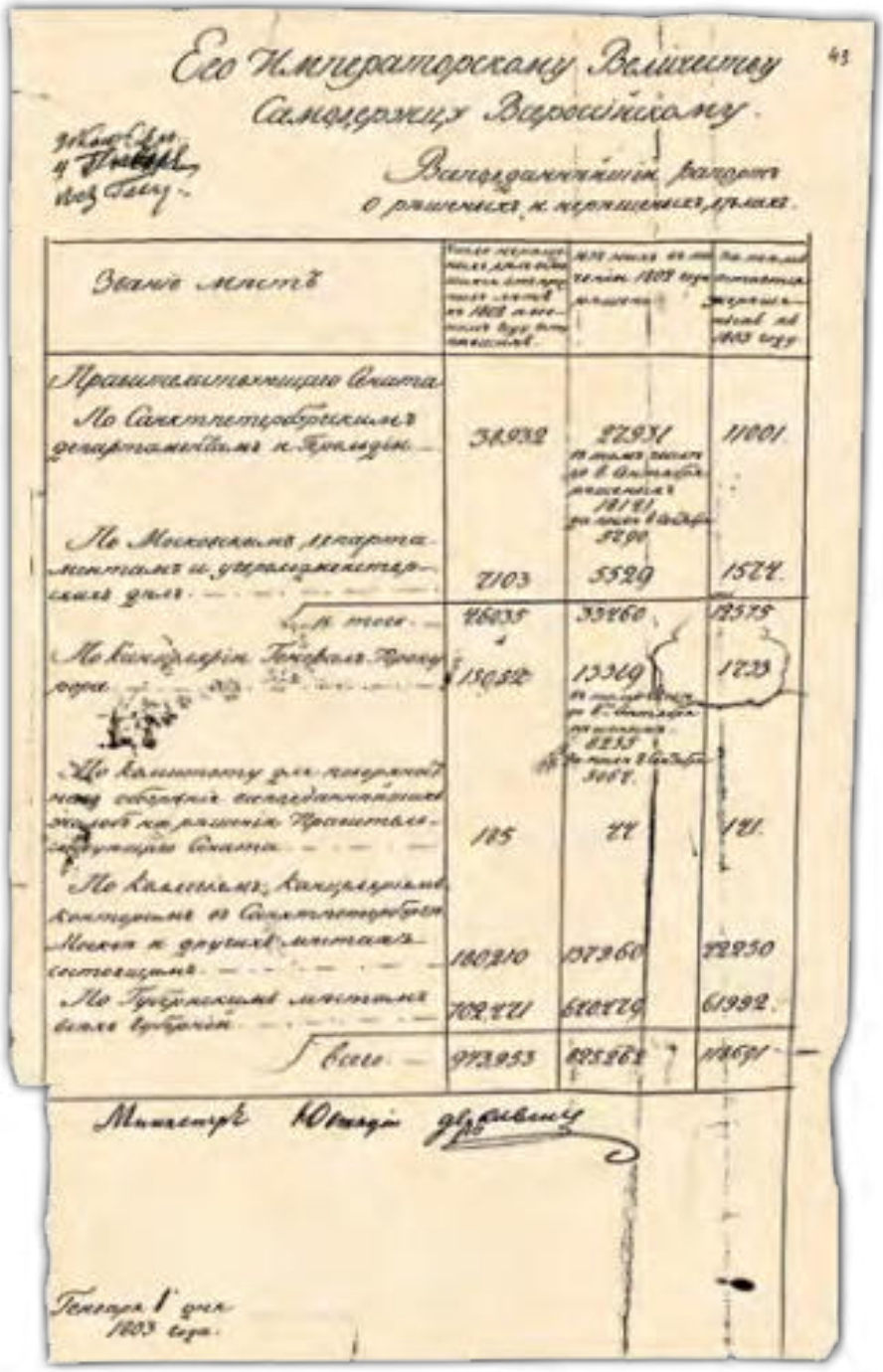
отъ 1. департамента власти исполнительныя?

въ 12. пунктѣ. Каждый изъ Министровъ въ Конце года должен подавать Его Величеству чрезъ Правительствующій Сенатъ письменный отчетъ въ управленіи всѣхъ вверенныхъ ему частей, изъявляя изъ нихъ дѣла особой тайной подлежащія.

Сената 1.е департаменты всѣ почти составлены изъ Министровъ, слѣдовательно они сами себѣ будутъ давать отчеты.

въ 15. пунктѣ: всѣ Министры суть члены Совѣта; дѣла обыкновенныя трактуются въ Комитетѣ составленномъ изъ нихъ;

Всѣ ли вообще дѣла Министровъ дозволительно быть трактованы въ Комитетѣ, или нѣкоторыя, иногда доходящія до Государя —



Его Императорскому Величеству
Самодержцу Всероссийскому.

43

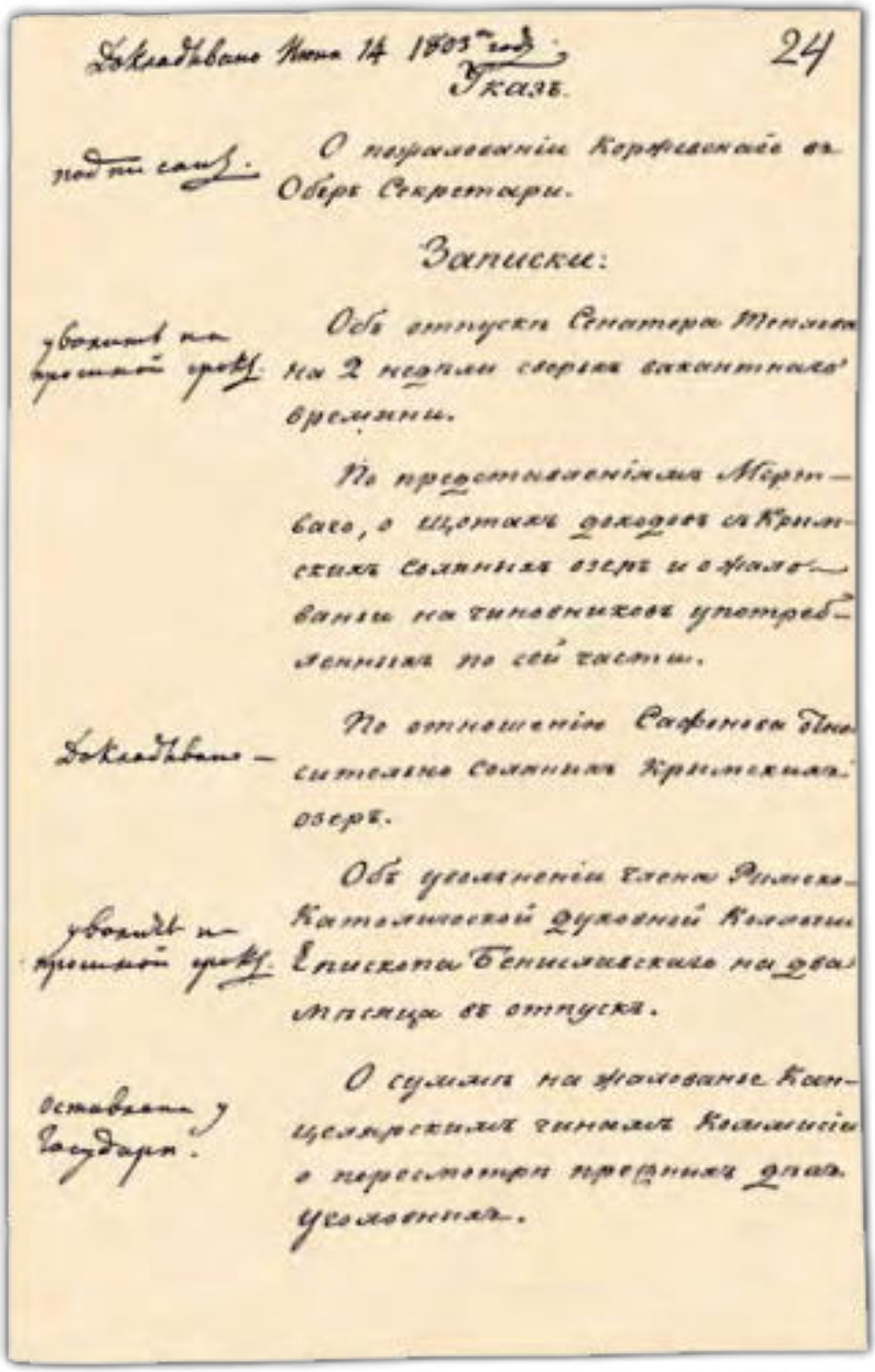
Всеподданнейший рапорт
о решенных и нерешенных делах.

Звание мест			
Правительствующаго Сената			
По Санктпетербургским департаментам и Гвардии	31932	27931	11001
По Московским департаментам и апелляционным делам	7103	5529	1574
	46035	33460	12575
По Канцелярии Генерал-Прокурора	15052	13319	1733
По Комиссии для генерального собрания выслуженных законов к решению Правительствующаго Сената	185	44	141
По Коллегиям, Канцеляриям, Конторам и Санктпетербургской Монете и другим местам состоящим	180310	137360	42950
По Губернским местным делам вообще	702221	640279	61992
Всего	973953	825263	148691

Министр Державин

Генваря 1 дня 1803 года.

Документ 7. *Рапорт-ведомость Г. Р. Державина о решённых и нерешённых делах в Сенате (1 января 1803 г.). Писарский почерк, подпись-автограф Г. Р. Державина. РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 126. Л. 43*



Докладывано Июня 14 1803 года
Указъ. 24

подписать. О назначеніи Корфиникой въ Оберъ Секретари.

Записки:

увольнит на третей урок. Объ отпускѣ Сенатора Тепляк на 2 недѣли сверхъ вакантнаго времяни.

По представленіямъ Мерт— баго, о щетахъ доходящихъ съ Крымскихъ соляныхъ озеръ и о фалъ— шивыхъ на чиновникахъ употреб— ленныхъ по сей части.

Докладывано — По отношенію Сафонова Пи— сительное соляныхъ Крымскихъ озеръ.

увольнит на третей урок. Объ увольненіи Члена Римско— Католическаго Духовнаго Коллегіи Епископа Беницлавскаго на два мѣсяца въ отпускъ.

оставлено до указа. О сумнѣніи на указанные Кон— целярскими чинами Коммиссіи о пересмотрѣ прежнихъ дѣлъ уложенія.

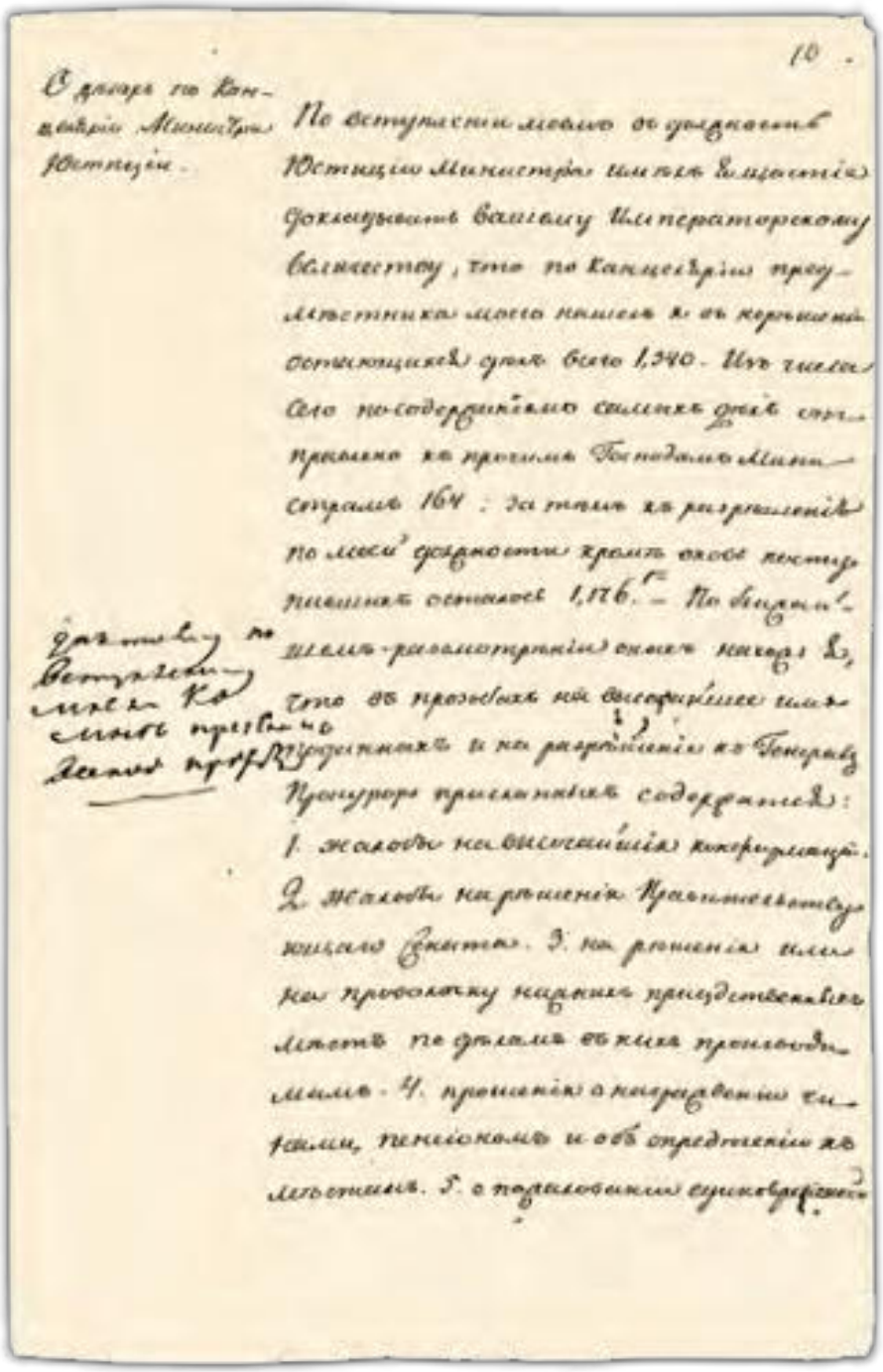
Документ 8а–б. *Запись в реестре докладов министра юстиции (14 июня 1803 г.). Писарский почерк, на полях пометы Г. Р. Державина. РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 211. Л. 24–24 об.*

Оставлено у Го- Письмо Новосильцова по дан
судар ~~ставит~~ Сапожковской.

~~ставить~~. — О Лаперине.

~~Докладывано~~ О Гинтаген.

~~препроводить к~~ Докладъ Министра Юстиціи
~~вместному Мини-~~ Графа Аракчеева и Комиссіи
~~стру Финансов~~ ~~Комитет Мини-~~ ~~докладной государ-~~ ~~ственной Канце-~~ ~~лярии~~ ~~Комитет судеб~~ ~~ных дел~~ ~~Комитет Финансов~~ ~~ных дел~~ ~~Комитет Финансов~~ ~~ных дел~~ ~~Комитет Финансов



10.

О делах по Канцелярии Министра Юстиции.

По вступлении моем в отправление должности Министра Юстиции имел я щастие докладывать Вашему Императорскому Величеству, что по Канцелярии прежде мною нашел я в производстве старых дел всего 1,340. Из числа сего по содержанию самых дел отправлено за прошлое Господина Министра время 164; за тем за разрешением по моей должности кроме сего текущих оставалось 1,176. — По внушительным разсмотрении самых некоторых, что в просьбах на высочайшее имя и на разрешение г. Генерал Прокурора приложенных содержатся: 1. жалобы на неправосудия, 2. жалобы на решения Правительствующего Сената, 3. на решения палат на проволочку нарочно предоставленных лиц по делам в них производимым, 4. прошения о направлении тех дел, по которым и об определении на должности, 5. о подтверждении

Дополнить по вступлении моем в должность прежде

Прокурорских

Монархиней милости.

О разрешении жалобъ на решенія Правительствующаго Сената прика-
зныхъ угодно было уже вашему Императорскому Величеству уво-
стоить высочайшей конфирмаціи докладомъ моимъ, чтобъ оспоренныя ихъ
поверенностью фискальскими составленныя
Коммиссіями изъ господъ Сенаторовъ,
стоятъ ли оныя уведенія, ничего стоятъ
по предмету ихъ на судебное общаго
Собранія Правительствующаго Сената
а буде не стоятъ, то или отвергнуть
Коммиссіонеровъ причина дать находу
въ законномъ 1-мъ Г. Инструкціи 1763 года
Іюня 23-го дня Статсъ-Секретарямъ
данной изображено: „Статсъ Секретарь
имѣетъ отъ всякаго просителя, какого
бы онъ званія ни былъ, принимать словес-
ную, братъ сверхъ сего письменныя про-
шенія, словесное еще объясненіе о его
дѣлѣ. По томъ выслушивъ прилагать
ихъ прошенія сіе, если дѣло зем-
скія принадлежащее къ высочайшему

Правительствующій Сенатъ
Общаго Собранія по
Указамъ повелѣлъ
Г. Вѣдомости были по
Л. Указъ а на слѣду
тавшіе — Кур
Канцел Вар Ревиз
с

11

разсмотрѣнія, а ко какому либо судеб-
ному мѣсту вѣдомству или начальству;
то оное не тотъ же челобитчикъ напри-
емлетъ подъ именемъ его, но одному
челобитчику воспрещаетъ во тожъ время
обѣ просительныя вещи со тою надписью
во то мѣсто, куда оно долго приказа-
ано. Если челобитчикъ жаловаться
будетъ, что во тѣхъ мѣстахъ, куда
напрасно, челобитчикъ его не принима-
ютъ; то такового челобитчика
сенатскій Отдѣленскій-секретарь въ кан-
целяріи мѣстной отвѣщаетъ, при-
о покровительствѣ удовлетворенія
просительнаго; во случаѣ же какова либо
затрудненія, съ своимъ мнѣніемъ
о томъ говоритъ, гдѣ имъ куда
востребовать, доношеніе и имѣ-
ющемуся въ немъ требованію. Если же
Высочайшаго резолюціею во тѣхъ мѣс-
тахъ принятельство неподлежитъ просителю,
оное Отдѣленскій-секретарь доводитъ объ-
являетъ по результатію Высочайшаго
повелѣнія; во случаѣ же нужды

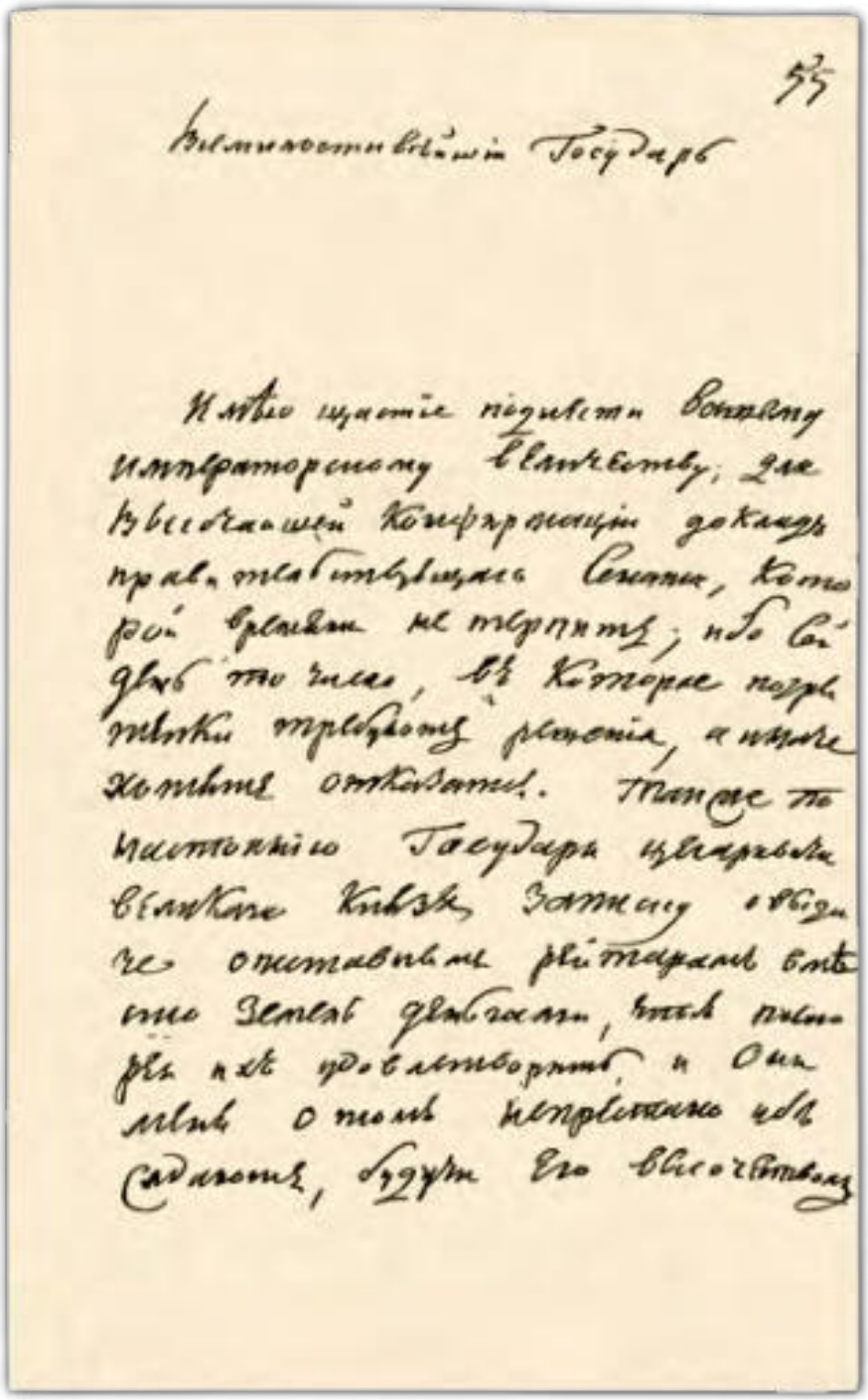
должеть и вторично о томъ доне-
сеть. 2-е во указахъ Государя
Императора Петра перваго повелѣно,
чтобы никакого сыну людей о доносахъ
прикащикамъ до распраши на то
учрежденного правительства, отнюдь
самому Его Императорскому Вели-
честву прошенія своего не подавали,
подъ опасеніемъ строгаго за сіе Указа-
нія. 3-е въ постановленіяхъ Кроп-
тельствующаго Сената и въ высоч-
шихъ указахъ о порядкѣ производства
въ дѣлахъ, объ опредѣленіи къ мѣстамъ
и о награжденіи пенсіонами предписано,
чтобы представленія доносимыя объ
отъ каждаго по команде. — Посиа
сихъ указовъ кадетскій корпусъ
по данному мнѣнію, 1-е въ доношеніи
высочайшія резолюціи въ другой разъ
докладывать вашему Величеству
Сенатомъ. Секретарямъ. 2-е по прось-
бѣ кого изъ мѣста отправить отнюдь
не дѣлать, или писать прямо къ
Казанскимъ Губерніи. 3-е по просьбѣ

12

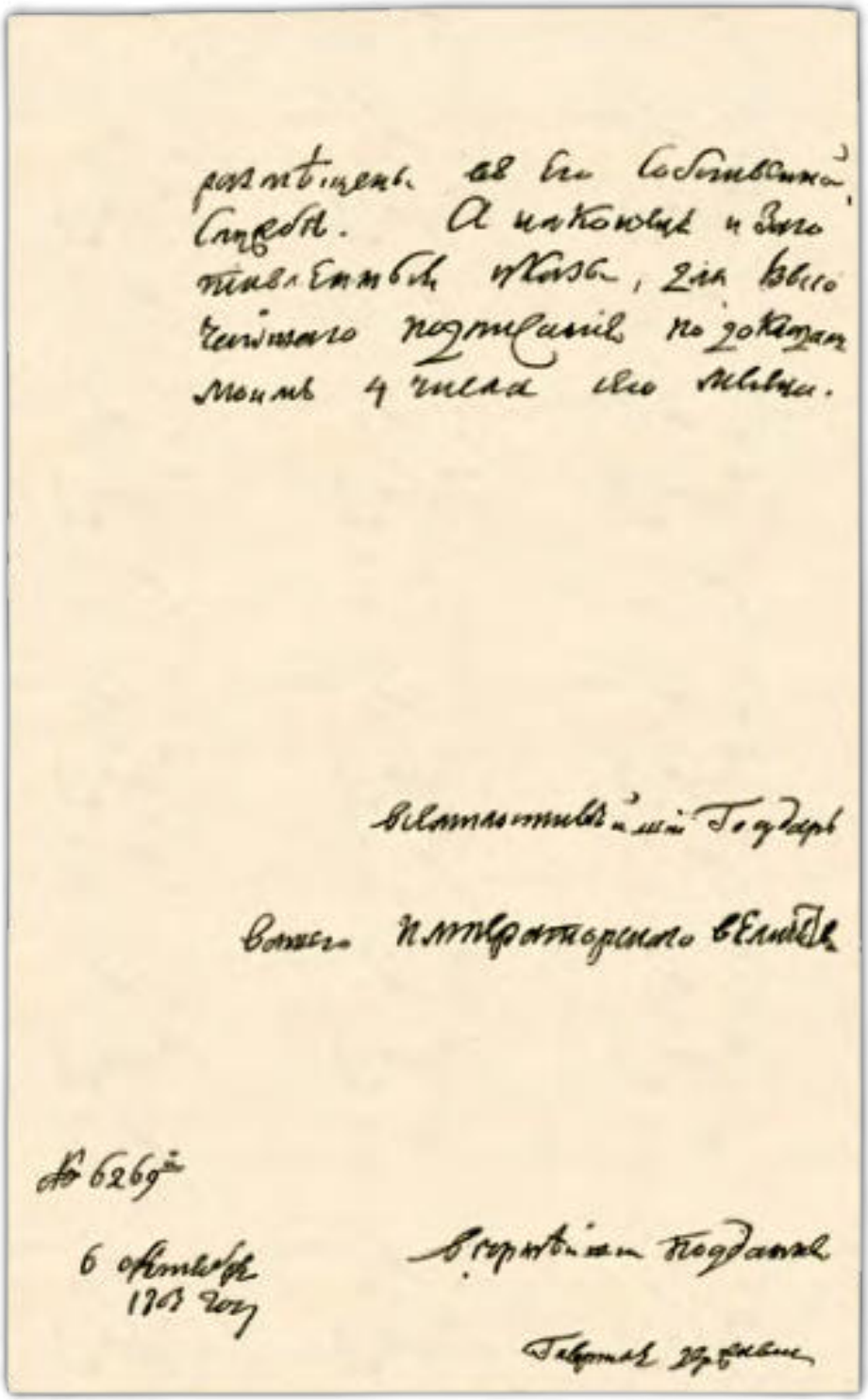
о подписании чинов и пенсионов объявлять, чтобы просили от начальства представления по команде, и Ис по прозьбам о единовременном награждении по собранию нужных сведений представлять на высочайшее соизволение Вашего Императорскому Величеству угодно было дозволить принимать все прошения, коими Вы изволите препровождать ко Генералу Прокуроре; то в обязанность поставляю вам предписать, чтобы по части моей в разрешение сих прозьб позволяю поступать следующим образом: Первое: по прозьбам, в коих приносятся жалобы на медленность и проволочку нужных судебных мест, не дожидаясь вашему Величеству писем от Прокурорского Ведомства, переберут оные и объяснения, истребуют о скорейшем окончании дела и о доставлении причитающихся; а паче изъявляю вспомоществование вдовам, вдовам и сиротам дозволяю

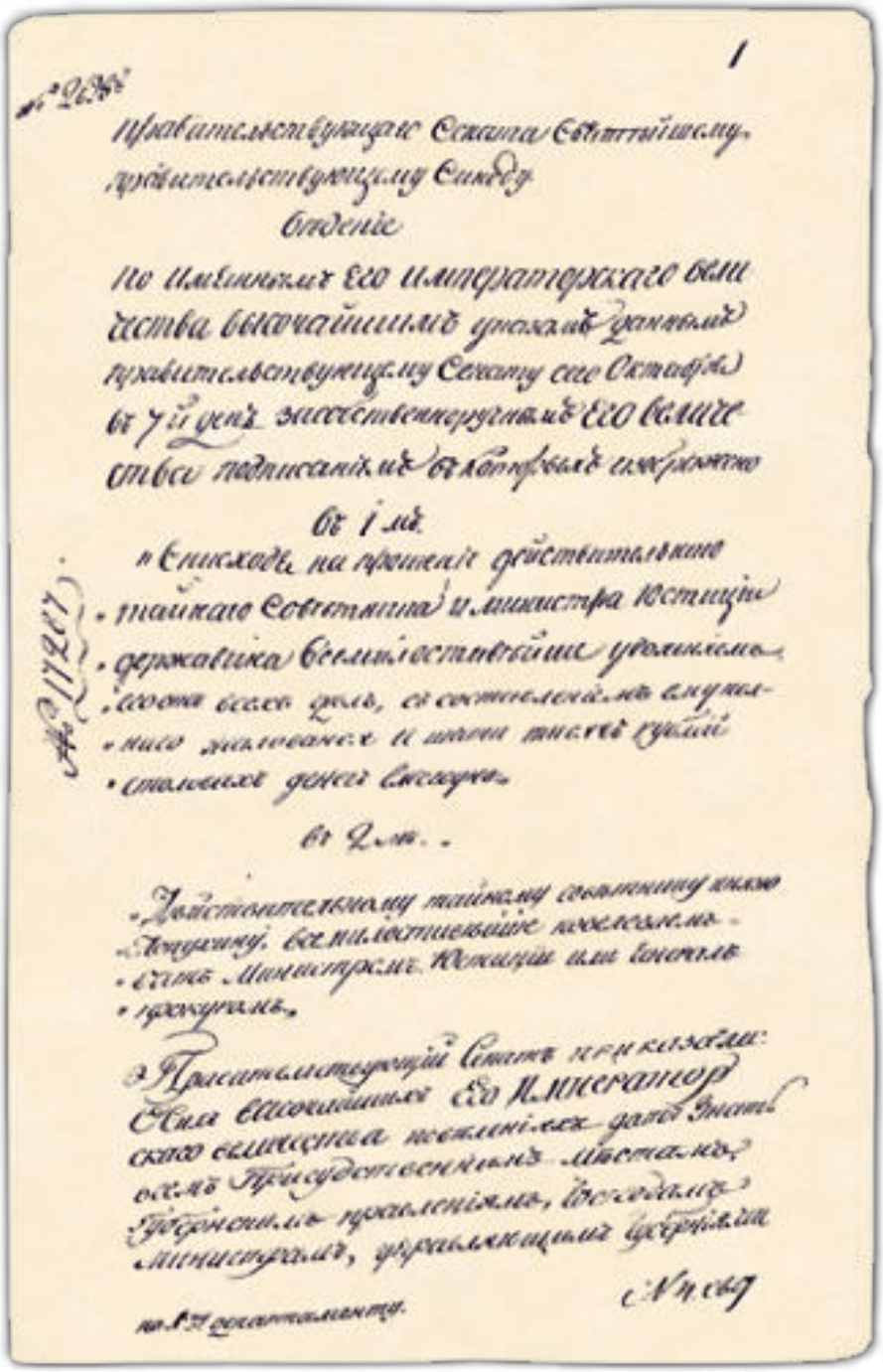
Со стороны их покровительства
и ежемесячно представлять вашему
Императорскому величеству ведо-
мости, что по произведам сего рода к
мне присланным учинено будет.
. вторых: по прозьбам о награждении
чинами, пенсионами и об определе
ии к местам, собрав справки
буду также ежемесячно представлять
вашему величеству ведомости, с
показанием в них службы и сред
ствах каждого. третие: о неправи
вающих Монаршего позванья или
жительствах по собрании справок о
состоянии сумм коих в числах буд
подносить также ведомости не
выслужившихся разночинцах. четвер
Тоже прозьбы, кои принесутся
честей прочих министров, хотя
бы они и ко мне присланы были
считаю я нужным отсылать к тем
Министерствам, до коего сие прикл
жит, давая представлять об сумках

порядокъ былъ некарушимо сохраненъ.
Сами обрезки не допускать въ руки до
накопленія, не будетъ надобности и
Вамъ Императорское величество без-
покоить частными докладами, кромѣ
тѣхъ однихъ особое указаніе заслуживаю-
щихъ и времени не терпящихъ.



Документ 10а–б. *Запись в реестре докладов министра юстиции (6 октября 1803 г.). Автограф Г. Р. Державина. РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. Д. 211. Л. 55–55 об.*





1

№ 2284

Правительствующаго Сената Святейшему
правительствующему Синоду

Отношение

По Именным его Императорскаго Вели
чества Высочайшим указам данным
правительствующему Сенату сего Октября
в 7 й день за собственноручными Его Вели
чества подписаниями в Сенатской конторе

в 1 м

„Статскаго на чинах действительнаго
„тайнаго Советника и Министра Юстиции
„Державина великодушно уволить
„от всех дел, с сохранением ему
„мне жалованья и шести тысяч рублей
„столовых денег в год.

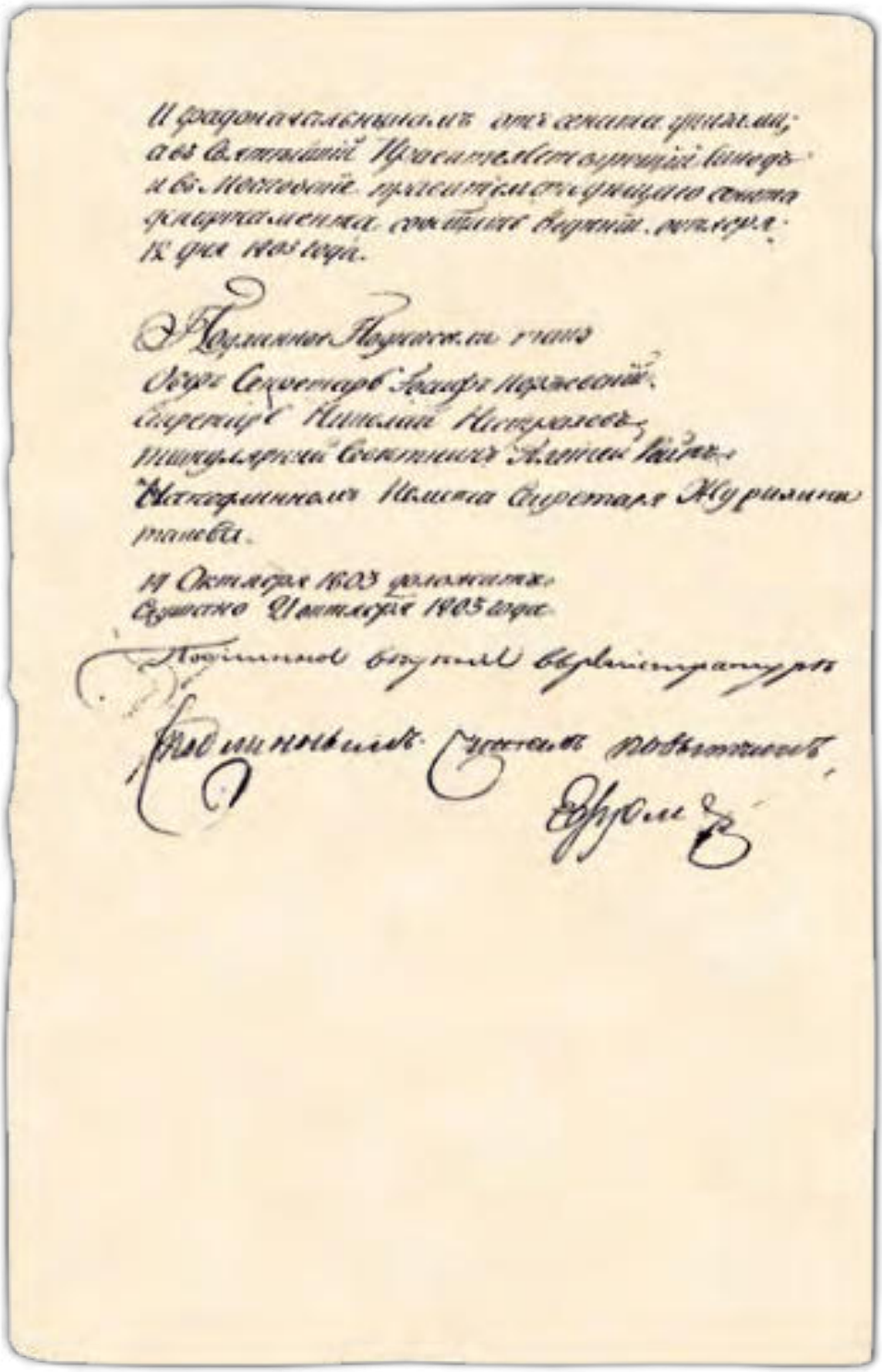
в 2 м.

„Действительному тайному Советнику князю
„Лопухину, вместо Державина
„Сего Министерства Юстиции или генерал
„прокурором.

Правительствующий Сенат по сим указам:
Ныне высочайшая Его Императорского
Величества воля нижеписанных дать знать
Сего ж числа Присудственным местам,
Губернским прокурорам, всегдашнее
Министерства, куда надлежит сообщить

№ 87 экземпляров.

Документ 11а–б. *Указ императора Александра I об отставке Г. Р. Державина с государственной службы (7 октября 1803 г.). Писарский почерк, делопроизводственные пометы. РГИА. Ф. 796. Оп. 84. Д. 675. Л. 1–1 об.*



Из фондов начальников отделения дознаний,
а из Алтайской Духовной Консистории
и Бийской городской полиции сведения
о раскольниках, состоящих в Бийском округе
к 1903 году.

В Кормянке Пономарь учит
Бедн. Секретарь Захар Пономарев.
Старосты Николай Некрасов,
Шкулярский Советник Алтын Байт.
Начальник Полиции Секретарь Журавлев
ганов.

19 Октября 1903 должностн.
Сдано 21 октября 1903 года.

Полицейский вступил в управление

Полицейский Урядник подписал

Журавлев

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Документ 12. *Патент на чин действительного тайного советника (20 ноября 1802 г.). Пергамен, подписи Александра I и др. Печать под кустодией. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 10. Л. 1*

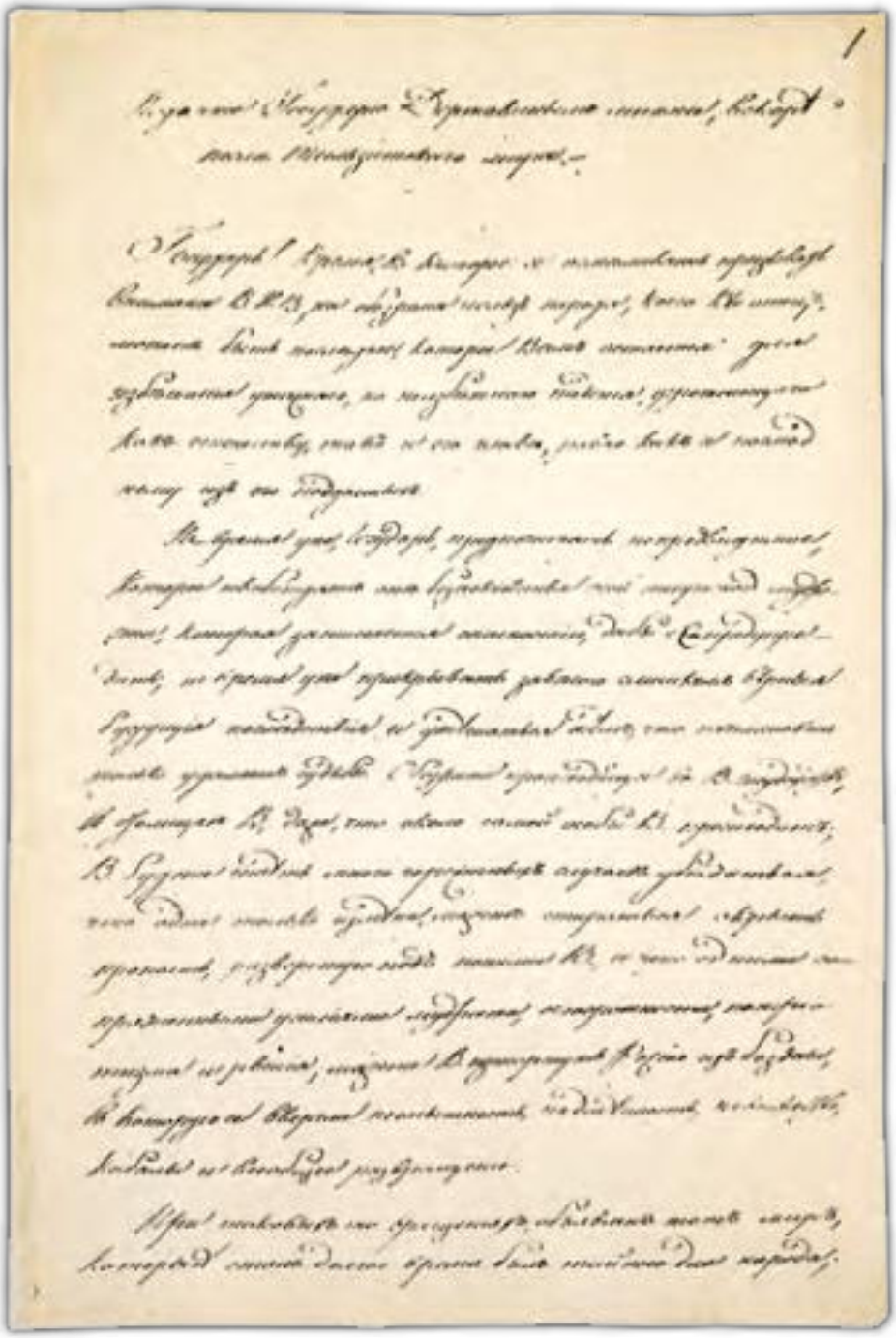
Подъ высочайшимъ покровительствомъ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО ДЕРЖАВНѢЙШАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО
ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО
Императорская Россійская Академія

Документ 13. *Диплом об избрании Г. Р. Державина членом Императорской Российской академии наук (7 января 1805 г.). Пергамен, подписи-автографы А. Нартова и П. Соколова. Печать под кустодией. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 11. Л. 1*

Документ 14. *Диплом об избрании Г. Р. Державина почётным членом вольного Общества любителей наук, словесности и художеств (15 июля 1805 г.). Подписи-автографы И. Борна, Д. Языкова. Сургучная печать. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 12. Л. 1*

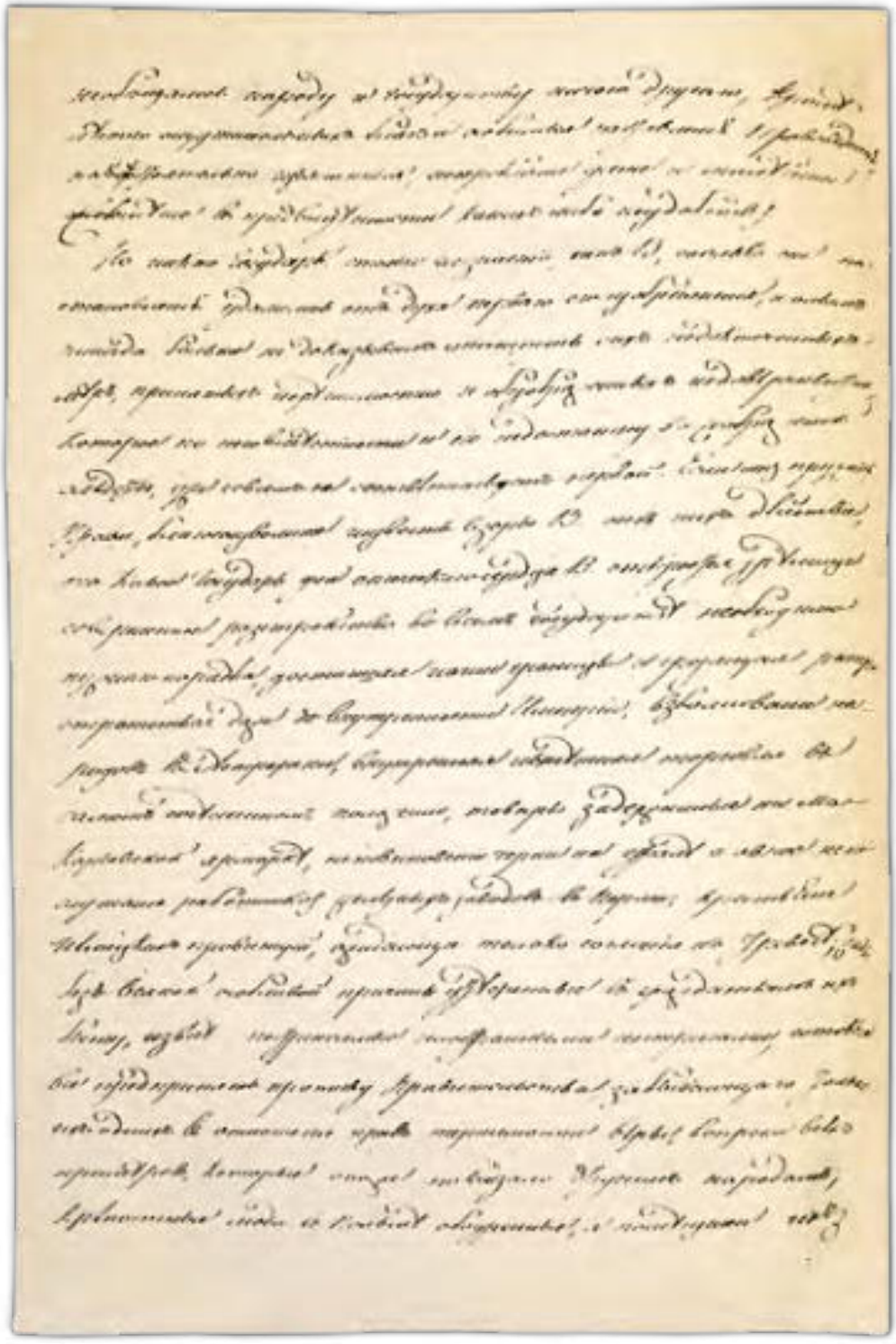
Документ 15. *Диплом об избрании Г. Р. Державина почётным членом Общества любителей российской словесности (4 мая 1812 г.). Подписи-автографы А. А. Прокоповича-Антонского, М. Каченовского. Печать под кустодией. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 2. Д. 14. Л. 1*

Документ 16. *Диплом об избрании Г. Р. Державина почётным членом Санкт-Петербургской духовной академии (13 августа 1812 г.). Пергамен, текст на латыни. ИРЛИ РАН. Ф. 96. Оп. 11. Д. 66. Л. 1*

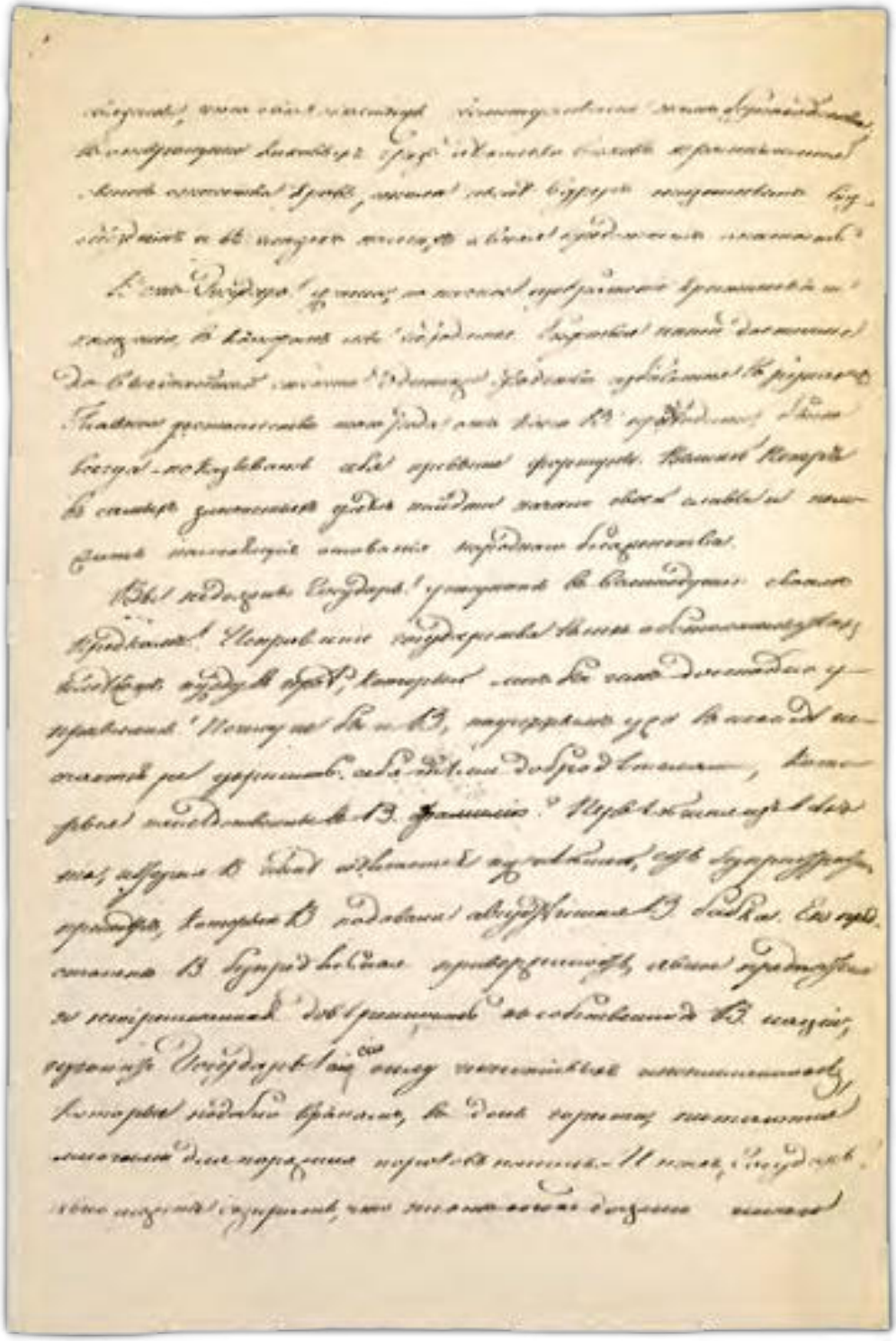


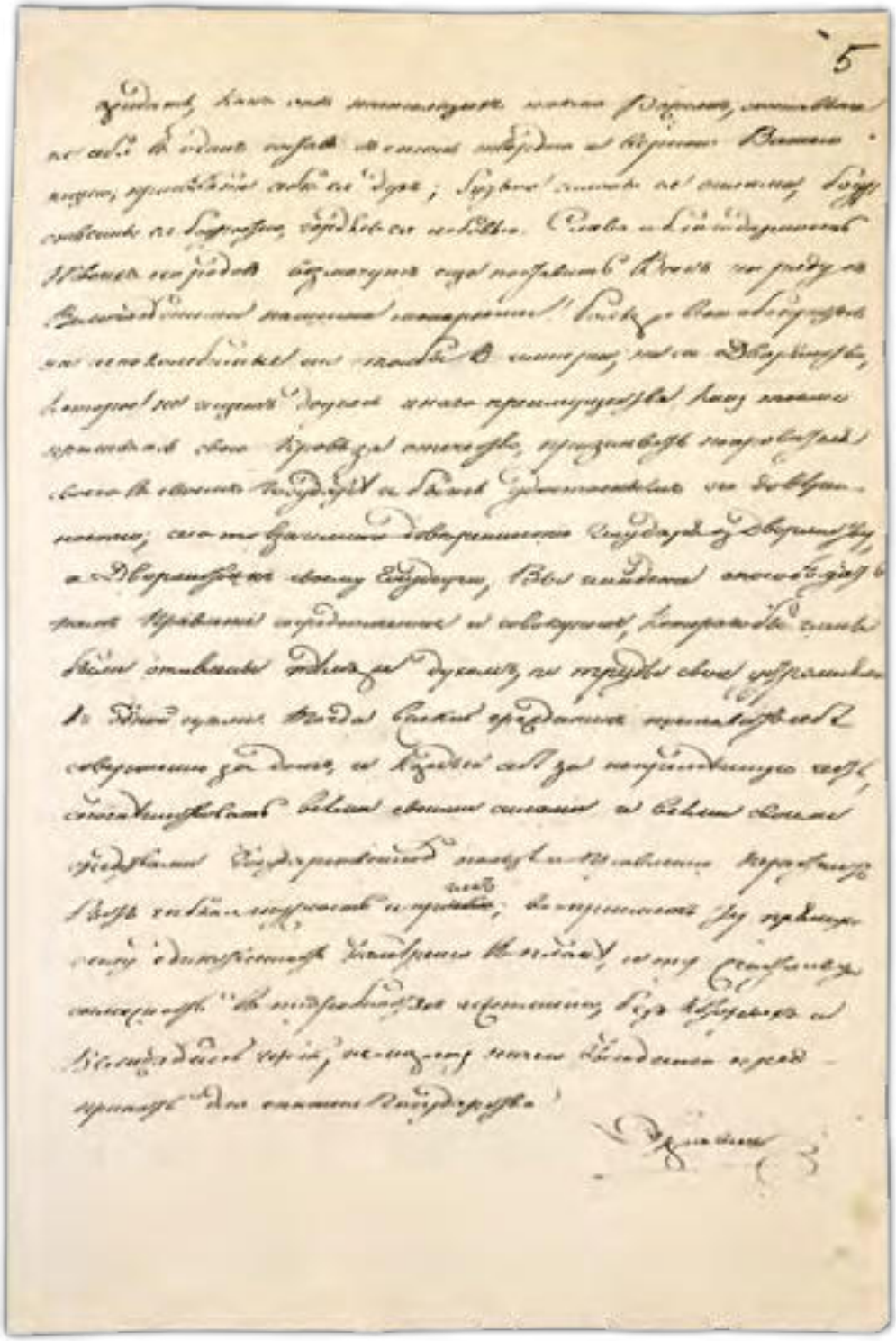
Документ 17а–з. *Записка Г. Р. Державина «Поданное государю Державиным мнение вскоре после Тильзитского мира» (1807 г.). Писарский почерк. РГАДА. Ф. 345. Д. 44. Л. 1–5*

2



4





РУСКІЙ ИНВАЛИДЪ

№. 164.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. 16го Іюля 1816.

ИЛИ

ВОЕННЫЯ ВѢДОМОСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. — Патріотическія Пожертвованія. — Приказъ Начальнику Главнаго Штаба Его Имп. Вел. — Высочайшіе Приказы. — ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Германія. — Англія. — Сѣверъ. — Краткое обозрѣніе новѣйшей Англійской Литературы (Продолженіе).

МѢСЯЧНЫЙ ОТЧЕТЪ КОМИТЕТА

Приходъ. Руб. Ко.

I.

О наличной Кассѣ

На оной Кассѣ состояло къ 1му Іюля 75,200 00

Патріотическихъ пожертвованій поступило:

На имя Комитета . . . . . } 12,240

На имя Резидента Вел. Княгини . . . . . } 12,240

Въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ 5,000 65

Чрезъ подписку на Почтамтѣ 2,811

Баланса 1 черт. 95,171 75

II.

О Инвалидномъ Капиталѣ.

Всѣхъ суммъ по 1е Іюля состояло въ оборотѣ Комитета . . . . . 1 черт. 1,303,303 4

Баланса 1 черт. 1,303,303 4

Расходъ. Руб. Ко.

I.

Въ Инвалидному Капиталу поступило съ 1го Іюля по 1е Іюля 1,200 21

Въ Комиссаріатскій Департаментъ поступившія Пожертвованія и разные доходы и штрафы за 6 недѣль (какія показаны въ 1 черт. 6 №) 5,000 65

На разныя чиновническія и Канцелярскія расходы употреблено 850

Разныхъ выдано по билетамъ 1,165

Въ наличности въ 1 черт. Кассѣ 71,106 11

Баланса 1 черт. 95,171 97

II.

Въ 1му Іюля принадлежитъ въ Инвалидномъ Капиталѣ 1,201,823 50

Съ 1го Іюля по 1е Іюля отложено изъ поступившихъ Патріотическихъ пожертвованій . . . . . 1,480 [illegible]

Чрезъ Комиссаріатскій Департаментъ отложено въ капиталъ 5,000 65

Процентовъ причислено 5,33[illegible] 4

Всего Инвалидного Капитала 1,303,303 50

Въ Комиссіонной Кассѣ въ наличности въ 1му Іюля . 1 черт. 71,106 11

Баланса 1 черт. 1,303,303 4

На 1816й годъ 164

***Документ 18а–б**. Некролог о Г. Р. Державине.*
Газета «Русский инвалид». 1816. 16 июля. № 164. С. 669–670

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ пользу Музея Штиглица.

1.) Князь Волконскій изъ С. Петербурга за двѣ медали И. В. ошъ Императрицы благотворительныя Особы, жертвующей пріятныя ученіе въ воспитанникахъ Музея Штиглица — 1000 рублей.

2.) Изъ Павловска за подписавшихъ: Рубль — 5 рублей.

3.) Отъ неизвѣстной Особы изъ С. Петербурга за двѣ медали И. А. 50 руб.

Отъ Общества посѣщенія.

Изъ Туруханска отъ Г-на Полковника В. А. Гамова за 1 экз. полугодичнаго изданія сихъ вѣдомостей 50 рублей. (Остающіяся въ пользу Инвалидовъ — 27 рублей.)

Приказъ Начальника Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Санктпетербургъ, 12 Іюля 1816. № 14.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ 26 день Іюня сего года Высочайше указать соизволилъ, утвердить въ Грузіи сформированную стражу по правилу приложенному 3 Іюля 1816 года, опредѣленныя въ Тифлисѣ внутреннія, гарнизонныя баталіоны и въ четверти Уѣздныхъ городахъ Грузіи: въ Сигнахъ, Телавѣ, Ахалцыхѣ и Горіи служащіе инвалидные команды и пріисковыя онаго въ ономъ округѣ внутреннія стражи б округѣ въ 1 бригадѣ. — О чемъ и донося симъ къ свѣдѣнію всѣхъ прочихъ Подписалъ Начальникъ Главнаго Штаба Князь Волконскій.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изъ пребывающихъ Сего въ Санктпетербургѣ Іюля 14 дня 1816 года, соизволилъ выдать слѣдующія о Прибыли:

Перемѣщенія:

По Кавалеріи. Статскаго князя-генералъ-маіора Дадіанова Зеленаго и Пажескаго Своднаго на Бѣлозерскомъ оборонномъ полкѣ Зеленаго Бѣлозерскаго стрѣлковаго Штабъ-Офицера; Флигель-адъютанта Штабъ-Ротмистра Гвардіи Конно-Егерскаго полка Пущина Капитанъ въ Переименованіи. Въ конницу служащій Ротмистръ, а Егерскаго полка Подпоручика Апостолова въ Гатчинскую. По Гарнизону. Гусарскаго гарнизоннаго полка Прапорщика Пилькина въ Черниговскій Гусарскій полкъ Прапорщикъ Рагозинскій за рѣзко въ Полоцкую.

Произведенныя изъ унтеръ-офицеровъ:

По Кавалеріи. Иркутскаго Гусарскаго полка Портупей-Юнкеръ г. Тимирязевскій Уланскаго полка Юнкеръ Домбровскій. По Пѣхотѣ. У Карабинернаго полка Подпрапорщикъ Чернавскій Гвардіи обѣихъ: 1), Измайловскаго Вержбицкій, 2), Портупей Чайковскій. По гарнизону. Сѣвскаго гарнизоннаго полка Подпоручикъ Сибирскій, Гарнизоннаго Елисаветградскій Дворниковскаго Портупей Мазуренъ Георгіевскаго кавалеръ Матвѣй Хромовъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Сего Іюля 12 [illegible] скончался знаменитый Россійскій [illegible] Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ, въ уголкѣ своей Эпохи, 73 лѣтъ отъ рожденія. Сей почтенный мужъ, родившійся въ Казани 3го Іюля, 1733го года, въ царствованіе Петра умѣлъ привлечь къ себѣ гражданскій вѣнецъ усердного сына Отечества и съ одинаковою ревностію посвящалъ дѣятельную жизнь свою Музамъ и обязанностямъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГЕРМАНІЯ.

Дрезденъ, 16 Іюля. Зделалось недавно предъ симъ случилось здѣсь слѣдующее трагическое происшествіе. Шестилѣтній воспитанникъ Фридрихштадтскаго Инвалидскаго [illegible] учителемъ своимъ въ одной комнатѣ. Въ числѣ сихъ юношей находился единственный сынъ покойнаго Капитана Лендига. Этому мальчику вздумалось вырѣзать себѣ хлыстикъ изъ ивы и онъ въ виду учителя и товарищей своихъ пошелъ на дворъ, гдѣ росли ивовыя деревья. Съ маленькимъ ножичкомъ въ одной и съ пучкомъ прутьевъ въ другой рукѣ. Выходя на сей дворъ, несчастной мальчикъ поскользнулся, упалъ себѣ ножикъ въ грудь, и черезъ три минуты [illegible] Сіе происшествіе до того [illegible] учителя, что онъ [illegible] его въ опасную болѣзнь.

— [illegible] Сынъ почтенный уже почтенныхъ уже не подтверждающій [illegible] Успѣхами, что онъ [illegible] будетъ [illegible] только для [illegible] человѣка. Вмѣсто него учредились земское войско, въ которое будутъ [illegible] всѣ [illegible] отъ 18 до 40 лѣтъ.

АНГЛІЯ. (*Отъ Іюля.*)

Въ здѣшнихъ публичныхъ листахъ [illegible] упоминающія о [illegible] пожарахъ, кои по [illegible] произошли отъ зажигателей, желающихъ оказать [illegible] надъ [illegible] или [illegible] деревень. Въ [illegible] [illegible] [illegible]

Приложение 2

Г. Р. Державин в портретном интерьере эпохи Александра I

Портрет императора Александра I в мундире Семёновского полка.
Неизвестный художник, 1811–1812 гг.

Портрет Гавриила Романовича Державина в сенатском мундире.
В. Л. Боровиковский, 1811 г.

Портрет графа Виктора Павловича Кочубея.
Ф. Жерар, 1809 г.

Портрет князя Адама Адамовича Чарторыйского.
Неизвестный художник, 1808 г.

Портрет Николая Николаевича Новосильцева.
С. С. Щукин, не позднее 1808 г.

Портрет графа Николая Петровича Румянцева.
Дж. Доу, 1826–1828 гг.

Портрет Василия Назаровича Каразина.
Гравюра Л. А. Серякова (1875 г.) с гравюры начала XIX в.

Портрет графа Северина Осиповича Потоцкого.
Неизвестный художник, 1805 г.

Портрет Дмитрия Ардалионовича Лопухина.
Неизвестный художник, не позднее 1810 г.

Портрет Михаила Михайловича Сперанского.
А. Г. Варнек, 1824 г.

Портрет графа Алексея Кирилловича Разумовского.
Л. Гуттенбрунн, 1801 г.

Портрет графа Сергея Кузьмича Вязмитинова.
О. А. Кипренский, 1819 г.

Портрет Екатерины Яковлевны Державиной (Бастидон).
Литография Майера с портрета работы неизвестного художника, XVIII в.

Портрет Дарьи Алексеевны Державиной (Дьяковой).
Литография Н. К. Брезе с портрета работы В. Л. Боровиковского, XIX в.

Научное издание

Цинцадзе Нина Сергеевна

Г. Р. ДЕРЖАВИН:
НА СЛУЖБЕ У ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ

Монография
в трёх частях

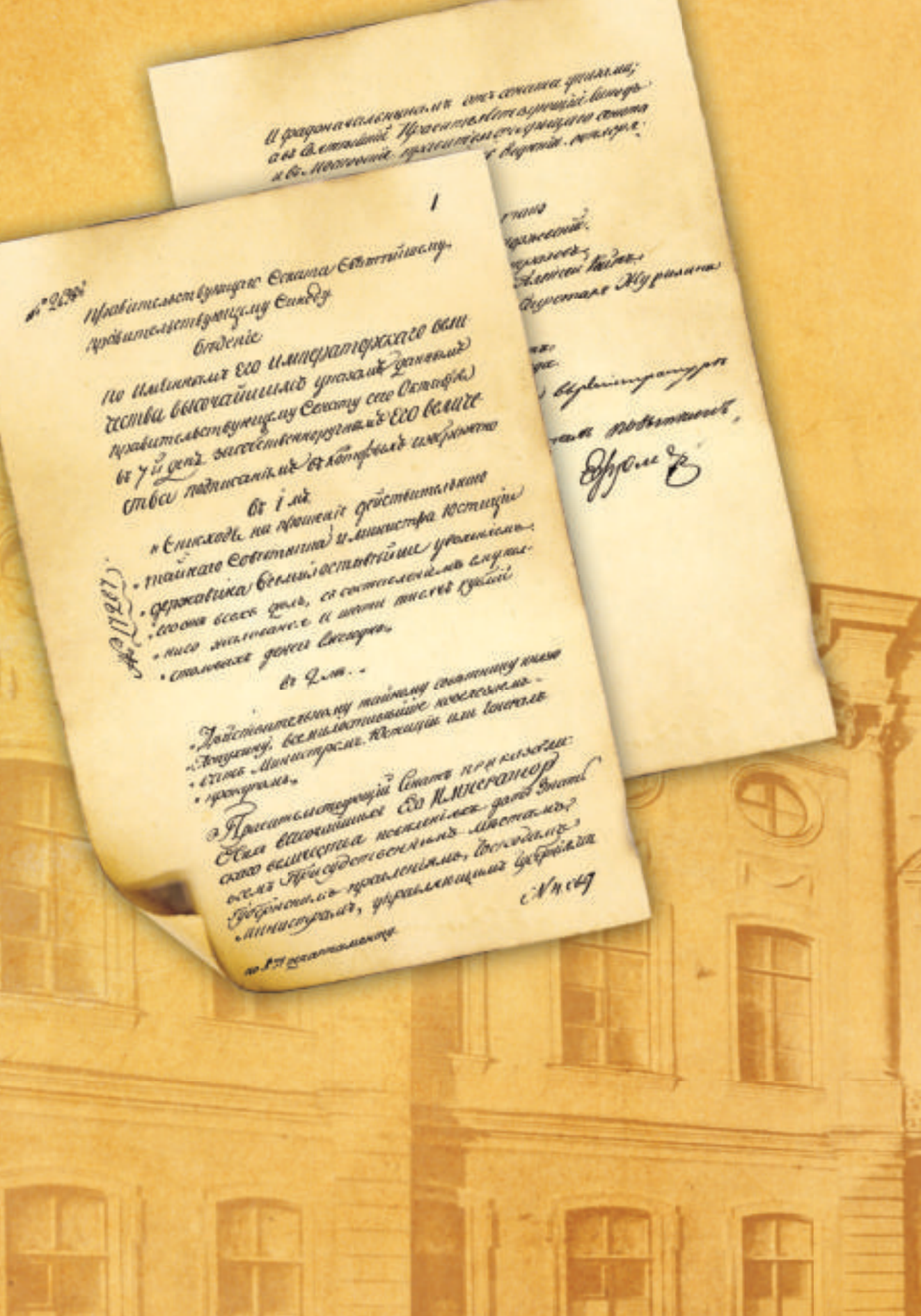
ЧАСТЬ III
Государственная деятельность
в царствование Александра I

2-е издание, исправленное

Редакторы: *Н. В. Ионова, О. А. Хворова*
Компьютерная вёрстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-174-6

Подписано в печать 16.01.2018.
Формат 70 × 100 1/16. Усл. печ. л. 24,51.
Тираж 500 экз. Заказ 17334.

Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г

Отпечатано в типографии
Издательского дома ТГУ имени Г. Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190 г